

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ И КРИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

на 1826 годъ

А. Измайловъ.

Aimez qu' on vous conseille et non pas qu' on
vous loue.
Boileau. *L'Art poétique.*

~~~~~  
ЧАСТЬ XXXI).  
~~~~~

.....

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ МОРСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1825 ГОДА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шемъ, что бы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для доставленія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Петербургъ. Апрѣля 12 дня, 1826 года.

Цензоръ Александръ Бирюковъ.

**ДРУЗЬЯМЪ - СОТРУДНИКАМЪ,
ЛЮБИТЕЛЬНИЦАМЪ И ЛЮБИТЕЛЯМЪ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ.**

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1826 — N° I.

МЯЧЬ.

Повѣсть *).

(повѣ. М. И.)

Кончивъ курсъ въ Іенскомъ Университетѣ, я отправился въ Санктпетербургъ помышляя своего счастья въ спанской службѣ. Меня снабдили рекомендацельными письмами къ людямъ, которые могли въ этомъ случаѣ пособить мнѣ, между прочимъ къ Каммергеру Мидленштейну, дальнему моему родственнику.

Мнѣ надобно было проѣзжать чрезъ Бадень (а я уроженецъ Баденскаго В. Герцогства). Между именами приѣзжихъ слу-

*) Сочиненіе воспитанника С. п. бургской Гимназіи, котораго многія спанскія помѣщенны уже были въ *Благонамбреномъ* 1825 года, и между прочимъ: *Ветеръ у Армейскаго Поручика*. Прим. Изд. Благ.

чайно увидѣлъ я имя Каммергера Мидлен-
пштейна. Это нечаянное открытіе обра-
довало меня; съ неперервнымъ хотѣлъ я
обнять своего дядю, котораго никогда
еще не видалъ; но такъ какъ было уже
довольно поздно, то я не хотѣлъ безпоко-
ить его моимъ посѣщеніемъ—оснастил-
ся на постояломъ дворѣ, зашелъ въ ко-
фейный домъ; и въ ожиданіи ужина при-
сѣвъ къ дорожному столу, смалъ пере-
сматривать адреса данныхъ мнѣ реко-
мендательныхъ писемъ. Вниманіе мое
прерываемо было по временамъ воскли-
чаніями игроковъ и бряданіемъ зодша
на ломберныхъ столахъ. — Я окинулъ
глазами освѣщенную залу: люблю замѣ-
чать въ публикѣ лица и по ихъ выраже-
нію заключать о нравахъ и характерахъ.
Кофейный домъ, по мнѣнію моему, есть
лучшая школа — узнавать людей. Здѣсь
собираются заботливые негоціанты и
говорять между собою о возвышеніи и
пониженіи курса, о средствахъ набога-
тѣться; спихонворцы, за чашкою кофе,
съ жаромъ разсуждаютъ о Поэзіи и вооб-
ражаютъ себя на Олимпѣ за чашею бо-
жественнаго нектара; а скромный фи-

лософъ, сидя спокойно въ уголку, размышляешь о суетѣ міра и о человеческихъ заблужденіяхъ. Между шемъ за игорными сполами кипящія страсти обнаруживаются рѣзкими чертами на лицахъ, или дикими восклицаніями; бѣшенство и опчаяніе шерзаешь проигравшагося и оскорбительная радость блистаетъ во взорахъ выигравшаго. — Но все это въ минушю перемѣняется, какъ кулисы на театръ; Фортуна, эта непостоянная женщина, не можетъ ни минушю постоять спокойно и улыбувшись кому нибудь, тотчасъ обращается къ нему спиною—тогда все перемѣняется: опчаяніе заснуаетъ мѣсто радости и приятная надежда мѣсто ужасной горести. Однимъ словомъ: кофейный домъ я почишаю за цѣлый міръ въ маленькомъ видѣ. — Здѣсь приходятъ, веселятся, печалятся и уходятъ; на мѣсто прежнихъ посѣвителей являюшя новые, подобно тому, какъ въ семь мірѣ люди рождаюшя и умираюшя и одни племена замѣняюшя другими.

Въ то самое время, какъ я размышлялъ такимъ образомъ, сидящій въ углу незнакомецъ, въ золотыхъ очкахъ, въ шем-

номъ серпукѣ, обратилъ на себя мое вниманіе. Ему было лѣтъ за сорокъ; на почтенномъ лицѣ его изображалось спокойствіе: но въ глазахъ примѣны были слѣды давнишней горести; онъ смотрѣлъ попеременно по на игроковъ, по на свою табакерку. — Въ лицѣ незнакомца видно было добродушіе, неволью меня къ нему привлекавшее; мнѣ хотѣлось вступишь съ нимъ въ разговоръ, и я сѣлъ подлѣ него, держа въ рукахъ письма. — Едва удостоилъ онъ меня своимъ взоромъ и продолжалъ смотрѣнь приспалько на свою табакерку. — Я взглянулъ на нее и увидѣлъ въ золотой оправѣ хорошо изображеннаго мальчика, играющаго мячикомъ. Незнакомецъ, замѣнивъ мое любопытство и указавъ на игроковъ, сказалъ мнѣ съ улыбкою: «посмотрише--вошь придворные Фортуны! Эта царица не имѣеть сходства съ нашими владѣтельными Князьями: никакими достоинствами, никакими заслугами нельзя получишь ошъ нея милости; она бросаетъ дары свои, какъ дитя бросаетъ на удачу свой мячъ — къ кому онъ прикашися, тошъ и счастливь!», — Понимаю, сказалъ я: вы принимаете мальчика, игра-

ющаго мячемъ, за эмблему счастья? —
 “Не совсемъ угадали! Впрочемъ вы правы,
 если допустимъ, что Фортуна можешь
 принимаешь на себя человѣческій образъ.,,
 — Я не понималъ, что значуть слова не-
 знакомца; онъ, кажется, примѣшилъ мое
 недоумѣніе и держа передо мною шаба-
 керку, сказалъ: “безъ сомнѣнія Фортуна
 была въ образѣ этого мальчика, бросив-
 шаго мячъ, который прикатился къ но-
 гамъ моимъ; я поднялъ его и съ тѣхъ поръ
 счастливъ.,,—Вы говорите такъ загадоч-
 но, какъ Дельфійскій Оракулъ — сказалъ
 я, пожимая плечами.

“Выслушайте, сударь, меня, продол-
 жаль незнакомецъ; я былъ несчастливъ,
 былъ нищій, терпѣлъ ужасныя бѣдствія;
 съ этимъ мячемъ прикатилось ко мнѣ
 благополучіе, которымъ только могуль
 наслаждаться люди въ здѣшнемъ мірѣ —
 этому мячу обязанъ я всемъ, и для того
 ношу всегда при себѣ его изображение,
 какъ честный бѣднякъ носишь въ своемъ
 сердцѣ образъ благодѣтеля.,,

Здѣсь незнакомецъ ошановился, по-
 смотрѣлъ на меня приспально и замѣпя
 въ глазахъ моихъ любопытство, а въ ру-

къ письма, спросилъ: “вы вѣрно не здѣшній?”, — Нѣтъ, я ѣду въ Швербургъ какъ искашеля Форшуны, и имѣю рекомендацельныя письма къ ея любимцамъ. Я показаль ему письма и чиналь адресы: къ *Графу В* ... Незнакомецъ улыбался. — “Всѣ соединенныя силы цѣлаго свѣта не могушь доставить вамъ счастья, если не суждено вамъ бытъ счастливымъ — ежели у васъ худа карма, то всѣ разсчешы игроковъ здѣшняго міра обращаешя въ ничто; часщю одна бездѣлка доставляель намъ счастье, шакъ какъ нѣсколькo лишнихъ очковъ на каршѣ — кучу золота.,”

Наконецъ я спросилъ его: не знаель ли онъ Камергера Мидденштейна, приѣхавшаго на щеплыя воды? — “На что вамъ? спросилъ онъ съ удивленіемъ.,” — Онъ мой родственикъ и я имѣю къ нему письмо. —

“Какъ ваше имя?”, — спросилъ онъ; я сказалъ ему. — Возможно ли, вскричалъ онъ: вы Фридрихъ Мидденштейнъ! и обнялъ меня. Это былъ самъ Камергеръ. — Я изъявилъ ему свое удивленіе, что нашель его въ шакоемъ обществѣ. — “Здѣсь мое любимое опдохновеніе: послѣ занятій прихожу обыкновенно сюда наблю-

дашь людей. Ты молодъ, не былъ еще въ школъ опытности и знаешь свѣшь только изъ книгъ: выслушай же исторію моей жизни и мяча, и пы удостовѣришься, что иногда самыя малѣйшія обспоятельсва, конечно по волѣ судьбы, могутъ насъ осчастливить; но теперь поздно—завпра все узнаешь.,—

Въ домѣ его я увидѣлъ картину семейственнаго счастья — добрую и любезную хозяйку, окруженную шрема милыми малюпками — и увѣрился, что Камергеръ говорилъ правду.—

“Самое счастливое время жизни человѣческой — юность, началъ мой дядя: была для меня не что иное какъ цѣнь злочлюченій; судьба жестоко гнала меня, кажется съ шемъ намѣреніемъ, что бы дашь мнѣ съ бѣльшею приащностію насладиться послѣ счащіемъ. Я родился въ городѣ А — матери своей лишился еще въ самомъ дѣтствѣ. Отецъ мой былъ Президентъ Коллегіи; онъ прилагалъ всевозможное попеченіе о моемъ воспитаніи.— Я жилъ въ довольствѣ и счащіи, и на

осмнадцатомъ году отправился въ Геттингенской Университетъ. Съ какою горестію разсказывалъ я съ милою опчиною и съ любезнымъ родителемъ, какъ бы предчувствуя, что вижу его въ послѣдній разъ! Прилежно писалъ я къ нему письма и исправно получалъ отъ него отвѣты, которые приносили мнѣ неизъяснимое удовольствіе и разгоняли грусть одиночества. Прошелъ уже цѣлый годъ; вдругъ получаю извѣстіе о тяжкой его болѣзни; немедля бѣгу на почтовый дворъ, сажусь въ коляску и на другой же день приѣзжаю въ родимый городъ. Вхожу въ домъ моего бабюшки съ мучительнымъ предчувствіемъ и вижу его испускающаго послѣднее дыханіе — только успѣлъ онъ благословить меня и смерть смѣжила глаза его навѣки. Съ того времени начались мои несчастія. Цѣлую недѣлю чувства мои были въ оцѣменіи; слезы, благодушный даръ природы, не капились изъ глазъ моихъ и не облегчали разперзаннаго сердца.

Всѣ радости для меня сокрылись во гробѣ съ опцемъ моимъ. Дядя мой, былъ человекъ весьма дурной, жилъ въ вѣчной

съ нимъ ненависти и всячески спарался вредить ему. Дѣдушка мой также не любилъ его за безчестные поступки, и хотя онъ былъ старшій сынъ, но отказалъ ему меньшую часть имѣнія, нежели моему отцу. — Давно уже плѣлась искра мщенія въ его сердце и готова была вспыхнуть. Это, благоприятное для него, время наступило, когда умеръ мой отецъ. Я былъ молодъ и неопытенъ; онъ хитръ и богатъ — черезъ мѣсяць я сдѣлался нищимъ и все прародительское имѣние перешло въ руки злаго дяди. Онъ пришелъ ко мнѣ самъ и съ безстыдствомъ доказывалъ справедливость своего поступка; потомъ объявилъ, что уже не я, а онъ настоящій хозяинъ этого дома, и указавъ на дверь, подаль мнѣ кошелекъ. Я бросилъ его на полъ, съ презрѣнiемъ взглянулъ на своего дядю и вышелъ.

Праведное негодование на несправедливость людей наполняло мою душу; на олдующій день рѣшился я идти въ резиденцію и лично принести Герцогу жалобу. Въ самой уединенной части города жилъ ремесленникъ, который обязанъ былъ всемъ своимъ состоянiемъ моему отцу;

здѣсь по, думаль я, найду себѣ пристанище на первый случай. — “Какъ счастливъ я, милоспивый государь, сказалъ онъ почтительно, что изволили ко мнѣ пожаловать. Ожидаю вашихъ приказаній., Я объявилъ ему, въ какомъ находился положеніи и попросилъ позволенія провести у него дни два. — Онъ наморщился и поклялся, что не имѣеть порожней комнаты, кромѣ грязнаго чулана на чердакѣ.— “О люди! люди! сказалъ я съ гореспію про себя: эпонъ человекъ, облагодѣтельствованный моимъ опцемъ, увѣрившій его многократно въ вѣчной благодарности, опвергаетъ меня!, Нечего было дѣлать; скрѣпя сердце, попросилъ я его, что бы онъ опвелъ меня шуда, и онъ съ примѣпнымъ неудовольствіемъ исполнилъ мою просьбу.

“Всѣ прошивъ меня, говорилъ я самъ себѣ въ уныніи: друзья опца моего опвергли меня, самые родные безжалоспны ко мнѣ; кто же будетъ имѣть соспраданіе къ нищему? На, Фиделись, возьми изъ рукъ моихъ въ послѣдній разъ, сказалъ я, подавая своей вѣрной собакѣ кусокъ чернаго хлѣба., — Собака махала хво-

спомъ, лизала мои руки и, казалось.. раздѣляла мои горести.—“О доброе животное! ты только для меня другъ священнѣйшій въ мѣрѣ!..”

Сколь приятно имѣть подлѣ себя какое нибудь живое существо, раздѣляющее наши страданія. Я не могъ безъ глубокой горести видѣть вѣрную мою собаку голодною, и по сей причинѣ не хотѣлъ взять ее съ собою въ путь, не зная чѣмъ самъ пропитаюсь. Ипакъ опдалъ я своего Фиделиса хозяину, который заперъ его въ сарай, безжалостно толкнувъ ногою, когда хотѣлъ онъ прибѣжать ко мнѣ.

На другое утро рано пустился я въ путь. Ужасная тоска угнетала мое сердце, когда выступилъ я изъ родимаго города, гдѣ увидѣлъ первый свѣтъ и гдѣ былъ свидѣтелемъ кончины моего родителя и несправедливости людей. — Все шѣ же были поля и рощи вокругъ города, на жерѣчка орошала цвѣшущія долины, шѣ же крушыя горы грядою окружали степныя моей отчизны; все шѣ же прелесныя мѣста, которыми я восхищался въ дѣтствѣ: но, казалось, они шѣ также были грусны, какъ и я, и раздѣляли печаль мою.

Я былъ одинъ въ мѣрѣ, всѣми оставленъ, всѣми презрѣнъ и обиженъ. Погруженный въ горькую думу, обходилъ я подошву одной горы, и вдругъ услышалъ громкій лай собаки.—*Это Фиделисѣ!* Она бросилась къ ногамъ моимъ, махала хвостомъ, визжала, лаяла, не знала чѣмъ изъяснить свою радость. Признаюсь, я самъ чрезвычайно обрадовался. Нѣтъ, добрый звѣрь, говорилъ я, глядя собаку: я не оставлю тебя; ты дѣлишь со мною радости: раздѣли же и печаль мою; ты ты приспыхаешь несправедливостъ людей! “Теперь мнѣ спало отраднѣе: я имѣлъ у себя вѣрнаго товарища.

Городъ *A*, въ которомъ я родился, стоялъ не далеко отъ границъ . . . скаго Княжества, и я въ задумчивости неумышленно зашелъ въ другія владѣнія. Была уже ночь, когда изнеможенный отъ усталости и горести приближился я къ одному домику, въ которомъ свѣтился огонь — это былъ постоялый дворъ; меня впустили въ комнату. — Человѣкъ пашъ сидѣло за столомъ и весело пиروвали. —

При входѣ моемъ они успремили на меня внимательные взоры; я расположился въ углу, вынулъ изъ кошомки кусокъ чернаго хлѣба и спросилъ воды; между темъ сидящіе за столомъ говорили о чемъ-то очень тихо и посматривали на меня. — “Что ты, приятель, не весель?,” спросилъ меня старшій изъ нихъ. Я сказала ему корешко, что со мною послунили жестоко и несправедливо и что я иду въ резиденцію жаловаться Герцогу. — “О! Герцогъ нашъ очень добръ и справедливъ, продолжалъ онъ: ты идешь пѣшкомъ; послѣ усталости черствый хлѣбъ не такъ-то сытенъ; садись, ужинай съ нами: можетъ быть мы будемъ тебѣ поварища!,” — Не понимая насмѣющаго смысла этихъ словъ, безъ всякаго подозрѣнія сѣлъ я съ ними вмѣстѣ — “Желаемъ тебѣ успѣха, поварища!,” сказали они въ одинъ голосъ, наливъ свои стаканы. Я принужденъ былъ оплалашить ихъ пою же монетою. — “Выпей за здоровье Герцога, говорилъ старшій: авось либо онъ будетъ помилованъ,” Я выпилъ. — “О! ты бравоу молодецъ! Герцогъ очень обрадуется, когда увидишь тебѣ.,”

На другое утро слова: *вставай, товарищ!* Стыдно солдату такъ долго спать — пробудили меня. — Съ поропливостію вскочилъ я и спрашивалъ: что это значишь? — “Ничего болѣе, отвѣчалъ Капраль: какъ только то, что ты въ случаѣ нужды будешь защищать ружьемъ Его Свѣшлость., — Я испугался, кляпвенно увѣрялъ ихъ, что имѣю крайнюю нужду видѣть Герцога, обѣщавъ имъ пропасть денегъ, просилъ, умолялъ, плакалъ — ничто не помогло — плотный ударъ палкою принудилъ меня замолчать и съ герестію покориться злой судьбѣ. —

Черезъ нѣсколько часовъ приѣхали мы въ небольшую крѣпость В. Меня представили Коменданту какъ браваго солдата. — Я палъ предъ нимъ на колѣна и заклиналъ его сжалишься надо мною. Тщелно! — “Очень бы глупъ я былъ, если бы оппустилъ такого молодца., сказалъ онъ мнѣ, разсмѣясь, и приказалъ намъ выдти. — Едва могъ я устоять на ногахъ, и меня вывели почти насильно.

Я увидѣлъ высокія стѣны крѣпости,

которая была гробомъ моей свободы, и надежда когда либо насладиться ею во все оставила меня. Привыкши жить въ довольствѣ и покоиствѣ, не имѣлъ я ни малѣйшей склонности къ военной службѣ — а еще бытъ проспымымъ солдапомъ! —

Палка безчеловѣчнаго канрала всегда прерывала мой ранній сонъ; на ученьи шакже отсчитывали исправно удары. — Все это переносилъ я съ мученическимъ терпѣнiемъ. Духъ мой терзался мрачными думами; улыбка не показывалась на устахъ моихъ; я ходилъ повѣся голову, и никогда мои взоры не встрѣчали радостно прекраснаго упра; никогда не восхищали меня небесный сводъ, живописныя горы, теряющіяся въ отдаленiи; чувство изящнаго умерло въ моемъ сердцѣ. — День ото дня шѣлесныя силы мои изпощались и душа изнемогала подъ бременемъ горестей. — Я не видѣлъ ни одного привѣтнаго взора, ни одного сообрадательнаго лица; некому было сообщить мнѣ своихъ чувствованiй. Одиночество мое было теперь для меня несравненно ужаснѣе прежняго.

Проходя однажды по улицамъ, увидѣль я маленькихъ дѣтей, играющихъ на колѣнахъ своихъ родителей; никогда не чувствовалъ я столь живо пошерю добраго и нѣжнаго отца моего, какъ въ эту минуту. — “О родители мой! воскликнулъ я со слезами: ежели бы ты съ горнихъ высотъ могъ видѣть мученія своего сына!”, — Мнѣ завидна была участь крестьянина; его встрѣчали дома отецъ или мать, жена или дѣти: а я, какъ пунникъ въ снѣгахъ Ливійскихъ, помился и спрдалъ, не видя ни ошъ кого помощи и утѣшенія! —

Проходя мимо одного огорода, примѣшилъ я шамъ старуху, копорая колала гряды; она нарвала плодовъ и съ ласкою подала ихъ мнѣ; я принялъ съ благодарношю. “Что такъ всегда печалеть, господинъ служивый?”, спросила она. — Я рассказалъ ей о своихъ несчастіяхъ; она изъвила мнѣ искреннее сожалѣніе и просила посѣщать ее чаще. — “Наконецъ нашелся человекъ соспрадательный, думалъ я, съ которымъ могу раздѣлять свои чувствованія. Съ какою радостію встрѣшилъ я въ этомъ непріязненномъ городѣ одно

лице, привѣспливо мнѣ улыбавшееся, одинъ взоръ соспрадающій , одно сердце, которое ошкрыто къ изліянію моеѣ грусти!—

Такъ пролетѣли на свинцовыхъ крыльяхъ пять мѣсцовъ. Казалось, нѣсколько привыкъ я къ своей плачевной долѣ; моя свобода была за высокими стѣнами и подавляла во мнѣ всякую мысль видѣть когда либо родимую сторону. И къ кому могъ я обратиться? Сердца всѣхъ людей были закрыты для меня: я не имѣлъ ничего прелеспнаго въ будущемъ; ни одна ошрадная мечта не ушѣшала меня!

Наконецъ въ одинъ ужасный день—и теперь не могу вспомнить объ этомъ безъ шренета—споялъ я у Коменданша на караулъ. Онъ разговаривалъ со мною довольно ласково, хвалилъ мое усердіе къ службѣ и обѣщавъ не оспавить меня. Я умолялъ его отпустить меня въ резиденцію **скаго Герцога, откуда кляшвенно обѣщавъ прислать двойный выкупъ.—Онъ не согласился. Съ горестію ошспоялъ я свои часы и пошелъ въ казармы. Вечеромъ пришелъ опять Коменданша другой

мой товарищъ, споявшій шамъ же на караулъ и сказалъ, что у' Коменданша пропала пѣнковая шрубка въ золотой оправѣ; вездѣ искали ее и не могли найти; подозрѣнiе пало на солдашъ, бывшихъ у него въ шопъ день на часахъ; и такъ какъ прежде пропадали многія вещи, то Коменданшъ чрезвычайно разсерженъ и спорого будешь разыскивать. — Спокойно уснулъ я подъ наступающею грозой, не предчувствуя, что она разразится надо мною.

На другое утро рано пробужденъ и былъ бранью капрала, который именемъ Коменданша приказалъ насъ обыскашъ. Одинъ изъ солдашъ взялъ мой мундиръ, всунулъ въ карманъ руку и, о ужасъ! — вытащилъ опшуда шрубку. Я споялъ, какъ пораженный громомъ, и не могъ сдвинуться съ мѣста; языкъ мой онѣмѣлъ и кровь оспановилась въ жилахъ. Я не опомнилъся еще, какъ опвели меня къ Коменданшу. Ничего не могъ я сказаши ему въ оправданiе, кромѣ сихъ словъ: *я невиновнъ; не погубите меня.* Но говоря это, дрожала я какъ пресшунникъ. Блѣдность моя и страхъ еще болѣе убѣдили его въ виновномъ

моемъ пресупленіи.—“Лицемѣръ!,, — закричалъ онъ—“отведише его на саупшвахшпу!,,—Тамъ услышалъ я, что приговорено было чрезъ пять дней прогнать меня сквозь спрой.—Я упалъ безъ чувствъ.

Не могу изобразить мрачныхъ чувствованій, которыя наполняли мою душу.—Я ропсалъ на судьбу, проклиналъ день своего рожденія.—“Праведное небо! возлицалъ я: невинность угнѣтена, а порокъ торжествуетъ!,, — Но послѣ одумался. “Нѣтъ, сказала я наконецъ: все, что ни совершается въ мірѣ—все по Твоему мовенію, Милосердый! И самое величайшее зло обращаешь Ты во благо неизрѣченное; часто ведешь Ты насъ по терніямъ—къ благополучію! ,,

Это спасительное размышленіе нѣсколько успокоило меня; но шпаякая мысль о предстоящей ужасной казни раздирала мое сердце. Усердно молился я Богу, что бы Онъ защитилъ мою невинность.—Пропекло уже пять дней въ такомъ ужасномъ состояніи: я смѣтрѣлъ и ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ и не понималъ; гробовый холодъ проникалъ въ мои члены, и казалось, я чувствовалъ разру-

шеніе существа моего.—Вечеромъ на канунѣ ужаснаго дня, выпросилъ я у Коменданпа позволеніе сходишь въ церковь. Тамъ, распроспершись предъ престономъ правосуднаго Творца, который видишь глубину сердець нашихъ, я умоляль Его сохранишь меня ошъ предстоящаго позора. Молишва и слезы доставили мнѣ какое-то облегченіе. Подѣв меня молилась моя знакомая старушка; съ участіемъ спросила она меня о причинѣ моей горести. Я разсказаль ей о своемъ несчастіи и о окончаніи обѣдни, остановивъ ее въ темномъ углу, заклиналъ живымъ Богомъ спаси меня. Сначала сказала она мнѣ, что не имѣеть нималѣйшей къ тому возможности, но наконецъ слезы мои пронули ее и добрая старушка велѣла мнѣ придти къ ней, если удастся, въ полночь.—„Молись, сынъ мой, молись: авось Богъ и поможетъ.,,

(Окончаніе въ слѣд. №.)

КОРЧМА.

Письмо изъ Ревеля.

Издалека показались бѣлая высокая труба и соломенная кровля корчмы; нашъ извощикъ, лихой Пулковецъ, которому были извѣстны ласковые корчмари и корчмарихи по всей дорогѣ, прихлопываетъ кнупомъ. Лошади, бѣжавшія цѣлыя супки весьма умѣренною рысью, пускаются во всю прысь 1); ямщику непременно хочется блеснуть своимъ ухарскимъ въ глазахъ корчмара, своего приятеля.—Прискакали.—Чухонецъ, стоя на порогѣ кланяется низко своему знакомцу и приѣхавшему варину 2). Извощикъ слѣзаетъ съ козелъ и идетъ въ корчму выиить маленькую. Между темъ добрый Эсшлянецъ суешился и ухаживаетъ около карены, мажетъ колеса, приноситъ пойло лошадямъ. Часто пронущій такимъ у-

1) Какъ больной, я ѣхалъ въ Ревель на долгихъ. 2) Чухонцы выговариваютъ б, какъ в. (Смолпр. *Путешествіе Н. А. Львова на Дудорову гору.*)

сердіемъ и жалкою фігурою сихъ бѣдныхъ Чухонцевъ, я давалъ имъ на водку болѣе обыкновеннаго; но мой ямщикъ всегда мнѣ за это выговаривалъ.—“Помилуйте сударь, зачемъ ихъ баловать: ошь проѣзжихъ Нѣмцовъ они бывають довольны и спасибомъ, много члю гривною.,

По всей дорогѣ, начиная ошь Нарвы до Ревеля, Чухонскія таверны построены одинакимъ образомъ: внушренность раздѣлена на двѣ половины; въ срединѣ въ стѣняхъ каминъ; на лѣво комнашы, или избы для приѣзжихъ, хопя не весьма опряпныя, но въ нихъ можно найши чистыя лавки и сполы, исписанные и изрѣзанные именами славолубивыхъ путешественниковъ; въ иныхъ бывають спуля даже зеркала, изрядныя, разумѣется, для Чухонцевъ. На полу разсыпанъ ельникъ; но это обыкновеніе нестерпимо для нашихъ Пепербургскихъ; лишъ шолько кто нибудь заглянепъ сюда позначительнѣе — долой эши зеленые ковры! Ошь сего душиспаго дерева, родственника романическимъ пихшамъ, кедрамъ и кипарисамъ, опворачивають съ охотою носъ наши сполычныя. Оно напоминаетъ имъ о путешеш-

ешви, только не къ Ревельскимъ водамъ! Направо жильё для содержателя корчмы и приемная для его гостей, крещьянъ ближней деревни, приходящихъ сюда по воскресеньямъ помянуть винца и покуришь шабачку. Далѣе, правѣе и лѣвѣе, огромные сараи для лошадей и отдыха проходящаго дорогою скота.

Многіе изъ этихъ шинковъ стоятъ на весьма приятномъ мѣстоположеніи, и сельской ландшафтъ, ихъ окружающій, заставляетъ забываться закопѣлую наружность, кошорая, какъ замѣчаютъ художники и путешественники со вкусомъ, имѣетъ нѣчто живописное.—Въ самомъ дѣлѣ представляте себѣ избу, сложенную изъ плиты; мохъ и репейникъ распушь въ щелинахъ; съ высокою трубою и соломенною кровлею съ навѣсомъ; ласпочки, вылепая изъ подъ нее, свистятъ и кружатся въ воздухѣ; лучи солнца, разсѣкая пробѣгающія тучи, освѣщаютъ мѣстами окрестности. То засвѣплѣютъ зеленяя жавы, то песпрыя спада, собравшіяся около сырыхъ, поросшихъ мохомъ камней, разсыпанныхъ по полямъ рукою природы. Изрѣдка освѣшился коло-

кольня и высокой киршпилъ сельской церкви, выглядывающей изъ за куспарниковъ; блеснуть мелкія спекла готическихъ оконъ, и пѣтухъ подь креспомъ, прикрѣленный вмѣсто флюгера, кружился быстро отъ порывистаго вѣтра. Вошь бѣлѣшь красивое зданіе: это спанція Энгелехпъ; и прямо вдали каменный мостъ съ тремя арками, шемъ похожій на древній Римскій водопроводъ, чпо ни въ немъ, ни подь нимъ нѣтъ вовсе воды.—Она высохла' отъ засухи. Звѣнишь колокольчикъ почтовой шельжки, пролетающей мимо съ быстротою молніи; раздаются унылыя пѣсни Эспляндца и скрыпь его одноколки я вашель изъ карепы насладишь свѣжимъ воздухомъ и полюбовашься сельскимъ нидомъ; но сильный и довольно холодный вѣтеръ принудиль меня взойти въ корчму.

У дымнаго очага длиноволосая Чухонка, въ шапочкѣ, съ мониспами на груди, разводила огонь и спавила чайникъ съ водою. Лучъ свѣта, пробивающійся въ закопшѣлую пирубу, и огонь отъ щепъ едва освѣщали ужасную темношу этого

вертепа. — Возлѣ очага сидѣли двое грязныхъ Эстонцевъ съ трубками и разговаривали между собою. Ихъ загорѣлыя, унылыя лица, были оживлены разговоромъ болѣе обыкновеннаго; по ихъ движеніямъ я замѣсилъ, что предметъ ихъ бесѣды занималъ ихъ очень много. Мой извозчикъ зная нѣсколько словъ почухонски, вмѣшался въ разговоръ; но не могъ добиться насмѣющаго шутку. Пришедшій корчмарь разсказалъ мнѣ, что рѣчь идетъ о сгорѣвшей недавно гдѣ-то корчмѣ, сожженной одною Эспляндскою Фурією изъ мщенія. Исторія была довольно любопытна, и еслибъ вмѣсто меня проѣзжалъ здѣсь знаменитый Шопландскій Баронетъ, то она доставила бы ему содержаніе для занимательной повѣсти. Не умѣя такъ красно излагать своихъ мыслей, я разскажу вамъ ее по моему. Содержашелемъ сгорѣвшаго шинка былъ Чухонецъ Юганъ. Надобно вамъ замѣнить, что состояніе корчмаря имѣетъ большія преимущества въ глазахъ прослѣдующихъ Эспляндцевъ. Содержашель работаетъ, когда хочетъ, и шо на себя, пьетъ вина и куришь шабаку вволю, и у него . . .

водился и денежка на праздничный день. Завидное состояніе! Юганъ наслаждался въѣми эпими благами, и корчма приносила ему хорошій барышокъ. Онъ любилъ пригожую, курносую Эспляндку и прельсшилъ ея сердце богатыми подарками, бисерными пронизками, пяпи-алпынниками и двугривенниками съ ушками, мѣдными колечками и запанками. Любовь его увѣнчалась усѣхомъ. Можно ли опказанъ удалому и заживочному корчмарю, который былъ приномъ и недурень собою? Но любовники не долго наслаждались благополучіемъ. Нашедся крестьянинъ, позаживочнѣе и поповорнѣе Югана, и предложилъ опкушъ за корчму болѣе его; къ этому присоединились навѣспныя всему селенію проказы и распущная жизнь корчмаря — и Юганъ принужденъ былъ опказанъ опъ выгодной должности. Чпо будешь дѣлать? Нашъ шинкаръ, великой мастеръ продавать и попивать вино, не гораздъ былъ работать; будущее предсавляло ему голодь и нищету. Просиши, веселая, беззаботная жизнь! Просиши, лучшей пѣнникъ и кнастеръ! Любовница раздѣляла его опчаяніе, и они сго-

ворясь вмѣстѣ, рѣшились доказатьъ дружбу своему лиходѣю. Новый содержатель вѣнупиль въ опиравленіе своей должности; продажа шла лучше прежнего, и онъ смѣялся надъ безсильною досадою горемыки Югана: *но листья сильно иногда безсильные враги!* И надъ нимъ это сбылось. Однажды въ шемную ночь онъ пробужденъ прескомъ, дымомъ и пламенемъ—корчма его горѣла; едва успѣлъ онъ спастись самъ; пожаръ испребилъ все его достояніе и припомъ же сгорѣло шущъ много рогатнаго скопа, ошдыхавшаго въ сараѣ и принадлежавшаго Нарвскому мѣщанину. Дѣло было не шуточное, снали разыскивать и, какъ говоритъ пословица: *шла въ мѣшкѣ не утаишь*, узнали ошъ сосѣдѣй, что въ шу ночь, когда случилось это происшествіе, любовница Югана вышла изъ своей избы съ фонаремъ и бродила около корчмы. По шакому подозрѣнію схватили ихъ обоихъ. Долго не признавалась несчастная; но наконецъ, будучи обманута ложнымъ увѣдомленіемъ, будшо любовникъ ея повинился, и она призналась въ своей винѣ. Въ глухую полночь прокралась злобная Эстонка въ сараѣ съ пламенемъ мще-

нiя въ сердцѣ и съ пылающею лучиною въ рукѣ. Два раза зажигала она—и дважды ей не удавалось; но долго ли могутъ прогнiваться огню сухая соломенная кровля и легкiя деревянныя стропила? Пламя разлилось быспро — и мщенiе совершилось. Оба были наказаны.

По сему анекдоту нельзя однакожь сдѣлать общаго заключенiя о нравѣ Эспонцовъ: пламя спраспей въ нихъ рѣдко вспыхиваетъ; они вообще живутъ смирно; работаютъ, какъ авпомашы; все ихъ удовольствiе напишья до пьяна въ праздничный день. Наши мужики приписываютъ имъ особенныя качества: по ихъ словамъ Чухны знаютъ лѣчить корешками и травами, умѣютъ ворожить, помогаютъ душевнымъ недугамъ. Опнеспи ли шо къ честности и просподушiю ихъ характера, что ни воровства, или какихъ нибудь другихъ шалостей, не слышатъ между ними? Не опъ того ли, что они неспособны ни къ худому, ни къ хорошему?—

Лошади отдохнули—и мы пуспились далѣе. Простите до слѣдующаго письма.

ПИСЬМО ИЗЪ РЕВЕЛЯ.

Въ воскресенье, въ прекраснѣйшій лѣтній день, мы пошли въ городъ. Со мною было двое моихъ молодыхъ родственниковъ, приѣхавшихъ послѣ меня, и я, какъ человѣкъ бывалой, назначенъ былъ пушеводителемъ.

Форшпадинъ, или предмѣстіе, окружающее Ревель, гораздо болѣе города; улицы шире, строеніе все деревянное и по большей части новѣйшей архитектуры: много большихъ, красивыхъ домовъ съ обширными садами, но и самыя вѣтхія избытки оплочаются опрятною наружностію, напоминающее что-то Германское. Вездѣ численныя палисады съ пышными каштанами, акаціями, пополями и шиповникомъ. На крыльцахъ—это любимое отдохновеніе здѣшнихъ жителей—сидятъ почтенныя Нѣмцы съ пирубками; маменьки съ рукодѣльемъ.

Мои сопутники заглядывались на прелестныхъ Нѣмочекъ, идущихъ въ церковь съ молищенниками въ рукахъ. Веселое ли расположеніе моего духа было пому причиною, не могу сказать рѣшительно;

но мнѣ казалось, что все дышало какою-то радостію; все мнѣ казалось живописнымъ, занимательнымъ. Въ городѣ шацились оригинальные Ревельскіе экипажи: огромныя фуры; ихъ тянули сухіе и высокіе кони, заложеныя гуськомъ и украшенныя тремушками и красными лоскутками; длинныя брички и огромныя дрожки управлялись самыми неуклюжими длинноволосыми фурманами. Пыль сполбомъ... Это наши Петербургскіе, въ открытой коляскѣ, лепящъ въ городѣ послушать органовъ Nicolaу-Kirche, или проповѣдника церкви Св: Олая. На встрѣчу нищіе, которыхъ заунывные напѣвы выманиваютъ нѣсколько мѣлкихъ денегъ. Эти побродяги полюбили нашихъ проѣзжихъ, въ особенности дамъ, которыхъ, не имѣя при себѣ мѣдныхъ денегъ, раздѣлываются съ ними серебромъ, или кожаными марками. Впрочемъ здѣсь мало видно празднующихся; можетъ быть прудолюбіе и непоспѣжимая экономія Ревельцовъ тому причиною. Здѣсь не сполкнешься съ почтеннѣйшими особами, напоминающими героя Басни А. Е. Измайлова, облеченными или въ шпатель фризую, или въ шубу плисо-

вую, которые получивъ подавнiе, гово-
 рятъ: *приношу мою тувствительную бла-
 годарность—съ почтенными вдовушками,
 въ вѣчномъ шраурѣ, у которыхъ дѣтей
 не бываетъ менѣе семи, или осьми, все
 малъ-мала меньше—съ добрыми мужич-
 ками, у которыхъ всегда бываетъ или
 мертвое тѣло, или погертвое лѣсто, или
 наконецъ съ эшими несносными, безоп-
 вязными ребяшинками, съ ихъ напѣвомъ:
 бѣдны—имъ и безщасны—имъ; они какъ
 будто передразниваютъ нѣкоторыхъ изъ
 нашихъ поэтовъ, за несимѣнiемъ надлежа-
 щаго числа стиховъ, вспавляющихъ въ свои
 благозвучные стихи: *ужь, лишь, а, и, какъ* *)
 ...Однакожь гдѣ я очутился?...Я вовсе по-
 забылъ, что мы идемъ по самой широ-
 кой улицѣ форшпадта; прошли болѣе вер-
 сты и уже столица Эспонiи начинаеть
 показываться.*

“Какой прекрасной видъ!”, сказалъ я
 своимъ соупникамъ. Направо огромныя
 стѣны и башня Олаевской церкви, полу-

*) Прошу извиненiя у моихъ читателей
 въ семъ небольшемъ отступленiи: его дик-
 товала не *скуность*, а *глупость*. *Прим. Сот.*

разрушенныя и зачернѣнныя пожаромъ; въблизи ихъ выказываются изъ за городской стѣны зеленые куполы вновь воздвигнутой Россійской церкви во имя Св. Николая: эда башня, похожая на указку, принадлежишь высокомуудрой Рапушь, а нѣскольکو поменѣ колокольня Эстонской церкви. Предъ вами бѣлѣется на крутомъ земномъ возвышеніи прекрасный домъ Колбарса; вошь церковь и сѣрыя башни Вышгородскаго замка; черная крыша и чешвероугольная башня Nicolaus Kirche. Нѣскольکو старыхъ домовъ прилѣщено ко внутренней стѣнѣ; нѣкоторыя изъ нихъ развалились, и распѣнія, прозлабающія на семь каменнеломъ груннѣ, своею зеленью украшаютъ развалины. Ревель огражденъ двойною стѣною съ башнями, ровомъ и валомъ; кромѣ сего бульварь, окружющій городъ, придаетъ ему опмѣнно приятной видъ. Мы подошли къ Нарвскимъ воротамъ: надъ ними на щинѣ, съ вензловымъ именемъ АЛЕКСАНДРА I Великокняжеская корона. Это оспапнокъ древности: на немъ примѣтны слѣды прежде бывшихъ буквъ. — Входимъ—поворошили налѣво шаговъ пятьдесятъ и

опять направо; передь нами другая снѣна и вороша, пробишья въ башнѣ, высокой и чепвероугольной съ деревянною крышею, и на снѣнахъ кошорой видны какія-то странныя жельзныя фигуры.

Свое путешествіе пишу я не для особь, объѣздившихъ бѣлый свѣтъ вдоль и поперекъ, кошорыя были разь десять въ Парижѣ, въ Лондонѣ, во всѣхъ знашнѣйшихъ городахъ Германіи и Италіи: имъ не понравилсъ такія подробности. Оно назначено для нашихъ домоѣдовъ, невыѣзжавшихъ изъ Пешербурга далѣ Пешергофа, или въ другую сторону, далѣ Александровской Мануфакшуры и фарфоровыхъ заводовъ; для сподичныхъ, влюбившихся въ свои правильные дома, гладкіе трошюары, чистыя набережныя. (Судише какое малое число чипашелей я себѣ назначаю!) Такія особы, приѣхавшія въ городъ, похожій на Ревель, потчасъ заговорятъ междуменіями, что и случилось съ моими шоварицами.—“Ахъ! какіе странные дома! Какія смѣшныя окна! Боже мой! какія кривыя улицы! Какія гадкія мостовыя!”,—Прошу васъ, не ахайше, мои друзья; и такъ уже на васъ смонряшь,

какъ на чудо. Скажите, не уже ли сердце у васъ не шевелился, смотря на сіи ошпапки рыцарскихъ временъ, на эпидомы съ гербами и желѣзными украшеніями, на эпі рѣзныя двери, на эпі крыльца? Вспомните слова знаменишаго Вальтера Скопина. “Сіе роскошное смѣшеніе “башень, зубцовъ выдавшихся оконъ съ “искусною лѣпною работою, съ сими возвышенными зданіями и разнообразіемъ “ихъ украшеній, производящъ дѣйствию, “столь превосходящее скучное однообразіе нашихъ новѣйшихъ улицъ, какъ шлемъ “воина въ сравненіи съ простою шляпою “квакера., *) Но эітошъ шлемъ, м. л. д., былъ во многихъ сраженіяхъ и поединкахъ: срубленъ его великолѣпный гребень съ пушистыми перьями; онъ заржавѣлъ и лишился прежней шпжеспи.

Мои поварищи вспрѣшались со своимъ знакомцемъ, начались привѣтствія, поздравленія и разспросы; я между шемъ пришпорилъ своего конька, и онъ мигомъ перенесъ меня во времена опдаленныя.— “Можешъ бышь, думаль я, въ семь окнѣ,

*) Lettres de Paul á sa famille.

подъ копорымъ красуется табачная вывѣска, сидѣла благородная дама; она ожидала съ неперпѣваемъ извѣстїей оцъ своего храбраго паладина, сражающагося съ Русскими у стѣнъ города, и своимъ мечемъ опсшайвающаго честь ордена меченосцевъ. Какъ бьется ея сердце, какъ волнуется бѣлая грудь! Ея супругъ, благороднѣйшїй изъ Эстонскихъ рыцарей, и у ея окна собрались жены и дѣти проспыхъ воиновъ, ожидая шакже вѣсточки оцъ своихъ родныхъ. — Вошъ отворились воропа: вѣзжаетъ запыленный воинъ; дама узнаетъ оруженосца своего супруга и бѣжитъ на крыльцо, желая хопя одною минушою скорѣе извѣспишь о миломъ ея сердцу; забышы всѣ приличїя: она сквозь толпу пробивается къ самой лошади вѣспника, едва удерживающаго своего ретливаго иноходца. — “Что мой супругъ?,” — Наши дерушя славно, говоритъ оруженосецъ, медленно поднимающїй свой наличникъ: изъ одиннадцати нашихъ знамень отбишо всего шестъ; а прочїя вѣютъ надъ побѣдонсною дружиною. Мечъ вашего супруга блисшаетъ, какъ зарница; я самъ.... но благородный мой господинъ

послала меня уведомить, что неприятели уже опустошают и что вскорѣ мы возвратимся съ шоржескидомъ. Я опрометью бросился изъ рядовъ, желая вась скорѣе обрадованъ. Пришелъ же, подумавъ онь про себя, эти проклятыя бердыми такъ славно работающы, что немудрено ошашься безъ пазичника, безъ носа и безъ усовъ. — Можеть бышь, продолжалъ я, на семь крыльцъ, гдѣ спойшь зношь Африканской уродъ въ Американскомъ нарядѣ *), почпешный Гросмейстеръ, съ золотомъ цѣпью на черномъ бархатномъ полукафтанѣ, встрѣчалъ милую дочь свою, возвратившуюся съ богомолья, изъ монастыря Св. Бригитты. Прелестный, блочурый пажъ, держа на лѣвой рукѣ синюю бархатную подбишную горноспаями эпанчу своей госпожи, а правою, шрепещущею ошь шайнаго чувствва, помогаль ей всходяшь на крупныя ступени крыльца. “Разпрягайте, разѣдывайте коней!”, кричалъ старый Рыцарь своимъ конюшимъ, высаживающимъ изъ огромной колымаги спарую няню, кошо-

*) Всему Ревелю извѣстная вывѣска.

рая выходя пугалась въ своемъ гургурановомъ робронѣ. “Милая Клара, говорилъ почтенный Гросмейстеръ, цѣлуя разгорѣвшіяся отъ усмалости щеки своей дочери: ты съ излишнею спрочностию выполнила свой обѣтъ; ты возвратилась пѣшкомъ, не правда ли, мой другъ? — Ахъ, бапюшка! послѣ упреннаго дождя, такъ свѣжо, такъ приятно въ воздухѣ! — “Никакъ не могла уговорить барышню, говорила няня: отдохнуть и присѣсть со мною; однакожь скажи правду, сударыня, ты очень успала? Спасибо доброму Алфреду: онъ на рукахъ переносилъ ее, гдѣ были лужи и гдѣ прибрежной песокъ былъ очень вязокъ., — Молодой пажъ зардѣлся отъ такого замѣчанія. — “Дай Богъ здоровья барышнѣ, продолжала спарушка: она такая богомольная, такая скромная; въ Монастырѣ она удивила самаго Аббата своимъ примѣрнымъ благочесіемъ. Даруй ей, Господи, женишка богатаго, да хорошаго!., — Румянецъ оставилъ нѣжныя щеки молодого пажа; казалось, кровь остановилась въ его жилахъ.... “Ба! да какіе славные у васъ магазины!., закричали мои сопутники. Же-

спокіе разрушили своимъ восклицаніемъ мой воздушные замки; конекъ мой согнулся, и я перелетѣлъ мгновенно изъ шестнадцатаго въ девятнадцатое сполѣніе. Хотѣлъ было упрекашь ихъ въ равнодушіи къ памяникамъ среднихъ вѣковъ; однакожь удержался: многія зданія заставили ихъ заглядѣться. Въ самомъ дѣлѣ Петербургскому жишелю любопытно видѣшь пирамидальныя крыши съ деревянными спашурами; дома, гдѣ, вмѣсто Греческихъ гуськовъ и розетъ, выглядываютъ рыцарскія головы въ шишакахъ, или дамскія въ огромныхъ колеспахъ; на нѣкоторыхъ видны рѣзныя, даже живописныя изображенія святыхъ.

Мимо Шведскаго рынка закаулкомъ мы вышли на площадь. Рапуша, одно замѣтное на ней зданіе, съ зубцами, узкими окнами и башнею. На площади по буднямъ бываетъ довольно шѣсно; здѣсь толпятся люди разныхъ поколѣній, составляющіе жишелей здѣшней губерніи: Финны, Эстонцы, Латыши и наши земляки; шунтъ споятъ извозчики, возы съ сѣномъ; продають зелень; здѣсь суровскія, посудныя, мебельныя лавки. Это Парижъ въ сокращеніи.

Вышедши въ морскую улицу, мы очутились подлѣ церкви Эспонцевъ и полюбопытствовали видѣнь ихъ богослуженіе. Церковь ихъ, принадлежала, какъ и всѣ прочія, Капюликамаъ и, какъ полагаешь Г. Рикордъ, есть древнѣйшая во всемъ городѣ. Она не очень огромна; однакожь довольно красивой наружности и въ настоящемъ готическомъ вкусѣ: съ рѣзаными окончинами, съ башенкою, или бушючкою, прикѣленною къ сѣднѣ, съ узенькою, осмиугольною колокольнею.

Храмъ былъ совершенно наполненъ добрыми Эспонцами, приходящими сюда изъ близкихъ къ Ревелю деревень и селеній. Это составляло у нихъ непремѣннымъ долгомъ. Невыполняющихъ сей священной обязанности строго наказываютъ. Со звуками органа сливались ихъ голоса, и такая музыка, при всей неспрочности, была довольно приятна. Органы умолкли; паспоръ взошелъ на кафедру; мы заблагоразсудили убраться; подошли къ двери—не шутъ-то было: двери были запершы. Толстый Кисперъ, моргая глазами, дѣлалъ намъ знаки наблюдать глубочайшее молчаніе и возвратишься на преж-

нее мѣсто; но сжался надъ нашимъ положеніемъ; вывелъ насъ на цѣпочкахъ въ небольшія дверцы.

Въ будущемъ моемъ письмѣ, м. л. д., я опишу какъ умѣю, церковь Вышгородскую, хотя увѣдомляю васъ, что описаніе въ этомъ родѣ будетъ послѣднимъ; несравненный видъ оныя дома Графа Шпейнбека; Ивановъ вечеръ; а если не залѣчусь, то и представленіе *Фрейшица* на здѣшнемъ театрѣ. Прощайте.

28 Іюля 1825.

~~~~~

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ДУРА ПАХОМОВНА *).

Сказка.

Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!

Сказалъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ.—

А съ дуракомъ?... Могу признаться,

Что дуры во сто разъ опаснѣй дураковъ,

И пемь опаснѣй, чемъ молоде,

Красивѣе лицомъ, пригоже.—

Боюсь дуры: молодыхъ, пригожихъ не люблю;

А старыхъ и дурныхъ, почести! не терплю.

---

*) Изъ *Невскаго Алманаха* на 1826 годъ.—Свое перепечатывать можно. *Прим. Изд.*

Пахомовны спарушки сынъ,
 Не помню города какого мѣщанинъ,
 Который нѣкогда былъ гдѣ-то маркишан-
 томъ,
 Рѣшился сдѣлаться... бумажнымъ фабри-
 канномъ!

Весь нужный инструментъ досталъ
 И по ночамъ работать спалъ;
 На пробу сдѣлалъ онъ синюшку,
 И машушку свою спарушку
 Послалъ бумажку размѣнять.
 Та къ лавочкѣ и размѣняла,
 Хотя въ деньгахъ счесть не шакъ-
 то знала,

Да и начто спарухъ знашь?

Вотъ масперъ нашъ прилежно работаешъ,
 Бумажки все пригошовляешъ,
 А машушка мѣняешъ,
 И размѣняла шакъ она бумажекъ шесть.
 Знашь надобнобъ и чешъ.

Нѣтъ, дай седьмую ей прикѣсть!—

“Ошкуда, старая, бумажки ты паскаешъ?
 Возкликнулъ Лавочникъ Егоръ—
 Гдѣ взяшь тебѣ? Твой сынъ и пьяница и
 воръ!

Ужъ не фальшивыяль бумажки ты мѣняешъ?,
 —Фальшивыя? Чшо ты, козлина борода!
 Мой сынъ самъ дѣлаешъ бумажки...— „Самъ?“,
 —Да! да!—

Плохая вышла шулика!

У лавочки стояла бушка.

“Фаденчъ!”, — Лавочникъ съ испуга закричалъ:
 “Сюда!”, и за ворошъ старуху крѣпко взялъ.
 Явился въ лавочку Фаденчъ съ миной важ-
 ной,

Сбъ съкирою, вбъ бронь серляжной.

Оль грамотѣ немножко зналъ

И ассигнацію фальшивую призналъ.

Мгновенно учинилъ свое распоряженъе,

Чтобъ масперъ съ фабрики куда не ускольз-
 нулъ;

Пахомовну разъ пять ругнулъ,

А къ Надзирателю отправилъ доношенъе.

Пошомъ къ Пахомовѣ гурьбою въ домъ по-
 шли

И за рабошою сыпка ея нашли;

Веревкой обоихъ, рука съ рукой, связали;

На съзжую съ приумфомъ отвели;

Судили, наказали.—

И слезы шупъ не помогли!

А бѣдная ужъ выла, выла,

Что сдуру и себя и сына погубила.

И.

mmmmmm

ВЪ АЛЬБОМЪ М. П. Ж.

Супруга нѣжная, почтеннаго супруга!

Что васъ достойнаго въ альбомѣ написать?

Какъ мало у меня безпечнаго досуга

И сладостныхъ мивушь, когда могу мечташъ

О милыхъ женщинахъ, о ихъ предназначеньи:

Во всемъ бышь образцемъ прекраснѣйшимъ

для насъ!

Давно перо мое въ покоѣ и забвеньи—
Теперь беру его, пишу для васъ—*безъ васъ*.

О женщины, краса природы!
Что былибъ въ міръ мы *безъ васъ*?
Текли бы дни, шланулись годы
И жизнь бы шягошила насъ.

Безъ васъ все мрачно, все уныло;
Безъ васъ вездѣ пустынный видъ;
Безъ васъ ничто душѣ не мило,
Ничто сердце не веселишь.

Безъ васъ бы люди не искали
Блестящихъ счастья даровъ,
Своихъ бы ближнихъ опшуждали
И жилибъ посреди враговъ.

Безъ васъ бы насъ не привлекала
Святая слава добрыхъ дѣлъ,
Душа въ бездѣйствіибъ дремала,
Умъ безъ развишія дряхлѣлъ.

Безъ васъ науки и искусства,
Какъ мрачный хаосъ безъ Творца;
Вы, оживляя наши чувства,
Одушевляете сердца.

Казань.

Ө.....Ры.....скій.

КЪ П . . . НУ.

Не будемъ, П — нъ милый мой,
 Спремленно чувсшва предавашся,
 И очевидно ослѣпляшся
 Нась уклекающей мечшой!
 Спремясь за суешной хвалой,
 Не будемъ болѣ заблуждашся!..
 Бесплодный въ насъ пылаешъ жарь!
 Мы можемъ сами видѣшь ясно,
 Что рвеньемъ чувсшвъ горимъ напрасно,
 Что нашъ ничшоженъ слабый дарь!
 Безславныхъ мы не обезславимъ,
 Глупцовъ не сдѣлаемъ умнѣй—
 Порочныхъ также не исправимъ;
 Доклады жъ *) любящихъ судей,
 Повѣрь, не сдѣлаемъ чеснѣй!
 . . . . .
 . . . . .
 Пускай колдуешъ чародѣйство,
 Пускай Вралевъ наводишь сонъ
 Своими вялыми стихами!
 Пускай все будешъ между нами!
 Не наше дѣло порицашъ
 Невѣждъ поспунки и сужденья;
 Не наше дѣло опкрывашъ
 Ихъ слѣпошу и заблужденья!

---

*) Относится къ пзльстной Сказкѣ А. Е. Измайлова:
Приказныя Синоимы.

Извѣдавъ опышомъ людей,
 Пора намъ, П—нъ, быть скромнѣй;
 Пора казаться просшаками,
 И не смѣяться надъ глупцами!
 Не все мы будемъ понимать,
 Не все высказывать свободно;
 А будемъ болѣе молчать
 И думать: *такъ судьбѣ угодно!*

. . . . .
 Но кое-какъ собравшись съ силой,
 Переименуемъ въ добрый часъ!
 Мы будемъ помнить, другъ мой милой,
 Что *правда* очень колетъ глаза!

Б — Рю — нб.

~~~~~

С М Ъ С Ъ.

Свѣтская жизнь и служба, сближающъ людей, совершенно различныхъ характеровъ и правилъ. Весьма часпо, за однимъ сполникомъ, играютъ въ виспъ Кривосудовъ, Чеспоновъ, Зарницкій и Правдинъ . . . Обыкновеніе видѣться между собою въ общесствахъ сдѣлало ихъ равнодушными къ *маленькимъ недостаткамъ*, которые неуряются въ нихъ другъ другу; и приѣзжій, увидя ихъ вмѣспѣ, на-

вѣрное скажутъ, что они хорошіе приятели между собою. Но поняшіе, кошорое они имѣютъ другъ о другѣ... совсемъ не прияшельское! — “Кланяйшесь опъ меня Климу Климычу. Онъ хорошо мнѣ знакомъ: мы всегда бывали съ нимъ вмѣстѣ у Графа М. Добрый человекъ! ... Но между нами сказать... пренусной!”, — Приѣзжаю къ Климу Климычу, отдаю ему поклонъ... — “А! покорно благодарю! Здоровъ ли Филаппъ Филаповичъ? Все поспарему? Играешь въ карты, рыскаешь по объдамъ? ... Что это за пустой человекъ!,, ... Вотъ какъ рекомандуютъ другъ друга люди, казавшіеся въ обществѣ, *едва ли не друзьями.*

Бубновъ посвятилъ себя каршежной игрѣ... и сдѣлался юристомъ! Выигравъ множество денегъ, векселей, домовъ, имѣній, продавая и закладывая ихъ, Бубновъ поневолѣ долженъ былъ знакомиться съ узаконеніями, и теперь едва ли найдется спрятчій, кошорый лучше Бубнова знаетъ Уложеніе, указы, и особенно... Банкрутскій Уставъ!

Въ провинціяхъ очень уважающся говоруны, шѣ люди, съ крѣпкою грудью и яркимъ голосомъ, которые могутъ половину дня непрерывно и складно рассказывать новосиы, анекдоты, были и небывлицы. Подражатели ихъ, не имѣя шѣхъ способвъ, прибѣгающъ къ выдумкамъ, и опъ того въ провинціяхъ множесиво лгуновъ!

Давно уже замѣчено, что у нашихъ кришниковъ нѣтъ середины: если бранящъ они сочиненіе, то не щадятъ послѣдней замятой; если же хвалящъ, то удивляются и восхищаются даже опечашками! И эти похвалы еще несноснѣе брани! Читая ихъ, какъ будто видишь передъ собою сшарую болтунью нянюшкку, объясняющую лепешанье младенца!

Въ городѣ .N. я зналъ одного дальновиднаго чловѣка, который не выдалъ дочери своей въ замужество за Люшеранина, по тому именно, что въ городѣ .N. нѣтъ Люшеранской церкви, и его зашруднялъ вопросъ: какъ хоронить зятя, когда онъ умретъ?

Одинъ молодой приказный выписалъ *Полярную Звѣзду 1825 года* . . . и подарилъ ее купеческой дочери, которая была не равнодушна къ нему и къ новѣйшей литературѣ. Надобно знать, что дядя принуждалъ ее выдти замужъ за Исправника . . . а ей болѣе нравился приказный; можетъ быть и исполнилось бы желанія любящихся сердецъ, еслибъ не *Полярная Звѣзда!* Посылая ее къ своей возлюбленной, приказный хотѣлъ блеснуть и собственными спишками, и въ слѣдъ за Васней: о *Матрѣнѣ, ни павѣ, ни воронѣ*, написалъ мадригалъ, въ которомъ говорилъ, что и онъ *ни павы, ни ворона* безъ нея . . . она не поняла нѣжности приказнаго, вообразила, что онъ надъ нею смѣется, и черезъ недѣлю вышла замужъ . . . за купца!

Есть необыкновенно счастливые люди! Какъ иначе назвать солдата, который былъ въ тридцати сраженіяхъ и не получилъ ни одной раны? Моряка, который шесть разъ объѣхалъ кругомъ свѣта и не испыталъ бури? И наконецъ Секретаря въ городкѣ N? Возвращаясь до-

мой, послѣ попойки у Спряччаго, ему вздумалось освѣжиться купаньемъ: бросается въ воду и понешь! Но къ счастью Благородіе его погрузилось въ сѣши, распавленные рыбаками, а опть сѣшей до рыбацей избы пропянуша была веревочка съ колокольчикомъ. Колокольчикъ зазвѣнѣлъ необыкновенно; обрадованные рыбаки бросились къ берегу—тянушь-необыкновенная пляжесшь заспавляетъ ихъ спорить о рыбѣ, которую они поймали. Одни говорятъ что попала бѣлуга, другіе сомъ—наконецъ выпаскиваютъ...Секретаря!

А и Б пишутъ Элегіи, и всякой съ перваго раза можешъ опличить стихи одного опть стиховъ другаго, хотя оба они пишутъ гладко и свободно. *А* обыкновенно кончаетъ свои стихи острою, или опдѣльнымъ двоеспишіемъ; *В* о чемъ бы ни писалъ, оканчиваетъ сравненіемъ: *такъ проходитъ, такъ изтезаетъ*, и пр. Непремѣнно сравненіе и неpremѣнно *такъ!*

И погода и предметы, окружающіе человекъ, имѣютъ на него сильное вліяніе,

даже предметы ничтожные. Возвращаясь домой из блестящаго общества, въ холодную, сырую комнату, невольно дѣлаешься инкохондрикомъ... но когда квартира покойна, опрашна, убрана со вкусомъ — человекъ, если и въ дурномъ расположеніи духа возвратился домой, дѣлается покойнѣе... окружающіе его предметы развлекаютъ его... самыя ничтожныя мѣлочи, на столѣикѣ, карнизы на стѣнахъ... хоть на нѣсколько минутъ отвлекаютъ его память отъ воспоминаній неприятныхъ. Правда ко всему можно привыкнуть и присмотрѣться — но выгоднѣе привыкать къ хорошему, нежели къ неприятному! Люди помѣшаны на системахъ: не мудро, если кто нибудь спанель докажетъ, что можно исправлять нравы, характеръ и привычки переменною квартирой. Почему же нѣтъ? — Перемените въ чистую, опрятную комнату мрачнаго поэта, копирый живетъ въ холодномъ, сыромъ чердакѣ; украсьте кабинетъ его историческими картинами — черезъ недѣлю, вы удивитесь переменѣ въ его спихахъ! Посадите Романтика въ школу, или педанша въ будуаръ свѣтской краса-

вицы—они переродятся: первый выучится граммѣ, другой заговорить проще и правильнѣе...однимъ словомъ перемѣна кварширы и удобство ея могутъ перемѣнять характеры, исправлять нравы и привычки...людей въ ихъ состояній... исключая (нѣтъ правила безъ исключенія) ябѣдниковъ, евоистовъ и дураковъ — они какъ ели и сосны: ничто ихъ не перемѣняетъ.

Съ какою грустію смотришь чловѣкъ на все, его окружающее, миновавъ свою молодость! Прелестная дѣвушка напоминаетъ ему его любезную, коюрой онъ лишился. Молодые друзья напоминаютъ ему друга, котораго уже нѣтъ на свѣтѣ. Видь счастливаго семейства переносятъ его мысли въ прошлое, когда и онъ наслаждался ласками мащери, когда и онъ, въ кругу ближнихъ своихъ, зналъ однѣ чистыя радости!..Онъ живетъ въ прошедшемъ и оно отдѣлило его навсегда отъ земнаго счастья.

Многіе угощаютъ гостей своихъ разсказами о прежнемъ жишѣ своемъ и

прежнихъ удовольствіяхъ. — “Нынчѣ уже не по время! Какъ у насъ было весело Два раза въ недѣлю балъ! Рѣдкой день проходилъ безъ пого, чпобъ у насъ не сидѣло за споломъ двадцати, или тридцати челоуѣкъ!”, — Все это прекрасно! Радуюсь, что вы жили весело — но вмѣсто разсказовъ про *былое*, прикажите лучше засвѣщипь другую свѣчу въ гостиной вашей; а когда зовете гостей, то вмѣсто разсказовъ угощайте ихъ приспойно...или нынѣшніе гости ваши должны сидѣть у васъ въ пошмахъ и голодные за то, что *прежнимъ гостямъ* вашимъ было весело.

I.

О НОВЫХЪ КНИГАХЪ.

1. *Московскій Альманахъ для прекраснаго пола, изданный на 1826 годѣ Сережемъ Глинкою. Съ эниграфомъ:*

О полъ прекрасный и почтенный,
 Кѣмъ Россы рождены, кѣмъ плѣнны!
 Побѣдъ дѣлите вы вѣнцы...
 Плоды побѣдъ сущь звуки славы;
 Побѣдъ основа шверды нравы:
 А добрыхъ нравовъ вы шворцы...

Державинъ.

Москва, 1825. Въ Университетской
Типографіи. Въ 16ю долю листа, 295 стран.
Съ премея гравированными картинками.

*Оглавленіе и содержаніе Московскаго Аль-
манаха для прекраснаго пола:*

Картинки:

1. *Полетѣ души къ небесаѣмъ, съ над-
писью изъ Державина:*

Все движешся, живешь дѣлами,
Душа безсмертна, мысль и духъ.

2. *Счастіе нѣжной матери, изъ стихо-
твореній И. И. Дмипріева со слѣдующею
надписью:*

Итакъ, Климена! ты теперь уже спокойна:
Ты счастлива, ты мать и, ею быть достойна.

3. *Невинность, или младенецъ, выброшен-
ный бурей въ цѣбты. Изъ стих. В. А. Жу-
ковскаго.*

Проза:

I. Историческое изображеніе добродѣ-
шелей и славы Россіянокъ древнихъ и но-
выхъ временъ II. О добродѣшеляхъ жен-
щинъ, изъ лѣтописей иноземныхъ: 1. Марія

Терезія. 2. Марія Антуанета. 3. Королева Прусской. 4. Героини добра. III Письма: 1. Письмо Екатерины Второй къ Принцессѣ де Вельмонши, 2. Письмо Екатерины II. къ А. С. Мордвинову. 3. Ошрывки изъ переписки Екатерины Второй съ Цимерманомъ. IV. Рескрипты и письма: 1. Графиня А. П. Каменской. 2. Княгиня Кушуровой — Смоленской. 3. Супругъ Генерала Моро. 4. Желаніе, изъявленное Государынею ИМПЕРАТРИЦЕЮ МАРИЕЮ ФЕОДОРОВНОЮ 1815 года Русскимъ войнамъ. Благодарное письмо Графа М. А. Милорадовича. Благоклонный отвѣтъ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ. 5. Наставленіе Суворова дочери. 6. Письмо о любви къ родинѣ и опечеснву, 7. Опрыжокъ изъ письма Графа М. А. Милорадорича. V. Смѣсь: 1. Радость и скорбь. 2. Вѣрность живошныхъ. 3. Благодаріе. 4. Древній и новый Римъ. Опрыжокъ изъ письма Шапобриана къ другу. — Обзоріе нѣкошорыхъ Московскихъ окрестностей. Нѣкошорыя С. П. бургскія окрестности.

Стихотворенія:

Посланіе къ нѣжной матери И. И. Дмишріева.—Выписки изъ Посланія къ женщинамъ Н. М. Карамзина. — Повець (В. А. Жуковского) — Младенець (его же). Двѣ пѣ-

сии: нѣжнаго супруга и нѣжной супруги. Спихи въ альбомѣ: Скромность и Желаніе. Хоръ для выпуска благородныхъ дѣвиць Смольнаго Монастыря. (В. А. Жуковскаго). Жалоба рыбокъ. (Ф. Н. Глинки.) Заѣздъ съ большой дороги (его же.)

Въ семь Алманахѣ помѣщено очень довольно такого, что давно уже было напечатано. Карпинки весьма посредственной гравировки.—*Московскій Алманахъ для прекраснаго пола* продается въ Москвѣ у А. С. Ширяева, а въ С. п. бурѣ у А. Ф. Смирдина по 10 р.

2. *Невскій Алманахъ на 1826 годъ, изданный Е. Аладьинымъ*. С. п. б. Въ шип. Департаментша народнаго просвѣщенія. 1825. въ 16 долю листа 330 стран. Съ фронтисписомъ, шремя гравированными карпинками и съ ношами къ двумъ романсамъ.

Въ семь алманахѣ, который по наружному и внутреннему достоинству несравненно лучше прошлогодняго, помѣщено 7 прозаическихъ спашей и 67 стихотвореній. Прозаическія спашы суть слѣдующія: *четыре Повѣсти*: 1) Владиславъ и Александра (Е. Аладьина); 2) Судьба (М. Яковлева); 3) Красота, несчастіе и благородство (А.

Глѣбова); и 4) Двѣ Повѣсти въ одной (Б. Федорова)—Море (Ф. Н. Глинки)—Воспочныя картины (переводъ съ Еврейскаго Г. Магазинера) и Синонимы: *прозорливый-про-ницательный* (самая лучшая изъ прозы піеса, какъ по содержанію, такъ и по слогу, соч. Гна К.) — Стихотворная часть въ *Нескомѣ Алманахѣ*, по мнѣнію нашему, имѣетъ большее преимущество предъ прозаическою: здѣсь помѣщены новѣйшія, или по крайней мѣрѣ ненапечатанныя до сего времени стихотворенія извѣстныхъ нашихъ Поэтовъ, какъ то: Барашинскаго, Воейкова, Князя Вяземскаго, Глинки (Ф. Н.), Григорьева, Загорскаго, Измайлова, Коншина, Мещевскаго, Ободовскаго, Олина, Пушкина, Родзянки, Федорова, Графа Хвостова и Языкова. Изъ молодыхъ стихотворцевъ, въ первый еще разъ появляющихся на литературномъ поприщѣ, должно ошличить Г. Шкляревскаго, который очень хорошо перевелъ Геснерову Идиллію: *Палемонъ*. — Фронписисъ и картинки *) особенно вторая, выгравированы весьма искусно.

*) 1. Портретъ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ, гравированный съ бюста И. Фридрицомъ подъ смотрѣніемъ Г. Ушкина; 2. Вольный Спрѣлокъ; и 3. Часовня Вильгельма Теля. Последнія двѣ картинки гравированы Г. Галакціоновымъ.

Календарь Музъ, изданный А. Измайловымъ и П. Яковлевымъ на нынѣшній 1826 годъ, оканчивается писаніемъ и на сихъ дняхъ выдешъ изъ печати. Книжка сія продавашься будетъ въ библіотекѣ для чтенія А. Ф. Смирдина, что у Синяго моста. Цѣна за 1 экз. 10 р. Иногородные прилагаюшъ за пересылку по 25 к. серебромъ.

Два года сряду (1824 и 1825) Издашель *Благонамѣреннаго* не могъ занимашься столько, сколько бы хотѣлъ, своимъ Журналомъ: спеченіе многихъ непріятныхъ и непредвидимыхъ обстоятельствъ (между прочимъ продолжительная болѣзнь и наводненіе) было причиною, что книжки *Благонамѣреннаго* не всегда выходили въ опредѣленный срокъ. По крайней мѣрѣ Издашель не наполнялъ безъ разбора листовъ и старался по возможности доставить Публикѣ приличное и занимательное чтеніе. Въ обоихъ сихъ годахъ было не менѣе, чемъ въ предыдущихъ оригинальныхъ статей; переводы же помѣщались большею частію изъ новѣйшихъ иностранныхъ сочиненій. Кто знаетъ опытомъ, сколь трудно одному человеку, имѣющему кромѣ литшературныхъ и другія занятія, издавать въ мѣсяць отъ 3 до 10 печатныхъ листовъ: тошъ вѣрно

проспитъ, если между многими дѣльными спашьями найдеть нѣсколько слабыхъ, помѣщенныхъ не для личнаго угожденія, но по необходимости.

Съ нынѣшняго 1826 года Издатель надѣется имѣть у себя постоянныхъ сотрудниковъ и постарается быть исправнѣе, а въ выборѣ пізсь несравненно спроче прошивъ прежняго.

Для Журнала: *Благонамѣренный* на 1826 годъ, предназначаются слѣдующія отдѣленія:

I. Изящная Словесность.

Стихотворенія, какъ то: Оды, Посланія, Элегіи, Идилліи, Сказки, Басни, Пѣсни, Романсы и стихотворные отрывки. Стихотвореній будетъ весьма немного, ибо лучшія помѣщающія нынѣ въ алманахахъ, а посредственныхъ не для чего и печатать. Повѣримъ сказанное прежде: *Les vers passablement bons ne valent pas le diable*. *Проза*: Рѣчи, Разговоры, живописныя Путешествія, Повѣсти, отрывки изъ Романовъ, и проч.

II. Литтература, Науки и Художества.

Теорія Словесности, Наукъ и Художествъ. Разсужденія о предметахъ по всѣмъ симъ тремъ частямъ, невыходящимъ изъ сферы познаній всякаго образованнаго че-

ловѣка. Это отдѣленіе будетъ гораздо меньше прочихъ.

III. Критика.

Разборъ нѣкоторыхъ новыхъ книгъ, относящихся непосредственно къ *Изящной Словесности*, и разныхъ небольшихъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ. Замѣчанія на разные списки современныхъ журналовъ, и ш. и. Замѣчанія сіи будутъ помещаемы въ каждой почти книжкѣ. Трудъ сей предославляешь себѣ собственно Издатель. Смѣло можешь онъ увѣрить почтеннѣйшую Публику, что въ отдѣленіи *Критики* не найдуть никакихъ колкости и насмѣшекъ — ни припорныхъ, пристрастныхъ похвалъ, которыя для истиннаго таланта оскорбительнѣе самыхъ язвительныхъ порицаній, а только одни скромныя и благонамѣренныя замѣчанія, имѣющія цѣлю пользу ошечественной словесности.

IV. Библиографія.

Извѣстія о всѣхъ вообще новыхъ Русскихъ книгахъ, съ краткими на нѣкоторыя изъ оныхъ замѣчаніями, равно и о иностранныхъ сочиненіяхъ, заслуживающихъ особенное вниманіе. Извѣстія сіи также будутъ

помѣщаются въ каждой книжкѣ *Благонамѣреннаго*.

V. НРАВЫ.

Описаніе нравовъ и обычаевъ различныхъ обществъ — картины домашней жизни — характеры.

VI. СМѢСЬ.

Иностранныя и опечественныя анекдоты *) — Нравоучительныя мысли и разныя замѣчанія — Сапирическія вѣдомости, безъ всякихъ однако личностей — Разныя любопытныя новости и краткія выписки изъ новѣйшихъ иностранныхъ журналовъ — Благотворенія — Вопросы и Ошѣшны — Загадки, Шарады, Логогрифы, Омонимы, Анаграммы, и п. п.

Въ трудахъ Издашеля *Благонамѣреннаго* обѣщались участвовать многіе извѣстные и даже опличныя литераторы. Издашель употребить со своей стороны все зависящее отъ него способы сдѣлать журналъ свой,

*) Нѣсколько уже лѣтъ Издашель *Благонамѣреннаго* собираетъ опечественныя анекдоты и собралъ ихъ очень довольно. Сношать только написать, а весело писать анекдоты.

сколь возможно занимательнѣе и разнообразнѣе, избѣгая болѣе всего сухости, приспращиванія и нестерпимаго въ литературныхъ сужденіяхъ рѣшительнаго, наставническаго тона.

Книжки *Благонамереннаго* на 1826 годъ раздаваться будутъ по два раза въ мѣсяцъ. Каждый номеръ, или книжка, будетъ заключать въ себѣ отъ *четырехъ* до *пяти* печатныхъ листовъ, или отъ 64 до 80 страницъ. Шесть номеровъ составяшь часть, а 24 № полное годовое изданіе.

Подписка на *Журналъ Благонамеренный*, принимается въ *Санктпетербургѣ* въ Газетной С. П. бургскаго Почтамта Экспедиціи, которая приняла самыя вѣрныя мѣры къ исправному доставленію сего журнала иностраннымъ подписчикамъ; у Издателя *А. Е. Измайлова* 5 класса, живущаго на Пескахъ противъ Бассейна въ каменномъ прехъ-эшажномъ домѣ Моденовыхъ подь № 206; въ книжныхъ магазинахъ *И. В. Сенина*, *А. (Ф.) Смирдина* и у всѣхъ прочихъ книгопродавцевъ; а въ Москвѣ у Коммисіонера тамошняго Университета *А. С. Ширяева*. Цѣна за годовое изданіе, ш. е. за 24 книжки, здѣсь въ С. п. бургѣ 50 р.; за полугодое же, или 12 книжекъ 15 р. За пересылку въ другіе города и за доставленіе на домъ предлагается въ годъ по 7 р., а за полгода 3 р.

50 к. Иногородные благоволяшь опноситъся не къ книгопродавцамъ, но къ самому Издашеля, или въ Газетную С. п. бургскаго Почтамта Экспедицію. Желаютъ получать Журналь сей на любской бумагѣ благоволяшь, сверхъ вышеозначенной цѣны, прилагашь на годъ 5 р.

У Издашеля же *Благоналюбреннаго* можно еще получать Журналь сей на 1818, 1819, 1825, 1821, 1822, 1823, 1824 и 1825 годы за самую дешевую цѣну, каждый годъ по рознь по *пятнадцати*, а за всѣ *восемь* лѣтъ вмѣстѣ по *сто* рублей безъ пересылки. На пересылку же за каждый годъ особо прилагаешя по 5 р. а за всѣ *восемь* годовъ 25 р.

А. Измайловъ.

Омонилъ.

Въ Россіи богомъ я считался—
И также мною богъ Гиганшовъ поразилъ;
Со мной Амуръ въ щипъ Алкивіада былъ—
Въ вогшяхъ у Русскаго Орла лишь я оспался.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1826 — № II.

М Я Ч Ъ.

Повѣсть.

(Окончаніе.)

Наступила послѣдняя ночь, которая должна была рѣшить мою участь. Въ шрепешномъ ожиданіи полуночи, сидѣлъ я у окна, предаваясь по страху, по надеждѣ. Къ моей комнатѣ приспавленъ былъ часовой, и когда я смотрѣлъ на крѣпкія вороша нашихъ казармъ и на высокія стѣны крѣпости, то погружался въ ужасное уныніе: не было ни малѣйшей надежды убѣжать—развѣ только одно чудо могло спасти меня.

На башнѣ ударило половина двѣнадцатаго; я надѣлъ шинель — и призывая въ помощь милосердное Провидѣніе, прошелъ безъ всякаго препятствія мимо часоваго въ сѣни и попомъ на дворъ. Ночь была темная: сѣрые облака покрывали небо;

мѣлкій дождь спучалъ по желѣзнымъ кровлямъ; опдаленные опголоски часовыхъ смѣщивались съ шумомъ въпра. — Едва переводя духъ, подошелъ я къ ворогамъ, толкнулъ; но они были заперты. — ‘Кпо идешь?’, спросилъ голосъ съ другой стороны. — Оппри скорѣе, поварищъ, опвѣчалъ я пвердымъ, но не своимъ голосомъ: Мидденштейнъ при смерти и Комендантъ послалъ меня за Паспоромъ. — Часовой оподвинулъ запоры, и я, съ шрудомъ удерживая свою радость и нешерпѣнне, пошелъ опъ ворошь шагомъ.

Лишь полько повернулъ я за уголь своей шемницы — шо и пуспился какъ спрѣла: часовые окликали меня, но я ничего не слышалъ, ничего не видѣлъ; сердце мое сильно билось и ноги подкашивались. — Чрезъ нѣсколько минушь очупился я въ домѣ моей благодѣшельницы. Она съ сыномъ своимъ уже ожидала меня, и когда я показался у ворошь, взяла меня за руку и повела въ садъ, который примыкалъ къ сѣннѣ крѣпости. — Тамъ я увидѣлъ три связанная лѣспницы. Сбросивъ съ себя шинель, одѣлся я въ плашье сшарухина сына и со слезами благода-

рилъ ихъ. Спаруха благословила меня, пожелала счастливаго пути и сунула въ руку нѣсколько серебряныхъ монеть. — “Да заплатишь вамъ Богъ за то, что спасли меня! Никогда, никогда не забуду васъ: можете быть придетъ время, когда буду имѣть возможность возблагодарить сколько нибудь за ваше благодѣяніе. „

Въ это время услышали мы окликъ часоваго — “Вѣги! „ — закричала спаруха. Я вспрыгнулъ на лѣстницу дрожащими ногами и взобравшись на вершину стѣны, спустился внизъ по веревкѣ, которая была привязана за ступень верхней лѣстницы — а что бы тяжесть моего шѣла не перешагнула ее чрезъ стѣну, то на нижнихъ ступеняхъ сѣли мои спасители. Я благополучно спустился и мысленно послалъ послѣднее прощаніе моимъ благодѣтелямъ.

Между темъ ночь становилась мрачнѣе и мрачнѣе; грозныя тучи собирались на западѣ и предвѣщали бурю; но она не была для меня страшна потому, что я избавился отъ бури ужаснѣйшей. Дождь увеличивался и плескъ его раздавался въ

глубокомъ рву. — Я приближился — и сколько позволяла разсмотрѣть темно-па—увидѣлъ оплѣсные берега его и глубину, страшную для неопытнаго плавателя.

Но минуши были дороги; я поручилъ себя милосердному промыслу и бросился въ волны.—Переплывъ къ другой споронѣ, увидѣлъ гладкій берегъ; но не зналъ, за что бы схватиться рукою: я брался за землю, руки мои скользили, плащье измокло и чрезвычайною тяжестію птянуло меня на дно; гибель моя, казалось, неизбежна! —

Собравъ послѣднія силы, изнуренныя успалостію и страхомъ, быстро проплылъ я нѣсколько сажень вдоль берега въ надеждѣ сыскать низкое мѣсто, и къ чрезвычайной радости, въ недалекомъ разстояніи примѣпилъ высокую пираву, схватился за нее и вышелъ на берегъ.

Нѣсколько минушь лежалъ я неподвижно и не могъ пошевелиить ни однимъ членомъ; все плѣло мое дрожало отъ чрезвычайнаго холода — вдругъ пушечный вы-

стрѣль раздался съ одной стороны крѣпоспи: это знакъ тревоги, когда убѣжишь ареспаншь. Морозъ пробѣжалъ по моему шѣлу; я вскочилъ, но измокшее плащье удерживало быспрошту ногъ моихъ, и безъ того уже упомянутыхъ. Падаю на каждомъ шагу; вижу на лѣвой споронѣлѣсь—бѣгу шуда.—Вѣперъ пошрясаль вершинами дубовъ и ужасаль меня; даже шелестъ вѣпьевей производилъ шрепешаніе въ моемъ сердцѣ.

Темнопа не позволяла различить окружающихъ меня предметовъ; сучья царапали лице мое — падаю въ глубокое болошо, но крѣткія вѣпьевы освободили меня.—Я поворонилъ въ спорону и чрезъ нѣсколько времени увидѣлъ вдали огонь—прибѣгаю къ огороду, перелѣзаю съ шрудомъ черезъ заборъ и скрываюсь подъ копною сѣна.

Выспавивъ голову, сидѣлъ я въ сѣнѣ, едва смѣя переводить дыханіе—вездѣ было спокойно: я уже возсымалъ жарчайшую благодарноснѣ милосердому промыслу и поздравлялъ себя со свободою — чрезъ нѣсколько времени слышу топотъ лошадей и грубые крики. Люди ошпанно-

вились въ деревнѣ, и я могъ ясно различить голоса нѣкошорыхъ моихъ поварихей изъ крѣпости—всѣ мои жилы задрожали. Громко спрашивали они о бѣгломъ солдатѣ; шумъ увеличивался болѣе и болѣе; появилось много фонарей, съ кошорыми они, кажешся, обыскивали всѣ зажоулки; крикъ ихъ то приближался, то удалялся, и такимъ образомъ чувствовалъ я попеременно или радостную надежду, или спрахъ смершельный. — Наконецъ все утихло, ужасное бремя спало съ моей груди, и я могъ дышать свободнѣе.

Буря умолкла, спало разсвѣшанье. На воспокѣ алѣла заря и предвѣщала прекрасное утро; но я не смѣлъ показаться и долженъ былъ просидѣть цѣлый день подъ кучею сѣна, измокшій, дрожащій отъ холода и сырости. Къ вечеру голодь принудилъ меня оставишь мое убѣжище. Тихонько выползъ я изъ огорода, и покровишельспвуемый темношою, добрался до лѣса въ надеждѣ сыскать гдѣ нибудь наспушій шалашъ, обогрѣвшись и утоливъ голодь.

Силы мои ослабѣли, ноги опказыва-

лись служишь мнѣ. Наконецъ кое-какъ добрель я до хижины угольщика, стоящей въ срединѣ лѣса. Меня приняли очень ласково. Я сказалъ, что заблудился въ этомъ лѣсу и нигдѣ не могъ укрыться отъ вечерняго дождя. Хозяева раздѣли меня, накормили и дали покойную постель.

Я спросилъ ихъ: далеко ли до границъ * * скаго Герцогства? и узналъ, что не далѣе 300 шаговъ. Прощаясь, подарилъ я имъ серебряную монету, которую приняли они съ величайшею благодарностію и вывели на дорогу въ резиденцію. Переступивъ одною ногою въ свое опечесство, былъ я уже совершенно безопасенъ и свободенъ, какъ птица поднебесная.

Весело и радостно шель я по дорогѣ: будущее не тревожило меня. Къ вечеру пришелъ я къ постоялому двору, гдѣ богатый купецъ взялъ меня съ собою въ свою контору въ качествѣ писца и чрезъ два дни мы уже были въ столицѣ.

Жизнь моя была хотя и не слишкомъ завидная; однако же, прошивъ солдатской, я считалъ ее раемъ. Въ свобод-

ное время прогуливался я въ городскомъ саду.

Однажды сидѣлъ я на скамѣйкѣ подъ густыми вѣтвями липы и погружился въ сладкія мечпанія о прошедшемъ. Мнѣ представлялись юныя мои лѣтца, проведенныя въ счастіи; я сравнивалъ ихъ съ настоящимъ моимъ сосноянѣемъ и невольно предался грусти—вдругъ ударъ мяча въ лице вывелъ меня изъ задумчивости: милостивый мальчикъ съ испугомъ подбѣгаетъ ко мнѣ. “Ахъ, Боже мой! не ушибъ ли я васъ? говорилъ онъ, обнимая меня. Простите мнѣ: право не нарочно”, Я поцѣловалъ его.—Ничего, совсемъ ничего, мой милый!—Я поднялъ мячъ и бросилъ вверхъ. Это успокоило мальчика, онъ поймалъ его и кинулъ опять ко мнѣ, удивляясь, какъ я кидаю высоко. Мальчикъ очень полюбилъ меня и разцѣловалъ, разсказывая со мною.

На другой день сидѣлъ я на томъ же самомъ мѣстѣ и услышалъ голосъ моего малелькаго знакома.—“Папенька! посмотрише, вошь пошь добрый человекъ, о кошоромъ я вамъ сказывалъ!”,—Я увидѣлъ высокаго мужчину, лѣтъ пятидесяти, съ

благороднымъ лицомъ. Учпиво поклонился я ему, когда онъ сѣлъ подлѣ меня на скамѣйкѣ.—Разговоръ начался съ обыкновенныхъ предметовъ. “Вы, кажется, не здѣшній?“, сказала онъ наконецъ взглянувъ на покрой моего плащя.

—Да! я не богачъ, или лучше сказать, нищій: судьба на зло съ семнадцати лѣтъ сдѣлала меня чужимъ для всего свѣта.—

“Слѣдовательно вы не имѣете родственныхниковъ?“,

—Похоже на то! Родственники выключили меня изъ числа своихъ и поступили со мною какъ со смертельнымъ врагомъ.—

“Вы несчастны! Для чего же не опроещесь нѣкошорымъ людямъ? Можешь бышь; они...“,

—О, Милостивый Государь! уже давно потерялъ я вѣру въ сосраданіе людей! —

“Не судите такъ о всѣхъ вообще по нѣсколькимъ частнымъ случаямъ...напримѣръ я принимаю въ васъ живѣйшее участіе за вашу искренность и желалъ бы видѣть васъ въ лучшемъ состояніи. Вѣрно вы гдѣ нибудь учились?“,

— Учился въ Университетѣ; но не научился тамъ знать людей. Послѣ того былъ я въ другой, совершеннѣйшей школѣ—въ школѣ опытности и спрданій.

“Эпо очень рѣдко случается съ молодымъ человѣкомъ: я желалъ бы узнать васъ покороче.,”

— Я игрушка судьбы, Милоспивый Государь: ей угодно было разсыпать цвѣты по начальному пупи моей жизни и потомъ ввести меня въ знойныя степи, гдѣ изнемогаю подъ бременемъ горестей. и теперь еще не вижу окончанія своихъ спрданій. Но я не ропщу. Можешь быть, судьба дѣлаетъ по своему все къ лучшему. Я уже привыкъ къ несчастію и умѣю скрывать его въ своемъ сердцѣ... Да и кому какая нужда до чужихъ горестей? Богатые знаютъ несчастіе только по слуху!—

“Искренно сожалѣю объ васъ, сказала онъ дружески, взявъ меня за руку. Будьте откровеннѣе: я желалъ бы знать ваше имя?.,”

—Мое имя потеряло вѣсь со времени моего несчастія. Я называюсь теперь просто Адольфъ Мидленштейнъ, а преж-

де былъ Баронъ фонъ Мидлештейнъ, сынъ Президента Коллегіи въ Л.—

“Возможно ли? Вы сынъ лучшаго моего друга!— Знайте же, что не всѣ чужды для васъ. Я Русской Посланникъ Графъ Н. Скажите: что довело васъ до такого со-споянія?„

Я рассказалъ ему всѣ свои несчастныя приключенія, пошому что не имѣлъ причины скрывать ихъ отъ друга отца моего. Онъ упѣшалъ меня и обнадежилъ въ скорой и вѣрной помощи.

Коротко скажу: на другое утро переселился я въ домъ Посланника, и каже-ся, начинало уже всходить для меня солнце радости. Посланникъ представилъ меня своему семейству. Супруга его, добрая, почтенная женщина, приняла меня какъ родного. Я увидѣлъ здѣсь—божественную Емилию, дочь ихъ — Ангела красою и сердцемъ, и спалъ какъ очарованный, едва произнося нѣсколько несвязныхъ словъ на привѣщаніе супруги Посланника.

Испорія моя близка къ окончанію. Скоро сдѣлался я тушь домашнимъ чело-

вѣкомъ, проводилъ цѣлые часы съ Емили-
ею за ея шитьемъ, или за рисованьемъ,
аккомпанировалъ ей на флейпъ, когда она
своими волшебными перстами вливала
жизнь въ бездушныя струны арфы. —

Такъ прошекли въ блаженномъ соспо-
янїи полгода. Я почиалъ себя счастливѣ-
йшимъ человекомъ въ мїрѣ. Открылся
Емилии, что я обожаю ее, и мое призна-
нїе не было отвергнуто. Въ сіе время
высшїй Судъ разобралъ мое дѣло, и я сдѣ-
лался опять владѣтелемъ опеческаго до-
стоянїя. Судьба въ награду за прежнїя
мои горести не хотѣла сдѣлать мнѣ пре-
пятствїй, и я скоро получилъ руку и
сердце прекрасной Емилии.

Съ сихъ поръ наслаждаюсь я на землѣ
райскими минутами. Судьба съ избыт-
комъ наградила меня за мои прежнїя спра-
данїя, которыя уже давно изгладились изъ
моей памяти и только представлялись
иногда моему воображенїю, что бы темъ
съ большою силою дать мнѣ почувство-
ванїе наспоющее мое благополучїе. И
всемъ я обязанъ мячу! Изъ благодарности
сохранилъ я его, и велѣлъ нарисовать на

своей табакеркѣ, что бы имѣть всегда предъ глазами виновника моего счастья.,,

Здѣсь кончила мой дядя свое повѣствованіе, которое произвело во мнѣ глубокое впечатлѣніе, и со временемъ, когда я достигъ извѣстной значимости въ Государствѣ, убѣдился въ истинѣ словъ моего дяди, что если бездѣлка и не можешь сосланишь нашего счастья, то, по крайней мѣрѣ, можешь иногда онкрышь случай быть счастливыми.—

В. Трошкій.

~~~~~

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГЕОРГІЙ.

Дума.

На хладномъ утесѣ, склонивши главу,
 Георгій задумчивъ сидѣлъ;
 На синія горы, на быстру рѣку,
 Георгій печально смотрѣлъ;
 И мечь былъ преломленъ, разсѣченъ шоломъ;
 Изрублены лашы стальные на немъ.

И алая кровь — по кольчугѣ рѣкой
Лилася изъ раны его.

И онъ опиралъ ослабѣвшей рукой,
Покрытое кровью чело.

И, въ локонахъ русыхъ, встрѣчь горный иг-
раль.

И, въ думѣ глубокой, онъ усъ завивалъ.

*

„Ахъ! скоро ль ударить, часъ жизни моей?„
Онъ съ мрачной улыбкой вѣщаль.

„Я видѣлъ паденье безспрашныхъ Князей;
Но щепотно я смерти искалъ!

Тамъ въ битвѣ кровавой всѣ пали — а я!..
Уже ли я въ рабствѣ жить долженъ степя?„

*

„Ужель предъ Башыемъ главу я склоню?
Уже ли мой духъ охладѣлъ?

Уже ли я славу своей измѣню?
Мнѣ тронъ, иль могила удѣлъ?

Не спрашны мнѣ въ битвахъ сверханья
мечей;

Но рабства спашуся, поносныхъ цѣпей..„

*

„Съ дружиной безспрашныхъ я встрѣпшилъ
Ташарь.

Ужасна та сѣча была.

Тамъ много избранныхъ погибло бояръ;
Тамъ кровью покрылись поля,

За падшихъ опмщал, Ташарь я разилъ,

И вскорѣ ихъ трупамъ поле покрыль.,,

*

“Ряды ихъ сомкнуты мечемъ разшоргалъ;

Дробились на части щипы;

И смерть презирая, въ крови утопалъ;

Какъ классы, сбѣжалъ я главы,

Достоинно за павшихъ друзей опомстиль;

Но мщеньемъ пылая, я раны забыль.,,

*

“Сбылось предсказаніе мудрыхъ бояръ:

Погибла отчизна моя!

И градъ мой престольный—добыча Татарь!

И стонуть въ окнахъ друзья!

Бышь можешь, Башый, сей ужасъ людей,

Бышь можешь, ужь алчешь онъ крови моей.

*

“Увы! я отчизну мою погубилъ,

Презрѣвши совѣты друзей.

Мечшой ослѣпленный, я ближнихъ забыль—

Лишь помнилъ о славѣ своей.

Ахъ! шамо въ отчизнѣ, не слава, не шронъ,

Меня ожидають—оковы и стонъ!.,,

*

Вошь шронъ мой роскошный — сей дикой

утесь;

Вогашство — обломокъ меча!

Не славой безсмертной сплелъ мнѣ въ-

нецъ —

Вънчаешъ безславье меня!....

Не въ перемѣ пышномъ, не съ милой женой,
Я въ дикой пущынѣ, жить долженъ съ
шоской.,,

*

“Бышь можешъ, попомспву молва возвѣ-
спишь:

Отгество онѣ погубилѣ! —

Безславіе славу навѣки зашмишь;

Я кровью безславье омылъ:

Опчизна! опчизна! проспишь ли меня?

Ты гбнешь...такъ долженъ погибнуть и я!.,,

*

“Свѣтъ тускнеть въ очахъ, я перзаюсь,
спрашусь —

Ужасенъ могильный мнѣ сонъ!

Опчизна! съ побою навѣкъ разлѣчусь:

Прими—хоть прощальный мой спонь!.,,

И сердце пронзилъ онъ обломкомъ меча;

И паякко споная, сомкнулъ онъ глаза.

А. Шидловскій.

ОДИНОЧЕСТВО.

Элегія.

Тускнѣетъ неба сводъ и мрачный видъ при-
роды

Возвращъ осеннихъ бурь съдымъ челомъ су-
лишь!

И вѣспрь въ нагихъ поляхъ бушуетъ и сви-
стишь!

И тихо капаяся на лоно смерти воды—

И слабо въ небесахъ свѣсило для горюшь!

— — — — — *)

Душъ разшерзанной знакомы скорби звуки!

Какъ будшобъ цѣлый міръ спрадаетъ вмѣ-
спъ съ ней!

Зачемъ, мой юный другъ, средь сумрачныхъ
шѣвей,

Къ селенью вѣчности я проспираю руки?

Бесѣдую одинъ съ уныніемъ ночей?

Ищу таинственнѣй предметъ моихъ жела-
ній?

Хочу обнять швой прахъ подъ камнемъ гро-
бовымъ,

Брожу среди могилъ—и шорохомъ глухимъ

Привѣшшвую возвращъ невѣдомыхъ мечша-
ній?

Зачемъ, какъ ясный день проспешся на
холмахъ,

*) Знаки сія поспавлены самимъ Сочинителемъ.

Печать унынія въ природѣ водворится?
 Зачемъ, мнѣ кажется, что цѣлый міръ въ
слезахъ,
 Что радость прошлыхъ дней уже не воз-
вратится?
 Увы! мой юный другъ, мнѣ, въ сумракахъ
ночныхъ,
 Повсюду слышится знакомое призванье:
 И мертвыхъ листьевъ шумъ и мершвое мол-
чанье,
 И говоръ вѣчности въ пустыняхъ горъ съ-
дыхъ,
 И пасмурной луны печальное мерцанье,
 Предсказываютъ мнѣ блаженствъ земныхъ
конецъ!
 Тотъ брегъ невидимый, куда ладъ печали,
 Среди суешъ мірскихъ, владыкъ земныхъ
примчали;
 То мѣсто, гдѣ молчишь кипѣніе сираспей;
 Гдѣ ты, мой милый другъ, цѣлнешъ для
жизни новой,
 Гдѣ вѣлъ унылыхъ душъ — и взоръ судьбы
суровой
 Не пропикалъ еще въ обитель мирныхъ
дней!
 Какъ сладостно заснуть душой средь упо-
ванья!
 Мечтала, что близокъ часъ желаннаго сви-
данья,
 Что все прекрасное сулишь намъ новый
міръ,

Гдѣ счастье—не мечта; надежда не кумиръ,
 Что скоро....но опять мой малыи сонъ рѣ-
                                                           дѣш!

Опяшъ угрюмый день: ужь лучъ зари блѣд-
                                                           нѣшъ—

Зачемъ проснувшись миѣ судиль угрюмый
                                                           рокъ,

Средь испытанія, средь горестныхъ волне-
                                                           ній?

Ужель надежды лучъ польстилъ для огорче-
                                                           ній?

Ужель унылому блуждать среди долинъ
 И въ шумъ рѣзвыхъ воиъ и древнихъ соснъ
                                                           въ шептаньи,

И въпра бурного въ печальномъ завываньи,
 Внимать единый гласъ: "плачь, скорбный!
                                                           Ты одинъ!,"

Э.

В — МУ.

Ужель находишь, другъ мой милый,
 Ты въ томъ опраду, чтобъ всегда
 Роптать на жребій свой унылый?

Ужель веселье никогда
 Своей пльнишельной улыбкой
 Тебя не можетъ обальститьъ,
 И иногда, хопябъ ошибкой,
 Къ себѣ на время заманишь?

О Б.....ій мой! печали
 Всегда знакомы budouтъ намъ!
 Мы съ первымъ вздохомъ ихъ познали!
 Ты вѣрно согласишься самъ,
 Что очевидно возрастали
 Съ лѣтами нашими они;
 Что и въ счастливейшіе дни
 На жребій часшо мы рошали!

Къ чемужь, скажи мнѣ, упомляшь
 Еще безвременно жизнь нашу?
 Не будемъ скупы раздѣлять
 Благошворительную чашу!
 Ахъ! продолжительныль для насъ
 Минуты вѣрннаго счастья,
 И продолжилелень ли часъ
 Рескошной нѣги сладоспрасья?
 Мой другъ! не будемъ упускать
 Мы пѣ счастливыя мгновенья,
 Въ которыя даешъ вкушашъ
 Любовь свои намъ наслажденья!

Б. — Рю — иб.

СПАРТАНКИ.

Ахъ! почто опплыль я ошь бреговъ Родос-
скихъ?—

Мнѣ бы вѣкъ не видѣшь дѣвъ Лавдемон-
скихъ!

Не видавъ Ареты, я счастливо жилъ.
Я спокоенъ былъ!

*

Кто не зрѣль Спаршанокъ въ шумныхъ и-
грахъ, рѣзвыхъ,
Тотъ не видѣль Грацій, не знавалъ прелест-
ныхъ!

На берегахъ Эвроса въ Спаршѣ не бывалъ,
Сердца не шерялъ!

.

Смѣлая невинностьъ тамъ краснѣть не зна-
ешь,
Тяжкій дискъ подъемлешь, конья — въ цѣль
бросаешь,
Въ нагошѣ природной, дружною толпой,
Рѣзвился борьбой.

*

Сердцемъ завладѣли, умъ очаровали!
Кудри на плеча ихъ нерадиво пали,
По высокой груди шелохся волной,
Дышуть красою!

*

Черные глаза ихъ...кто имъ не уступишь?
Будь хоть камнемъ хладнымъ, пламень въ
сердце вступишь!

Нѣга юной жизни—прелестъ ихъ ланишь,
Спирасью взоръ поминъ.

*

Ямки вписнуль въ щечкахъ легкой перстъ
Эроша;
Вешнихъ розъ приашнѣй, слаще свѣпла со-
та,
Первымъ поцѣлуемъ прикоснушь къ нимъ,
Къ ямкамъ огневымъ!

*

И изъ всѣхъ Спаршанокъ—равной нѣтъ А-
ретъ.
Легче горной серны и стрѣлы въ полешѣ,
Какъ Діаны Нимфа, правами чиста,
Дѣва красота!

*

Но чужда мнѣ сердцемъ, любишь Еври-
сшея!

Я не передамъ ей сладость Гимея!
Отъ бреговъ Родоса я зачемъ отплылъ?
Тамъ спокоешь былъ!—

В. Федоровъ.

~~~~~

КЛЯТВА ОСКОРБЛЕННАГО ПОЭТА.

“Я не пишу стиховъ, я отрицаюсь ихъ!
 Хотябъ мнѣ Гекій даль перо изъ крыль
 своихъ.—

Цѣвницу громкую свою,
 Которая такъ сладостно звучала,
 Которая друзей моихъ плѣняла,
 Я брошу въ прахъ и разобью!
 Поэтомъ быть не жизнь—мученье!

Я превосходную Поэму написалъ,
 Я Данту, Байрону счастливо подражалъ,
 Я свѣту подарилъ свое произведенье—
 И чпожь? — недѣльный нашъ жур-
 наль
 Меня—кшобъ вѣришь могъ? — меня вралеми
 назвалъ!

О стыдъ! о поношенье!
 Клянусь съ сихъ поръ для свѣта мерш-
 вымъ быть,
 Талантъ отъ всѣхъ людей шайшь;
 Клянусь языкъ боговъ забыть!,—
 Гдѣ клятва—тушь и преступленье.

Прошла недѣля, много двѣ—
 И снова призраки неясные кружатся.
 Въ разгоряченной головѣ,
 И риѣмы подъ перо ложатся.
 И вновь на лиръ тихострунной
 Бряцаешь нашъ Поэтъ —

И снова сей подлунной,
Ему внимая, дремлетъ свѣтъ.

ПЧЕЛА И ОВЦА.

Басня.

Порой весеннею Пчела,
Едва заря воспокъ зажгла,
Съ цвѣтовъ пишь влагу полетѣла
И сѣла

На розовый кустокъ,
Откуда въ ближній ручеекъ,
Любуясь, какъ въ стекло, глядѣла.

Случись же и Овцѣ здѣсь встрѣпшиться съ
Пчелой.

Вотъ разговоръ таковой
Ведетъ Пчела съ Овцой;

“Слопясь день-денской кого въ лугахъ не
встрѣпишь?”

Но жалкую Овцу едва ли и примѣтишь *)!

Ну что въ тебѣ?.. Тебѣ и пойло дай,
И сѣно къ зимѣ припасай.

*) Ошибка прошигъ правдоподобія! Простительвѣе овцѣ не примѣтитъ слона, ряпушкѣ киша, чемъ пчелѣ овцу, которая и въ нѣсколькы тысячъ разъ больше ее и обыкновенно бываетъ лѣшомъ на лугахъ. Изд.

А для чего?—Клочекъ волны! О, бѣдное швое-
ренье!

Вошь я такъ медь даю! Какое же сравненье!

Что я въ день ясный на поляхъ
Летаю не напрасно,

Хвалишься щемъ могу передъ тобою глазо-
но.

Мой медь звѣздится въ хруста-
ляхъ *)!

Имъ жажду уполяютъ!

На пиршествахъ его же выхваляютъ...;

Овца въ отвѣтъ: достоинствъ много;

Но только и о мнѣ суди не слишкомъ стро-
го.

Послушай, коль швое не оскорбится честью!

Достоинства Овцы хулою не умалишь.

Твой сладокъ медь, но... больно жалишь!

Н. Бушмакинъ

~~~~~

ЭПИГРАММЫ.

I.

Ты Пушкина произведеніе

Цѣнить не можешь, знаю я!

Ушамъ Осла невнятно пѣнье

И свѣшлый голосъ соловья.

✽

---

*) Удачный, каршинный стихъ!

2.

Для денегъ, славу полюбя,
 Вралейкинъ не щадить себя,
 Своимъ оружіемъ себя же побиваетъ:
Безграмотнымъ перомъ безграмотныхъ ру-
 ешь.

3.

Когда бы Гераклишь свидѣшелемъ случился
 Всему, что Фалинь здѣсь кушилъ:
 Тобъ старый плакса расшутился;
 Но зарыдалъ бы—Демокришь.

4.

Браню лжеца, браню я самохвала,
 Клеветника, змѣю журнала—
 Все на свой счешъ
 Бурунь беретъ!
 Браню плушовъ, браню двуличность—
 А онъ сердитъ,
 Кричитъ, шумитъ!
 Но кто же виноватъ, что брань ему за
 личность?

Б. Федоровъ.

О НѢМЕЦКОМЪ ЯЗЫКѢ ВЪ ОТНОШЕНІИ СКЛОННОСТИ ЕГО КЪ РАЗГОВОРУ.

Изучая духъ и характеръ языка, съ темъ вмѣстѣ узнаемъ философическую исторію мнѣній, нравовъ и обычаевъ народныхъ; происходящія съ нарѣчіемъ измѣненія должны разливатьъ большой свѣтъ на ходъ мысли; но подобный разборъ былъ бы естесивенно слишкомъ метафизическимъ и потребовалъ бы познаній, которыхъ мы почти никогда не имѣемъ въ языкахъ чужезстранныхъ, а часто даже и въ отечественномъ. И такъ должно ограничиться общимъ впечатлѣніемъ, производимымъ нарѣчіемъ народа въ наспоющемъ его положеніи. Французскій языкъ, которымъ болѣе говорятъ, нежели какимъ другимъ Европейскимъ, равно очищенъ употребленіемъ и изощренъ для выраженія желаемого предмета. Нѣтъ языка яснѣе и быстрѣе, намѣкающаго съ болѣшею легкостію и выражающаго съ болѣшею опредѣленностію что хопяшь сказать. Нѣмецкій языкъ не столь гибокъ для точности и быстроты въ разговорѣ. По самому свойству грамматическа-

го состава онаго, смысл обыкновенно заключается при концѣ предложенія. Такимъ образомъ удовольствіе прерывать разговоръ, что дѣлаешь его столь одушевленнымъ во Франціи и заспавляешь говоришь послѣднѣе о томъ, что за нужное почипають сообщить, сіе удовольствіе не можетъ существовать въ Германіи: ибо начала предложеній ничего не выражаютъ безъ окончанія; каждому должно предоставить приличное для него пространство, что гораздо лучше въ отношеніи къ существу вещей и вѣжливости, но за то не столь занимательно.

Нѣмецкая вѣжливость гораздо искреннѣе, но съ меньшими оппѣтками, нежели Французская; во всемъ видно болѣе вниманія и осмотрительности къ различнымъ соспояніямъ. Во Франціи болѣе ласкають, нежели щадятъ, и какъ обладають искусствомъ все обозначать, то гораздо охотнѣе касающа до самыхъ употребленныхъ предметовъ. Нѣмецкій языкъ весьма блистателенъ въ Поэзіи, весьма обиленъ въ Метафизикѣ, но и весьма ограниченъ въ разговорѣ. Французскій, напротивъ, истинно богатъ только въ обо-

ропахъ, означающихъ самыя понкиа опношенія общества, но бѣденъ и ограниченъ во всемъ принадлежащемъ къ воображенію и Философіи. Нѣмцы не столько желаютъ нравиться, сколько опасаются навесши скуку. Отсюда происходитъ, что они подчинили по мѣрѣ возможности вѣжливостъ правилѣмъ; и языкъ ихъ, споль сильный въ книгахъ, сдѣлаася слишкомъ рабскимъ въ разговорѣ опъ обременяющихъ его условныхъ выраженій.

Я помню, что во время пребывания моего въ Саксоніи, однажды на лекціи метафизической, знаменитый философъ упоминалъ часно о Баронѣ Лейбницѣ, и въ рѣчи своей не могъ ни одного раза опустить, шило Барона, нимало не совмѣстное съ именемъ великаго человѣка, умершаго уже почти за цѣлое спольшіе предъ шемъ.

Нѣмецкій языкъ удобнѣе для Поззіи, нежели для прозы, и болѣе для прозы письменной, нежели разговорной; эшо орудіе весьма способное къ живому описанію, или точному выраженію: но на Нѣмецкомъ языкѣ нельзя, какъ на Француз-

скомъ, перебиратьъ слегка представляющіеся различные предметы. Если располагать слова Нѣмецкія, какъ въ разговорѣ Французовъ, то исчезла бы вся ихъ приятность и все ихъ достоинство. Нѣмцы умѣютъ съ пользою проводить время, а Французы заставляютъ забывать оное.

Хотя смыслъ періодовъ Нѣмецкихъ изъясняется часто на концѣ, но расположеніе словъ не позволяетъ всегда оканчивать фразу выраженіемъ самымъ сильнымъ; а это составляетъ одно изъ лучшихъ средствъ подѣйствовать въ разговорѣ. У Нѣмцовъ рѣдко услышишь такъ называемыя острые слова: у нихъ надобно удивляться самымъ мыслямъ, а не придаваемому онымъ блеску.

Нѣмцы почитаютъ нѣкоторымъ образомъ за шарманство блестящее выраженіе и употребляютъ болѣе отвлеченное, ибо оно гораздо опредѣлительнѣе и ближе къ самому существованію истины; но въ разговорѣ не должно быть ни малѣйшаго труда ни для слушателей, ни для говорящаго. Когда дѣло идетъ не о

общихъ выгодахъ жизни и когда вступаюшь въ область мыслей, по разговоръ въ Германіи спановишся слишкомъ метафизическимъ; нѣтъ средины между обыкновеннымъ и возвышеннымъ; а искусство вести разговоръ приобрѣщается однакожь въ подобномъ средоточіи.

Нѣмецкій языкъ имѣеть веселость, ему только свойственную; въ обществѣ не сдѣлалась она робкою, а добрые нравы сохранили ея чистоту! Но это народная веселость, общая всѣмъ состояніямъ. Спранные звуки словъ, ихъ древняя простота придаюшь шуткамъ нѣчто живописное, копорыми просный народъ можетъ забавляясь наравнѣ съ людьми высшаго сословія. Нѣмцы не столь зашрудняются, какъ мы, въ выборѣ выражений, ибо языкъ ихъ, не будучи столь часто употребляемъ въ разговорѣ людей большаго свѣща, не составлень, подобно нашему, изъ словъ, копорыя отъ случая, отъ приложенія, отъ сравненія дѣлаются смѣшными — изъ словъ, копорыя, испытавъ всѣ перевороты общества, несправедливо, можетъ быть, исключены, но не могутъ бышь опять допущены. Гнѣвъ

часпо выражался на Нѣмецкомъ языкѣ: но языкъ сей не превратился въ орудіе насмѣшки, и употребляемыя слова сохраняютъ истинное свое значеніе и всю силу, что составляетъ особенное преимущество его: но за то на Французскомъ можно выразить множество тонкихъ замѣчаній и привѣтливый, къ которымъ языкъ Нѣмецкій доселѣ неспособенъ.

Борошьясь съ мыслями должно на Нѣмецкомъ, съ людьми на Французскомъ; углубляшьясь должно съ помощію Нѣмецкаго, достигать цѣли говоря пофранцузски: одинъ живописуетъ природу, другой общество. Гете, въ своемъ романѣ: *Вилгельмъ Мейстеръ*, заставляетъ говорить Нѣмку, что она предвидѣла измѣну своего любовника, ибо онъ написалъ къ ней пофранцузски. Въ самомъ дѣлѣ языкъ нашъ изобилуетъ оборотами для того, что бы говорить что либо и въ то же время ничего не сказать, обнадежить не обѣщая, даже обѣщая, не обязываясь исполнить. Нѣмецкій языкъ не столь глубокъ и пускъ опасенъ таковымъ: ибо что можешь быть отвращительнѣе, эпито Нѣмецкаго нарѣчія, когда выражается

имъ ложь какого бы то ни было свойства. Распнутое словорасположеніе, часно повноряемая согласная, ученая Грамматика его лишаютъ всякой приятности въ шонкихъ изворотахъ; и можно сказать, что онъ спановится упрямъ самъ собой вопреки намѣренію говорящаго, когда хотятъ на немъ измѣнить испинѣ:

(Изъ Соч. Гжи Спаль sur l'Allemagne.)

А. Г.

ПИСЬМО ИЗЪ РЕВЕЛЯ.

Въ домѣ *герноголовыхъ* (Шварценгейпшеровъ) я былъ въ первый разъ во время концерта Джіованни Фиданца, Испальянскаго пѣвца, который (такъ сказано было въ афишѣ) возвращался въ свое оперчеспіво. Въ концертѣ участвовали первые артисты здѣшняго театра: Г. г. Бейеръ, Біаѣнки и Гжа Шверинъ. Посѣщителей было не много: билеты раздавались медленно.

Увертюра кончилась. Жители приготовились аплодировать Испальянскому

Орфею, удостоившему ихъ Reval своимъ посѣщеніемъ, и который нарочно сворошилъ съ прямой дороги, желая доставить имъ такое нечаянное удовольствіе. Джіованни (Фиданца) показался *съ гитарой за плечами*, ведя подъ руку Гжу Шверинь. Онъ игралъ на титарѣ довольно приятно, пѣлъ съ большимъ искусствомъ, но слабо — опъ того ли, что въ низкой и загроможденной залѣ нельзя было ожидать хорошаго резонанса, или опъ неудовольствія на худой приемъ публики. *Бѣдный пѣвецъ!* Повидимому въ немъ нѣтъ этой гордости, опличающей иногда съ избыткомъ первокласныхъ артистовъ. Гжа Шверинь пѣла, какъ и всегда, очень хорошо; эту актрису наши Петербургскіе всегда встрѣчаютъ рукоплесканіемъ: ея талантъ, проста манеровъ и скромность заспавляютъ уважанъ ее. Концертъ кончился скоро; зрители разошлись, разговаривая между собою о бравурныхъ аріяхъ, рѣадахъ и варіаціяхъ. Я со своимъ знакомцемъ, членомъ общества *герноголовыхъ*, обѣщавшимъ мнѣ показанъ всѣ рѣдкости своего клуба, оспался въ залѣ. Здѣсь даются балы и концерты,

туда приходятъ Ревельскіе полишники почитаютъ газеты, поговорили объ важныхъ происшествіяхъ и подивились безпреспаннымъ переспрълкамъ нашихъ журналистовъ. (Здѣсь получаючися многіе Русскіе журналы.) Зала убрана очень просто: люстры, зеркала и мебель стариннаго вкуса. Промежутокъ оконъ (здѣсь всего два окна) украшаетъ пориретью ображаемаго Государя,

Кого безсмертная ЕКАТЕРИНА
Надеждою Россіи нарекла,
Кто низложилъ героя-исполина,
Чья грудь опечесшву щипомъ была.

Должно сказать съ сожалѣніемъ, что художникъ, копировавшій съ Жерара, во многомъ отступилъ отъ подлинника. Въ лицѣ мало сходства.

Мой товарищъ взялъ ключи у старшины и мы пошли вверхъ. Я остановился въ передней нижняго этажа; вниманіе мое остановили: модели кораблей, прицѣленные къ потолку, гербъ Шварценгейпшеровъ, голова Мавра съ повязкою, и между музыкальными пюпитрами, скамьями и всякимъ хламомъ, большая карти-

на, изображающая Карла XII. Побѣдитель при Нарвѣ представленъ сидящимъ на бѣломъ, гордомъ конѣ, съ обнаженною шпагою; вдали вѣютъ знамена его страшнаго войска; густая пыль, покрывающая все изображеніе, *цусцубляетъ* дѣйствіе перспективы.

Въ первой комнатѣ верхняго этажа надъ дверями виситъ огромный доспѣхъ вороненаго жельза. Вонъ турнирные ланцы съ тупыми концами и рукояткою. По стѣнамъ развѣшаны портреты прежнихъ владѣтелей. Нѣкоторые написаны весьма плохо, другіе превосходно: знашокъ могъ бы здѣсь оплечить кисть Вандика; но

Я въ живописи знахокомъ
 Себя не почиаю,
 Хошь иногда жарандашомъ
 Въ альбомы и мараю;
 Но я съ палишрой не знакомъ.

Пришомъ

Крылова часшо я чишаю;
 А онъ намъ шонко даль поняшь,
 Чшо дѣло мастера боится:
 Тому не лучше ли молчашь,
 Кшо не умѣешь изъяснишься?

Люцернскій Герой Гуспавъ Адольфъ, въ лавромъ вѣнкѣ, съ жезломъ и въ огромныхъ сапогахъ съ кружевами — вошь все, что можно сказашь о семъ дурно нарисованномъ портретѣ. Напрасно искаль я на лицѣ сего превосходнаго Государя благороднаго мужества и великодушія — добродѣтелей, его обезсмертившихъ. Подлѣ него Царь Иванъ Васильевичъ III. Его великолѣпное плащье, унизанное изумрудами и яхонтами, не опдѣляется ошь полошна. Живопись грубая, иконописная.

Въ этой же комнашѣ показывается за чудо огромная свиворчаная картина, названная, не знаю по чему, *Жизнiю Св: Маврицiя* *). — Объ ней рассказываютъ анекдотъ, извѣстный почти каждому Ревельскому жителю. Эта картина испорчена была изъ зависти Капюликами, что печаливало господъ Шварценгейншеровъ, почилавшихъ ее за превосходнѣйшее произведение, какимъ только можетъ похвасташь ихъ рыцарскiй городъ. Къ счастью нашелся въ нынѣшнемъ (1825) году

---

*) *Побѣдка въ Ревель.* стран. 97.

художникъ, который обѣщаетъ очистить ее отъ посторонней поправки, сполько ее обезобразившей. На переднихъ дверцахъ каршины бѣлою краскою, съ красноватою општѣнкою, написано *Благовѣщеніе*. Внутри Саваоѣ, Божія Матерь, Іоаннъ Креститель и еще нѣсколько святыхъ стоящихъ на колѣнахъ. Хотя и предвидимъ я васъ въ моемъ неискusstвѣ цѣнить живопись; но замѣчу, что манеръ ея напоминаетъ Голбейна, или Дюрера, и въ шакомъ же родѣ какъ и *Toden-Tanz* *). Въ оглавленіи рѣдкостей упомянуто, что картина взята изъ монастыря Св. Бригитты и подарена обществу однимъ изъ его членовъ. Въ углу комнаты поставленъ небольшой памятникъ, въ видѣ пьедестала, въ воспоминаніе трехсолѣшняго юбилея принятія Люперанскаго исповѣданія въ Эстляндіи. Огромные серебряные кубки свидѣтельствуютъ о богатствѣ и умѣньи пожиль и попись прежнихъ Рыцарей. Нѣкоторые изъ кубковъ,

---

*) *Пляска мертвыхъ*, извѣстная картина въ Ревелѣ. См. *Календарь Музѣ* 1826, стран. 69.

сдѣланные на подобіе ноги серны, подарены Русскими Государями.

За неимѣніемъ мѣста въ залѣ нѣсколько портретовъ помѣщено въ боковой комнатѣ. Въ семь уединеніи я увидѣлъ двухъ Государей, любившихъ славу болѣе всего на свѣтѣ, хотя ихъ средства къ достиженію извѣстности и безсмертія были совершенно противоположны: великолѣпнаго Людовика XVI, въ раззолоченныхъ лапахъ и въ красной манжѣ, и знаменитую Королеву Шведскую, прославленную Вольперомъ:

A sa mine galante et fière
 D'amazone et d'avanturière,
 A ce nez de consul romain,
 A ce front altier d'heroïne
 A ce grand oeil fier et hautain,
 Soudain je reconnois Christine.

Черты лица этой ученой Государыни правильны и благородны: но на ея устахъ нѣтъ улыбки — въ глазахъ ея холодный блескъ ума, и эгоистъ взглядъ выражаетъ какое-то неприязненное чувство. Можно ли удивляться такой женщинѣ, которой были вовсе неизвѣстны мирныя добродѣтели?

Мелькомъ взглянувши на оспальные карпины и опасаясь бысть въ пятгость своему товарищу (мы пробыли здѣсь два часа), я поблагодарилъ его и раскланялся.

Наружность дома *герноголовыхъ* довольно приятна: ее украшаютъ два чепвероугольныхъ барельефа, изображающіе конныхъ рыцарей въ полномъ вооруженіи съ опущенными забралами и поднятыми кобьями. Надпись на дверяхъ показываесть, что домъ построень въ XVI столѣтїи.

* * *

~~~~~

П И С Ь М О.

Начальника Миссиі, отправленной по Высочайшему повелѣнію въ прошедшемъ 1824 году для обращенія оупь идолопоклонства въ Православную Христїанскую вѣру Самоѣдовъ, обитающихъ Архангельской Губерніи въ Мензенскомъ Уѣздѣ *).

Я общался прислать къ Вамъ описаніе послѣдней осправки до сего въ Тунд-

*) Письмо сіе писано къ одной почтен-

ру, и вошь оно: 1 прошлаго Юля на купленномъ и опдѣланномъ Миссією суднѣ отправились мы изъ Мезени, и при хорошемъ, попутномъ вѣтрѣ, 2 числа, менѣе, нежели въ одни сутки, прибыли на Канинъ, въ рѣку Чижу, куда и шли. Первый шагъ на землю сдѣлалъ я съ образомъ Спасителя. Вышедши всѣ на землю, отправили пошчасъ Спасителю и Божіей Матери молебствіе. Здѣсь нашли двѣ промышленныхъ избы и баню. Въ одной избѣ жили мы, гдѣ пекли и хлѣбы на все наше многолюдство, очень покойно. Сколько въ близкомъ разстояніи отъ сей рѣки ни стояло Самоядовъ, по часнямъ, въ разные дни, всѣхъ ихъ здѣсь обрашили и крестили. Здѣсь крещень первый богатъ Канина Самоядинъ Илья Баркулевъ съ семействомъ. У перехъ крестившихся, женатыхъ его сыновъ, не мало крестилось мальчиковъ и дѣвочекъ: еще крещень здѣсь очень умной и бойкой Десятской, конорой нынѣ, какъ всѣми замѣченъ, весьма

ной духовной особѣ, которая по благосклонности своей сообщила оное для напечатанія къ Издателю *Благонамереннаго*.

горячій въ вѣрѣ Христіанинъ. Три сына его, крещенные же съ нимъ, усмотрѣны мною очень острыми. Опець хочеть ихъ обучить грамотѣ; но мать нынѣ, по привязанности къ нимъ, не соглашалась на вывозъ ихъ въ Мезень. Чрезъ двѣ недѣли крещено здѣсь 40 человекъ. За симъ, не знаю, какъ описать нашъ вояжъ. Представыте, что каждый изъ насъ по одиначкѣ сидитъ на легкихъ санкахъ; подъ каждымъ въ упряжкѣ по 4 оленя, а только подо мною 5, такъ какъ у меня на санкахъ еще и извоцикъ Самоядинъ; ѣдемъ прямо, безъ всякой дороги шундрою, чрезъ горы, коихъ путь много, чрезъ ручьи, даже чрезъ рѣчки, по вѣрѣ (такъ называется здѣсь въ аршинъ и два вышиною растущій ивовый, частый кустарникъ) чрезъ великое распояніе, по кочкамъ, или большимъ и частымъ грядамъ шундры, по мокрымъ, а иногда сполько зыбкимъ мѣстамъ, что олени всѣ понушъ и плавають въ блашѣ и съ нашими санками, и выскакивая опшуда, снова быспрошекушъ по такимъ же мѣстамъ, гдѣ ишшему о проходѣ нельзя и подумать, впередъ. Такъ проѣхали мы не менѣе 250

верспь, или гораздо болѣе. Оленей перемѣняли въ распановленныхъ чумахъ чрезъ 50 верспь, или болѣе. Дорогою крестили 10 Самоядовъ. Съ превысокой горы свергли двухъ идоловъ, подобныхъ описаннымъ мною прежде. Болѣе, нежели за 100 верспь, увидѣли мы Канинскій хребтъ (каменной горы, покрытой дерномъ), и на немъ по разнымъ мѣстамъ снѣги. Чумы шлояли не по прямой линіи, шакъ и мы много кружили и наконецъ прибыли къ самому хребту (на дальнемъ концѣ Канина), гдѣ Самояды всѣ собрались въ одно мѣсто безъ женъ и дѣшей, съ шемъ нарочишо, что бы прошивипись Миссіи. Въ самомъ дѣлѣ: ни предложенная всѣмъ вообще проповѣдь, ни частныя убѣжденія, ни многократное прочишываніе и объясненіе Высочайшаго Указа Господиномъ Исправникомъ, ни объявленіе имъ щедротъ Монаршихъ, не могло преклонить и опврашитъ ихъ отъ упорствованія, которому научили ихъ, какъ сами явно и открыто здѣсь признались, Русскіе ихъ хозяева. Спрашась погибнуть безъ хлѣба, въ коемъ имъ, въ случаѣ крещенія, грозашъ опказашъ, а еще болѣе спрашась новой Нико-

ніанской вѣры, и *шепоту* (нельзя описать подробно всѣхъ недѣлностей, какія хозяевами—раскольниками Самоядамъ напозкованы), они дерзко и даже грубо и прошивъ Г. Исправника, шакъ какъ всѣ въ совокупности, содропивляются. Обращено и крещено изъ нихъ здѣсь 4 человека, изъ коихъ одинъ ихъ Соцкой (ихъ начальникъ, коего они чшуть и бояшся), а другой особливой богачъ. У сихъ и прежнихъ богачей восприемнымъ ошцомъ былъ Г. Исправникъ. Въ присутствіи всѣхъ здѣсь Самоядовъ 19 и 20 числа Іюля ошправляемы были всенощное бдѣніе, часы и молебствіе съ водоосвященіемъ для ошвященія и здѣсь пундры, кошорую вездѣ, гдѣ ни ошпанавливались, ошвящали: поелику съ самаго начала, даже до сего мѣсяца, къ крайнему ушѣщенію и восхищенію нашему, позади насъ вездѣ спояли уже Хрістіанъ-Самоядовъ чумы, въ коихъ мы и ошпанавливались и жили не шолько безъ всякой скуки (по непривычкѣ), но даже съ большимъ удовольствіемъ, видя ихъ усердіе, ожиданіе, приверженность, даже и малыхъ дѣшей и всѣхъ вообще нелицемѣрную любовь. Уже совсемъ другое въ

чумахъ ихъ, нежели некрещенныхъ. Нѣтъ падалики: нѣтъ и худаго и въ чуму, и отъ нихъ самихъ запаха. Сами ежедневно моются, чего некрещенные не дѣлають, и чумъ держать опрятнѣе: это производить удивительную въ нихъ перемену. Они становящяся веселѣе и свободнѣе въ обращеніи. Сіе всеми нами замѣчено. Види же явное и рѣшительное сопротивленіе некрещенныхъ, 20 Іюля мы отбыли обратно къ своему судну, близко къ намъ подошедшему при случившейся повѣпери, а Г. Исправникъ поѣхалъ въ Пушповерскъ. На обратномъ пути еще мы нашли и крестили 12 Самоядовъ. Дождавшись попутнаго вѣтра съ конца Канина, паки пришли на средину, въ рѣку Чижю. Найдя очень удобное и превыгодное мѣсто для церкви и дома священно и церковнослужителей, водрузили на немъ честный крестъ, и совершили ему праздникъ 1 го Августа съ освященіемъ воды на рѣкѣ Чижѣ. Паки посѣтили здѣсь чумы крещеныхъ и о всемъ нужномъ для нихъ въ послѣдствіи съ ними переговоры. До глубины сердца пронуло всѣхъ насъ и даже до слезъ, какъ усердно идя за нами богачъ

Баркулевъ, десятской, другіе, и малые дѣти, насъ, ошъѣзжающихъ ошъ нихъ, провожали. Лѣсовъ въ Канинѣ вовсе нѣтъ. Крайне это тревожило, нарочно проѣхали въ Несъ: и здѣсь, слава Богу! нашли хорошіе лѣса липшвенничные на церковь и домъ. Впередъ и обратно по морю плавали и въ Тундрѣ жили благополучно и и весело. 13 числа прибыли въ Мезень. Покорнѣйше прошу всѣмъ ошъ меня нашимъ кланяться и сіе желающимъ изъ нихъ прочесть. Подарите и меня, сущаго ошъ васъ далече, подобнымъ описаніемъ вашего пребыванія.

24 Августа

Вашъ покорн. слуга.

1825.

~~~~~

Р ъ ч ь,

говоренная по отправленіи панихиды по ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ, ГОСУДАРѢ ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ ПАВЛОВИЧѢ, Павломъ, Епископомъ Вяпскимъ, въ Вяпскомъ Каѳедральномъ Соборѣ, въ 12 день Декабря 1825 года.

Не прошло еще у насъ и десяти дней, какъ всѣ мы, печальные слушатели, всѣ сынове Россійскіи, съ чувствомъ радости и благоговѣнія, ожидали дня сего, дабы предъ олтаремъ Господнимъ возрадоваться, яко же и прежде, о Царѣ своемъ и пролишь предъ Вседержителемъ теплыя молитвы, моленія и прошенія о продолженіи драгоценныхъ дней Монарха, Ангела хранишеля нашего: но вмѣсто того что мы шеперь совершаемъ, пораженные горестію жестокою и внезапною?—Вмѣсто торжественныхъ пѣснопѣній въ день сей, прежде радостный, а нынѣ жестокой, изливается предъ Господемъ душа наша—вмѣ-

что собранія свѣплыхъ ликовъ, облачаемъ
 ся въ одежду плача, туги и сѣпованія, збо
 мирный Ангель, оставя насъ-сырыхъ,
 оплешѣль опъ насъ на небо—вмѣсто ра-
 досныхъ другъ другу привѣстній, вмѣ-
 сто сыновнихъ желаній изъ глубины ду-
 ши и сердца о пробавленіи дней Оица
 своего. Оица Отечества нашего, изше-
 кавшихъ у каждаго вѣрноподданнаго (да
 и кпоже могъ не бытъ вѣрноподданымъ
АЛЕКСАНДРУ I?), вмѣсто всего сего мы
 единственнѣй день сей обратили въ день
 глубокаго унынія—мы особенно, обитапел-
 ли града сего. Не много еще прошло по-
 му времени, какъ съ радостнымъ востор-
 гомъ наслаждались мы лицезрѣніемъ Ца-
 ря кропкаго, Оица чадолюбиваго въ семь
 градѣ; въ семь храмѣ, мы видѣли ЕГО, раз-
 глагольспововали съ НИМЪ — мы видѣли,
 какъ ОНЪ здѣсь являль намъ СОВОЮ поучи-
 тельный примѣръ примѣрнаго благоче-
 спія и благоговѣнія къ Святынь, нами
 хранимой — какъ ОНЪ обшекаль здѣсь
 мѣста бѣдности и скорби, оставленныя
 единственному ЕГО попеченію; какъ ОНЪ,
 съ олтеческимъ сердоболіемъ входиль въ
 нужды наши—мы чувспововали, какъ ОНЪ

оставляя насъ, восхитилъ сердца наши неизъяснимымъ восторгомъ сыновней къ НЕМУ преданности. Все миновалось: и лучезарное свѣтило Россіи сокрылось за горизонтъ, откуда уже не увидимъ мы лучей ЕГО въ сей мрачной для насъ ноци: Итакъ дадимъ мѣсто горести и скорби въ сердцахъ и душахъ нашихъ; да проліются слезы наши на ланипахъ нашихъ о лишеніи Великаго во Царѣхъ земныхъ АЛЕКСАНДРА. Плачьте, сынове Россіи! Плачь, Россія, вознесенная ИМЪ на верхъ благоденствія своего: ты никогда не можешь оплакать сей потери: но вмѣстѣ покорись еудѣбамъ Всевышняго, вмѣстѣ научись, яко естъ Господь, вла въ й Царствомъ человѣческимъ; естъ Б. гь вѣчный, владѣющій жизнью и смертію смертныхъ. Онъ, призывая нѣкогда раба Своего Моисея въ небесныя кровы, указалъ ему и мѣсто его кончины. *На гору възиди.* (Виноград. 34, 49.) изрекъ Онъ ему, послѣ всѣхъ подвѣстныхъ подвиговъ, послѣ окончанія дней въ старости масишпѣй, *возиди на гору, и сконтайся тамо.*—Възиди, посмотри съ мѣста высокаго долу на плоды прудовъ Твоихъ, на мѣста, кои Ты покорилъ

подъ власть Свою; обьими взоромъ съ вершины горы всѣ предѣлы пупей, коими Ты проходилъ, изчисли трудности, кои Ты перенесъ — и наконецъ *сконтайся тамо*, (сп. 50.) ибо Ты уже коснулся предѣла швоихъ подвиговъ.

Плакаль древній Израиль по Моусеѣ плачемъ великимъ: но онъ зналь, что Моусей былъ во исполненіи дней своихъ. Плачь новаго Израиля, сыновъ Россійскихъ, о Моусеѣ своемъ, плачь о Царѣ нашемъ шемъ сильнѣе поразиль и поражаель сердца наши, чемъ шверже было наше увѣреніе о вождельномъ ЕГО здравіи, среди дней, цвѣшущаго въ силѣ и крѣпости, душевной и шѣлесной, ЕГО мужеспва, чемъ живѣе и ошущишельнѣе наше наслажденіе миромъ, шишиною и благоденспвіемъ, каковымъ съ преизбышкомъ упоены мы подъ державнымъ ЕГО скипетромъ. Такова надежда, шаковы желанія человекскія—впрочемъ самыя швпя и непорочныя: но что онѣ значашь предъ Величеспвомъ Судебъ Божіихъ?—По вѣрѣ нашей мы не сомнѣваемся, что успшій Монархъ нашъ давно уже слышалъ гласъ Господа, воззавшаго пошомъ ЕГО въ небесное жи-

лице Свое — ибо жизнь Праведника ислѣзлами измѣряется, а подвигами въ добродѣтеляхъ. По вѣрѣ нашей мы не сомнѣваемся, что Вождю новаго Израиля указалъ Господь гору высокую, съ которой узрѣлъ ОНЪ мѣру и исполненіе своихъ безчисленныхъ попеченій, трудовъ и бремени для блага Опецества нашего и внѣшнихъ народовъ, ИМЪ подъявшихъ, и потому даровалъ ЕМУ покой и сладость мира въ горнемъ жилищѣ уготованнаго.

Время шягоспныхъ трудовъ, каковыми каждая минута жизни сопровождалась, прошло уже для праведнаго Самодержца. ОНЪ почилъ опъ нихъ, источники заботъ и попеченій на пупи многотруднаго Царствованія изсыкли для него навѣки — и *Богъ отбавъ всякую слезу отъ отію Его, и смерти для него не будетъ ктому.* Но мы, Сл., еще во времени, а потому будемъ еще поучаться изъ призмѣра, оспавленнаго намъ опшедшимъ къ Богу Монархомъ, какъ поступашъ со временемъ, ежедневно и ежечасно утешающимъ. Жизнь человѣческая исполнена суешь, скорбей и печалей. Такъ по большой части мы говоримъ. И она естъ

драгоценнѣйшее благо для приуготовленія нашего къ будущей жизни: она есть преддверіе къ жизни вѣчной, коей всѣ мы часемъ о Іисусѣ Христѣ. Безсмертіе въ блаженной вѣчности приобретаеиъ въ сей жизни, слѣдовательно не можно, да и не должно чрезъ мѣру выспавляиъ жалосиъ жизни человѣческой, какъ обыкновенно посшупаюиъ шѣ, кои, мало понимая о будущемъ своемъ предназначеніи, осыпаюиъ жизнь настоящую упреками. Она достойна оныхъ погда, когда прошекаеиъ въ занятіяхъ, посрамляющихъ человѣка — когда чувствуя и спрасии управляюиъ ими. Но Христіанинъ, водимый духомъ Евангелія, исполненный мысли высокихъ и благородныхъ объ уготованныхъ ему благахъ въ жизни будущей— Христіанинъ, украшающійся плодами благихъ дѣлъ, освящаеиъ жизнь настоящую, дорожииъ каждою ея минутою, благодарииъ Господа о ея продолженіи, не сокрушаеиъ о ея поперѣ. Такова жизнь Праведника! Такова жизнь, Россіяне, престававшиаго въ мирѣ Благочестивѣйшаго ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I. Теченіе дней ЕГО далеко не достигло, по мыслямъ нашимъ, предѣ-

ловъ жизни, каковыхъ достигаютъ многіе, и мы желали бы ЕМУ сего многолѣтня съ пожертвованіемъ собственной жизни, ежели бы по было возможно. Но Богъ измѣрилъ число дней ЕГО своею мѣрою. Такъ успшии Самодержецъ! Мы, взирая на великія дѣла ТВОИ, истинно и неложно можемъ сказать о ТЕБѢ, или лучше: ТЫ САМЪ въ дѣлахъ СВОИХЪ, ТОБОЮ для насъ спасенныхъ, въ мирѣ и покоѣ, ТОБОЮ для насъ упроченномъ, въ вѣрѣ и благочестіи, ТОБОЮ въ насъ насажденномъ, ТЫ САМЪ изрѣкаешь о СЕБѢ во уши наши сію благочестивую со Апостоломъ похвалу: «Любезные Россіяне! Я все для васъ сдѣлалъ, что только Богъ благоволилъ совершить чрезъ МЕНЯ для вашего счастья и благоденствія; Я *подвизался* для васъ въ печеніе двадцатипятилѣтняго Царствованія МОЕГО *подвигомъ добрымъ*, (2. Тимое. 47), чему сами вы свидѣтели. Я уже *скончалъ* течение на многотрудномъ поприщѣ Самодержавствованія; *соблюлъ вѣру* во Иисуса Христа: *Протее* *убо* *соблюдается* *Мнѣ* *вѣнецъ* *правды* (сп. 8.) въ Царствіи Небесномъ, куда призвалъ МЕНЯ Царь цар-

спвующихъ . Вы же ушѣшшесь, яко Господь милосердый не оставишь васъ сирыхъ . Царь, избранный Имъ изъ дома Ошца МОЕГО, единокровный мой, упокоишь и упасешь васъ въ градушя лѣна, и будешь для васъ Спасишелемъ, какъ и Я былъ, яко рука Господня съ НИМЪ и милоснь его съ НИМЪ., Печальные Слушатели ! будемъ внимашь гласу сему, вѣщающему сердцамъ нашимъ ошъ горняго жилища Господня, и вмѣстѣ дозволимъ себѣ пролить слезы о лишеніи Любезнѣйшаго Государя . Слезы сіи лучше изваяній бездушнаго мрамора будутъ свидѣшельспвовашь любовь нашу къ НЕМУ и всегдашнее о НЕМЪ воспоминаніе . Память ЕГО пребудешь для насъ и послѣдующихъ родовъ вѣчною въ имени ЕГО и безсмертныхъ ЕГО дѣянїяхъ . Сіе шолько ошастеся по смерти праведника .

Боже духовъ и всякія плоти ! по непреложному обѣщанію Твоему, сошвори, Молимъ Тя присно, да душа преспавлыщагося ошъ насъ Благочеснивѣйшаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I. почишь во свѣшлостехъ святыхъ Твоихъ, въселеніи праведныхъ во вѣки вѣковъ, Амниъ .

АНЕКДОТЫ *).

1.

Фридерикъ II далъ съ вечера приказаніе новому своему камердинеру разбудить себя на другой день въ чепыре часа утра. Въ назначенное время камердинеръ вошелъ въ спальню Короля и разбудилъ его. — “Дай мнѣ уснуть еще не много, сказалъ Фридерикъ II: я такъ уснулъ.,” — Ваше Величество приказали мнѣ придти въ чепыре часа. — “Еще не болѣе 15 минутъ, слышишь ли?,” — Ни одной секунды! Уже прошло чепверть часа. Вспавайте, Ваше Величество! — “Быть поповоному, сказалъ Король: ты исправный малой; люблю кпо съ такою почностію исполняешь свою должность **).,,

2.

Въ то время, когда Франциска I вели, какъ военноплѣннаго, въ Мадридъ, одиачъ Испанскій гренадеръ, продравшись

---

*) Съ 3й книжки пойдушь и Русскіе анекдоты.

**) Много естъ подобныхъ сему анекдоту и о великомъ нашемъ Суворовѣ.

сквозь толпу, поднесъ ему золотую пулю и сказалъ: «Ваше Величество! прекрасная ваша жизнь не должна была прекратиться отъ обыкновенной пули: эту золотую пулю вылилъ я нарочно, что бы убить васъ; но ненашедши къ тому случая ни въ одномъ сраженіи, осмѣливаюсь теперь поднести ее вамъ., — Монархъ-пльиникъ съ добродушіемъ принялъ столь странный подарокъ и наградилъ гренадера.

3.

Актеръ Сарразень въ первый дебютъ имѣлъ самый блестящій успѣхъ. Дюмираль, кошораго роли игралъ Сарразень, не могъ, несмотря на свою посредственность, перевести шакого униженія отъ актера, въ первый разъ выступившаго на сцену. Удобно нашелъ онъ случай поспорить съ нимъ и предложилъ ему дуэль на шпагахъ. Сарразень отвѣчалъ, что онъ вовсе не имѣетъ охоты рваться.— «Такъ ты человекъ безъ души и безъ чести!», сказалъ ему Дюмираль.— Другъ мой! возразилъ Сарразень, когда есть душа, то надобно беречь ее для ролей; а что касается до чести, то вступаая сюда, оставляюшь ее у дверей.

4.

Одинъ лакей, выигравъ кучу денегъ въ игорномъ домѣ, взялъ для себя наемную карешу (фиакръ). Когда надобно было ѣхать, то онъ, вмѣсто того, что бы сѣсть въ карешу, по старой привычкѣ спалъ на запытки. — “Что вы это, баринъ, дѣлаете? сказалъ ему кучеръ: вѣдь вы для себя наняли карешу., — Правда моя, отвѣчалъ онъ: я было и позабылъ.

5.

Гжа де Лонгевиль умирала со скуки въ Нормандіи, гдѣ мужъ ея долженъ былъ прожить съ нею очень долго. — “Вы скучаете, сударыня?,, спросили у нея знакомые. — Несносная жизнь! — Но вы можете имѣть разсѣяніе, на примѣръ: здѣсь есть прекрасныя собаки и лѣса; поѣдемъ же на охоту., — Нѣтъ, я не люблю охоты. — “Не хотите ли заняться работою?,, — Нѣтъ, я не люблю работашь., — “Такъ не угодно ли вамъ прогуляться, или играть во что нибудь?,, — Нѣтъ, не люблю ни того, ни другаго. — “Чего же вы хотите, сударыня?,, — Чего я хочу? Я не люблю *невинныхъ удовольствій.* —

6.

Какой-то Французскій солдатъ, бывъ на дуели съ однимъ изъ своихъ поварищей, получилъ опъ него смерщельный ударъ шпагою. Однако же онъ имѣлъ еще сполько силы, что повалилъ его и обезоружилъ. “Дарю тебѣ, сказалаь онъ ему, то, что пы у меня ошнйаль,, — и въ шу же минушу умеръ.

7.

Нѣкто ищощилъ всѣ възможныя хипроспи для поддержанія своего кредита. Однажды получилъ онъ вдругъ опъ пяпи, или шеспи заимодавцевъ своихъ письма, кошорыми шребовали они скорѣйшей уплаты своего долга. — “Вошь хорошо! вскричалаь онъ съ досадою. Какого штруда стоишь мнѣ занимать деньги; спану же я еще мучишь себя, что бы ошдавать ихъ!,,

8.

Одному крещьянину пришла охоща записаться въ солдаты. Вошь онъ явился къ Полковнику, кошорый спросилъ его, чувствуеть ли онъ себя въ сосщояннн но-

сипь ружье. — “Помилуйте, Г. Полковникъ! ошвѣчалъ оскорбленный такимъ вопросомъ креспьянинъ: да я снесу цѣлую дюжину ружей..”

(Изъ разныхъ иностранныхъ журналовъ.)

О НОВЫХЪ КНИГАХЪ.

3. *Антенскій Пустынникъ или изображение Парижскихъ нравовъ и обычаевъ въ началѣ XIX столѣтїя. Сог. Г. Жуи. Перевелъ съ Французскаго С. де Шанлетъ, Членъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности.* Частъ первая и вторая. Съ гравированнымъ заглавнымъ листомъ и картинкою при каждой части. С. п. бургъ. Въ типографіи Александра Смирдина. 1825. въ 8 ку. Въ первой части 327, во второй 336 стран.

Вотъ книга, которую смѣло можно рекомендовать всѣмъ любителямъ приятнаго и полезнаго чтенія (и старикамъ и молодымъ людямъ и дамамъ) и которая заключаетъ въ себѣ при достоинства, рѣдко случающіяся у насъ вмѣстѣ: она очень хо-

рошо написана, очень хорошо переведена и очень хорошо напечатана. О Г. Жуи говорить нечего. Этого пошкй наблюдателя правова и остроумнаго писателя принадлежишь къ числу тѣхъ немногихъ словесниковъ, которые забавляя, непримѣтно исправляють и предостерегаютъ. Г. де Шаллешъ, извѣстный уже нашей Публикѣ прекраснымъ переводомъ *Лондонскаго Пустынника*, заслуживаетъ искреннюю благодарность отъ всѣхъ любителей отечественной словесности за то, что принялъ на себя трудъ перевести и *Антенскаго Пустынника*, который служилъ для перваго образцемъ. Сдѣлаемъ мимоходомъ замѣчаніе для молодыхъ нашихъ лирическихъ поэтовъ, что не возможно узнать хорошо собственнаго своего языка, не упражняясь довольно время въ переводахъ.

По праву Журналиста выпишемъ что нибудь для удовольствія нашихъ читателей изъ этой прекрасной книги—хоть о *Журналистахъ*

“Желаю, что бы Журналисты не употребляли во зло присвоенной ими лирической власти; что бы личности и злоба не водили перомъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ присяжныхъ крипиковъ; что бы эти господа размыслили хорошенько о томъ, что должно имѣть гораздо болѣе ума для

сочиненія самой посредственной книги, въ какомъ бы то ни было родѣ, нежели для наполненія десяти томовъ журнальною крипикою, которую вѣрно поспыдились бы писать, если бы она не была такъ прибыльна., — *Часть 1, № XLVI. Подарки въ новый годъ, стран. 514.*

Книга: *Анженскій Пустынникъ*, въ пяти частяхъ, съ гравированными (и весьма хорошо) картинками, продается въ Москвѣ у А. Ширева, а въ С. п. бургѣ у А. Смирдина, что у Синяго моста. Цѣна самая умеренная: за всѣ пять частей 30 р.; съ пересылкою же въ другіе города 35 р. При подпискѣ первыя двѣ части выдаются, а послѣднія при выдушъ не позже первыхъ чиселъ будущаго Апрѣля мѣсяца.

Г. де Шаплетъ занимается переводомъ и прочихъ сочиненій Г. Жуи, изъ которыхъ (*Le Franc Parleur*) *Гильомъ Чистосердечный и Гвіанскій Пустынникъ* почти уже приведены къ окончанію.

4. *Уранія. Карманная книжка на 1826 годъ для любителей и любителей Русской Словесности. Изданная М. Погодинымъ. Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго. Съ гравированнымъ заглавнымъ листомъ, въ 16 ю долю листа, 303 стран.*

Очень хорошій алманахъ и хорошо напечатанъ. Проза здѣсь перемѣшана со стихами. Прозаическія спашы суть слѣдующія: *Веневитинова*: Утро, полдень, вечеръ и ночь. *Де Санглена*: Опырокъ изъ жизни и мнѣній новаго Тристрама. *Ломоносова*: Письмо къ И. И. Шувалову (весьма любопытное и показывающее въ полной мѣрѣ умъ и доброе сердце этого великаго человѣка). *Одвск*. Завѣшная книга. *Ознобишина*: Споръ. *Латона*: Письмо къ Князю Г. А. Пошемьину-Таврическому. *Погодина*: Нищій (повѣсть). Какъ аукнешся, такъ и откликнешся (повѣсть). *Снегирева*: Сипонимы. *Строева*: Ощечественная старина. ZZ. Свѣшная недѣля, Стихотворенія Гг. Барашинскаго, Ки. Вяземскаго, Дм. Гл., М. Дмитриева, В. Капниста, Мерзлякова, М — ча, Невѣдомскаго, Нечаева, Ал. Норова, Ознобишина, Ал. Пушкина, Полежаева, П. Раича, Рощева, Соловьева, Ф. Тютчева, Шевырева и неизвѣстнаго, всего 54 піэсы.—Изъ прозаическихъ спашей болѣе прочихъ понравились намъ по легкому, простодушному и остроумному разсказу повѣсти Г. Погодина и *Свѣшная Недѣля ZZ*, а изъ стихотвореній переводы Г. Раича двухъ опырокъ изъ *Освобожденнаго Іерусалима*: *Источникъ смѣха и Чародѣйство Ислена въ дремучемъ лѣсу*. Прочія какъ стихотворныя, такъ и

прозаическія статьи, имѣющіе также свое достоинство. Не многіе изъ издашелей нашихъ альманаховъ имѣли такую похвальную разборчивость, съ какою поступилъ почтенный Г. Погодинъ въ составленіи своей карманной книжки.

Выпишемъ также—немножко и изъ *Ураніи*:

Свѣтлая Недѣля. стр. 299 и 300.

“Москва, исполненная спранныстей въ обычаяхъ, въ которыхъ нынѣшніе модники ее ежедневно упрекаютъ, имѣетъ и свои собственныя спранныя добродѣтели, которыхъ рѣдко встрѣчаются въ образованныхъ городахъ. Самая привлекательная картина для глазъ челоѣколюбца происходитъ при дверяхъ городской тюрьмы. — Нельзя безъ особеннаго чувства благоговѣнія сморѣть, какъ толпится народъ къ кружкѣ, что бы удѣлилъ часть своего достоянія въ пользу несчастныхъ затворниковъ—Однажды, въ первый день праздника, провелъ я часть утра у входа въ тюрьму. — Мнѣ хотѣлось узнать, какое сословіе людей сохранило болѣе чувствъ, самыхъ естественныхъ природѣ челоѣка—любовь къ своимъ собратьямъ, состраданіе... Я видѣлъ толпы мужиковъ, клавшихъ деньги и хлѣбы; я видѣлъ и бѣднаго солдата, удѣлявшаго часть

своего достоянія для челоуѣка, который бѣднѣе его.. Я видѣлъ купцовъ, привозившихъ коробами съѣстные привасы; но, сознаюсь, замѣчанія мои были оскорбительны для другихъ сословій. Счастливицы не помышляютъ о бѣдномъ. Можетъ быть иной бы и удѣлилъ нѣсколько денегъ; но есть ли у людей большаго свѣта время думать о тѣхъ, которые живутъ не въ свѣтлыхъ госпитальныхъ, но подъ темными сводами шемницы? Припомъ на что благошвореніе людямъ, которые могутъ представить печальныя доказательства своего добраго сердца, своего челоуѣколюбія, которые могутъ съ самохвальствомъ показать шишлы многихъ филантропическихъ обществъ, какъ на бездѣйствіе, на отверженіе слезныхъ просьбъ просящаго во имя Іисуса Христа? „

*****

Омонимъ, напечатанный въ 1 № значить *Церковь*.

*****

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1826 — № III.

АРАБЪ, ИЛИ ГОСТЕПРИИМСТВО.

Повѣсть Г. Праделя.

Недалеко отъ древняго города Ана, столицы Пустой Аравии. въ плодородныхъ равнинахъ, расширяющихся вдоль береговъ Евфрата, жилъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, почтенный Сулейманъ, родственникъ Шеика города Ана и начальникъ поколѣвнѣ Фаимейдовъ. Это Арабское поколѣвнѣ раскидывало иногда шашры свои на границахъ Каменистой Аравии, подлѣ дороги, ведущей въ Суезъ; иногда же переносило ихъ въ прелесныя долины Темена, обильныя смирною, бальсамомъ, амброю, алоемъ и алмазами; но гораздо чаще старый начальникъ кочующаго народа направлялъ блуждающіе шаги его къ западу, по дорогѣ въ Сирію, гдѣ переѣздъ каравановъ Меккскихъ и Св. Земли способствуешь размѣну произведеній иной страны на шелковыя матеріи Моссуль-

скія, оружіе Дамасское и богатыя шкани Кашемирскія.

Дѣшскія ласки Эмиры, единственной дочери Сулеймана и спраспно любимой имъ женщины, составляли единственное его наслажденіе, единственное его счастье. Прекрасная Эмира, вступившая уже въ принадледашую весну, съ крошестію и живостію газеллы *) соединяла въ себѣ всѣ прелести своего пола. Имѣя опъ природы доброе, чувствительное сердце, она не знала другихъ удовольствій, кромѣ шѣхъ, которыя нравились лучшему изъ ошцовъ. Не было во всемъ поколѣніи Фаши-меидовъ шоль послушной и нѣжной дочери, какъ Эмира, и шоль прелестной, достойной дѣвицы, какъ она.

Извѣстно, что въ сихъ шранахъ, подѣ палящимъ небомъ, природа, ускоряешъ развитіе всѣхъ существъ; женщины особенно, по нѣжности своихъ органовъ, бо-

---

*) Газелла - Африканская коза, весьма смирная и красивая. Арабскіе Поэты сравниваютьъ глаза своихъ любезныхъ съ глазами газеллы.

аѣе подверженныя вліянію климата, дѣлаются способными къ супружеству въ такомъ возрастѣ, который едва выводитъ ихъ изъ дѣтства въ умѣренныхъ поясахъ Европы. Сердце Эмиры уже открылось къ новымъ впечатлѣніямъ любви. Видъ молодыхъ воиновъ производилъ въ ней такое волненіе, котораго не умѣла она изъяснить. Когда вечеромъ сидя на берегу ручейка, изливающагося въ Евфратъ, внимала она журчанію воды, мѣшавшемуся съ пріятымъ шумомъ пальмы, колеблемой вѣтеркомъ; когда пѣніе птицъ поражало ея слухъ — или, когда полуденные вѣтры, обнаживъ благовонныя равнины Іемена, доносили къ ней потоки благоуханія — какое-то непонятное и неизъяснимое безпокойство вселялось въ ея душу. Она дѣлалась задумчивою; прекрасные глаза ея невольно устремлялись на лазуревую бабочку, которая порхала по душистымъ цвѣтамъ необозримыхъ луговъ, гдѣ паслись стада кочующаго племени.

Однажды вечеромъ. Эмира въ задумчивости возвращалась къ олицу своему, и лишь только выступила на дорогу, ведущую къ стану Фашмеидовъ, какъ услы-

шала звукъ цѣпей и пронзительные вопли, за которыми послѣдовала глубочайшая тишина. Трепеща отъ страха, идетъ она далѣе: удушашющіе вздохи оледѣняютъ ея сердце. Она осмѣливается подойти ближе, и что же видитъ?—молодаго незнакомца, распроспершаго на землѣ и плавающего въ крови своей. Несчастный испускаетъ тяжелые стоны и, повидимому, борется со смертію. Эмира, побуждаемая чувствомъ челоѣколюбія, которое даетъ ей мужество превыше ея силъ, оспанаавливаетъ кровь, текущую изъ его ранъ; попомъ изъ ближняго источника приноситъ въ пригоршняхъ воду, омываетъ ею язвы его и прикладываетъ къ нимъ цѣлительный дикій бадьянъ, распуцій повсюду въ этой долинѣ. Незнакомецъ открываетъ глаза; душа его, готовая отлещѣть, кажется, на минуту оспановилась на блѣдныхъ его устахъ. — “Ангель небесный! сказалъ онъ: не въ раю ли я у Пророка и не вижу ли одну изъ тѣхъ божественныхъ Гурій, которыя назначены правовѣрнымъ?,” — Несчастный! отвѣчала Эмира: я дочь честнаго Судеймана и готова пожерт-

вовашь жизнью своею для своего спасенія.—Звукъ очаровательнаго голоса проникъ, какъ тонкій пламень, въ жилы умирающаго юноши. Онъ поднимаетъ голову, съ жадностію разсмашиваетъ черпы прелесной Эмиры, и вдругъ какая-то сверхъ естественная сила возвращаетъ его къ жизни. Спусти нѣсколько минутъ всиаетъ онъ на ноги и попомъ идетъ, поддерживаемый своею благодѣльницею. Незнакомецъ хочетъ изъяснить ей свою благодарностъ; но Эмира проситъ его умѣрить порывы этого чувства, опаснаго въ его положеніи, и наконецъ, съ наступленіемъ ночи, приходитъ онъ въ шатеръ начальника Фахмедовъ.

Сулейманъ благодаритъ Провидѣніе и милую дочь, которая доставила ему счастье оказанъ госшепріимство, самую священную добродѣтель между Арабами. Довольно было прехъ дней для выздоровленія незнакомца. Сулейманъ и Эмира узнали ошъ него, что онъ сынъ Шеика Адена, впораго города счастливой Аравіи; что прикрывая караванъ до самаго входа въ степи, подвергся онъ нападенію Бедуиновъ Окшадскаго поколѣнія и что у-

видя поварищей своихъ разбѣжавшихся при ихъ приближеніи, не хотѣлъ погибнуть безъ боя—и палъ подъ ударами непріятели. Храбрость и мужественная красота Асфелира (имя молодого человѣка) внушили живое участіе въ спарика, который съ удовольствіемъ слушалъ его. Сулейманъ не только увѣрялъ его въ своей дружбѣ и обѣщавъ дать ему большой опрядъ для препровожденія его съ богатыми дарами къ отцу; но пребывавъ, что бы Асфелиръ не прежде оставилъ берега Евфрата, пока выздоровѣетъ совершенно. Прекрасный чужеземецъ согласился, и вѣрный служитель Сулеймана немедленно посланъ былъ къ Шеику города Адена, который уже оплакивалъ потерю возлюбленнаго сына.

Асфелиръ не могъ отказатьсь отъ великодушнаго приглашенія Сулеймана. Но излѣчась отъ ранъ, получилъ онъ неизлѣчимую рану въ сердце. Прелестная Эмира спасла его отъ неизбѣжной смерти; итакъ могъ ли онъ смотрѣть на нее равнодушно? — А видѣть Эмиру, для страшнаго, молодого человѣка значило поже, что и любить. Всякой день

открывалъ глазамъ пылкаго юноши новую въ ней прелесть. Но что почувствовывалъ онъ, когда узналъ, что и Эмира была равнодушна къ его любви! Бросясь къ ея колѣнамъ, цѣлуя прахъ ея ногъ, клялся онъ ей, что обожаетъ ее, что никогда не будетъ имѣть другой любезной, другой супруги, кромѣ Эмиры. Слова его были столь убѣдительно, столь краснорѣчивы, что не оставили въ ней ни малѣйшаго сомнѣнія. Какія сладостныя ощущенія послѣдовали за этими обѣщаніи, за этими нѣжными клятвами, копорья шакъ приятно повторають и слытають, когда ихъ повторають! Надобно любить со всею воспоргомъ и быть рождену подъ палящимъ небомъ Аравіи, что бы соснавить себѣ справедливое понятіе о восхищительномъ удовольствіи первыхъ дней любви.

По несчастію, не одинъ прекрасный Асфелиръ удивлялся прелестямъ Эмиры. Фэфшаръ, военачальникъ Сулеймана, человекъ надмѣнный и жестокой, втайнѣ пылалъ къ ней любовью. Обладая богатствомъ, равнымъ несмѣннымъ сокровищамъ Сулеймана, и не опасаясь соперниковъ, ко-

торые могли бы соспязаться съ нимъ въ имуществѣ, заслугахъ и мужествѣ, надѣялся онъ вскорѣ получить руку прелестной его дочери и сдѣлалъ ему о томъ предложеніе. Передъ шемъ однако отецъ Эмиры, узнавъ о любви Асфелира, согласился уже на соединеніе двухъ любовниковъ, если только Шейкъ города Адена одобритъ этотъ союзъ. Ужасное биченство изобразилось въ глазахъ Фэфшара, когда Сулейманъ сказалъ ему о такомъ неожиданномъ препятствіи. Будучи сколько гордъ, что ни предъ кемъ не обнаруживалъ своего огорченія, и сколько хитръ, что во всякомъ случаѣ скрывалъ гнѣвъ свой и досаду, повичась перемѣнилъ онъ разговоръ и вскорѣ потомъ удалился, что бы обдумать планъ своего мщенія. Фэфшаръ зналъ, что молодой человекъ чрезъ нѣсколько дней отправится въ Адень, откуда, безъ сомнѣнія, возвратится съ согласіемъ отца своего на этотъ бракъ. Выбрали провожатыхъ и начальникомъ надъ ними поставилъ онъ одного изъ своихъ чиновниковъ, человека кровожаднаго и совершенно ему преданнаго. Онъ сдѣлалъ еще болѣе. Что бы ондалилъ олъ себя всякое подозрѣ-

ніе. Фэфшарь попросилъ у Сулеймана позволенія отпраивитсья съ войскомъ къ степямъ Сирійскимъ, для наказанія Бедуиновъ, ограбившихъ караванъ Мединскій. Получивъ на сіе согласіе, высупилъ онъ со своимъ опрядомъ, и вмѣсто того, что бы продолжашъ путь, остановился на дорогѣ, по которой долженъ былъ ѣхать Асфелирь.

Какъ нѣжно и прорагпельно было прощаніе молодыхъ любовниковъ! Сколько слезъ пролила чувствительная Эмира и съ какимъ сердечнымъ краснорѣчіемъ Асфелирь старался успокоить еѣ. Надежда имъ улыбалась и уменьшала прискорбія крашковременной разлуки. Асфелирь былъ столько любимъ своимъ опцомъ, что потъ не могъ вопрошавитсья его счастию; отсутствіе его будетъ непродолжительно и молодой человекъ возвратишся чрезъ нѣсколько дней еще вълюбленнѣе, возвратишся для того, что бы навсегда соединитъ судьбу свою съ судьбою Эмиры. Онъ называлъ уже еѣ своею обожаемою супругою, осыпалъ непороч-

ными поцѣлуями и распочалъ ей невинныя ласки. *).

Наконецъ Асфелиръ удалился отъ предмета своей любви, отъ поколѣнія Фатмидовъ.—Нужно ли сказывать, что несчастный не увидишь болѣе своей возлюбленной... такъ, онъ палъ подъ ударами Фефшара. Прекрасный, храбрый юноша самымъ безчестнымъ образомъ схваченъ былъ сообщникомъ гнуснѣйшаго изъ людей и немедленно умерщвленъ.

Между темъ другая подлѣйшая хитрость Фефшара надѣлала много безпокойствъ Сулейману. Фефшаръ извѣспилъ его чрезъ одного преданнаго ему Араба, будто Бедуины окружили опрядъ его въ одномъ оазѣ **), гдѣ непременно погибнетъ онъ со всѣми воинами, если не подадутъ ему скорой помощи. Вспревоженный шакою мнимою опасностію, опецъ Эмиры собралъ храбрѣйшихъ воиновъ и поручивъ

*) И вѣрно глядѣлъ все ей въ глазки.
Прим. Изд. Благ.

**) Такъ называются на песчаныхъ степяхъ мѣста, на копорыхъ расщепъ шрва и деревья.

Эмиру и шапры свои прѣмь сшарѣйши-
намъ поколѣнія, полешѣль къ Фѣфшару.

Въ то время, какъ присланный ошъ
него Арабъ нарочно блуждалъ въ сшепяхъ
съ Сулейманомъ, Фѣфшаръ приготоваля-
ся къ новому пресшупленію. Скрывающъ
въ одной пещерѣ, находящейся въ скалахъ,
облегающихъ Евфрашъ, съ нешерпѣніемъ
ожидалъ онъ благопріяшной минушы для
исполненія своихъ намѣреній. Наспупала
полночь, и вопшь онъ выходиль изъ пе-
щеры, приближается къ спану Фашмеи-
довъ, подкупаешъ спражу, приказываешъ
окружилъ шапры шрехъ сшаршишь, дру-
зѣй Сулеймана, копорые могли бы унич-
пожилъ его предпріяшіе; пошомъ прони-
каешъ въ палашку своего начальника,
гдѣ покоилась Эмира. Воины Фѣфшара
зажали ршы женщинамъ, копорыя окру-
жали ее, и увлѣкли ихъ съ собою. Наконецъ
зажгли свѣшильникъ, и вѣроломный пред-
сшаешъ предъ дочерью Сулеймана. Пробу-
дясь ошъ спраха, Эмира вскрікнула; но
Фѣфшаръ наложилъ на нее молчаніе, ска-
завъ: "слезы и вопли швои, Эмира, бесполез-
ны: ты должна покорилься своему жре-
бію. Асфелирь не можетъ бышь швоимъ:

отецъ его далъ клятву, что никогда не позволишь ему соединиться съ Фашмеидами, и женихъ твой навсегда отказывается отъ тебя. Но бракъ, несравненно выгоднѣйшій, предстоитъ тебѣ. Я люблю тебя, Эмира; сплани мои и богатство не менѣ Сулеймановыхъ. Согласись бышь моею. Родитель твой исполнишь мое требованіе, и я сдѣлаю тебя, клянусь въ томъ Магомедомъ, счастливейшею женщиною.,,

Наглый приходъ Фештара и рѣчь его привела въ трепетъ Эмиру. Чувствуя опасность своего положенія, покусилась было она смягчить этого злодѣя, просила у него времени, что бы подумать о его предложеніи. Но онъ объявилъ, что не удалится до тѣхъ поръ, пока не получишь рѣшишельнаго отвѣта. Эмира сказала ему о данныхъ ею клятвахъ сыну Шеика города Адена. — “Если отецъ его не соглашается на нашъ союзъ, присокупила она, то все не могу я нарушить моихъ клятвъ., — Напрасно Фештаръ дѣлалъ ей возраженія, напрасно и Эмира старалась пронуть его сердце.— Знай же, вскричалъ онъ наконецъ, когда

надобно знать тебѣ все, что я не спрашусь болѣе гнуснаго своего соперника: Асфелирь уже не существуетъ! — При сихъ словахъ блѣдная Эмира едва не упала въ обморокъ; но подумавъ, что онъ нарочно выдумалъ это, сказала: “если дѣйствительно нѣтъ болѣе Асфелира, то конечно не могу я принадлежать ему; но на это нужны мнѣ доказательства..” — Злодѣйская радость блеснула шурь въ глазахъ Фэфтара.— Доказательства, Эмира, тебѣ нужны доказательства? Вошь онъ! — При сихъ словахъ развернулъ онъ окровавленную попону и къ ногамъ Эмиры упала голова ея возлюбленнаго. Въ блѣдныхъ чертахъ узнала она лице Асфелира, и при семъ ужасномъ зрѣлищѣ безчувствь упала на полъ. Фэфтарь, наслаждаясь ея горестію и полагая, что уже нѣтъ болѣе препятствій къ исполненію его желаній, ожидалъ, пока несчастная придетъ въ себя, что бы вынудить у нее согласіе на брачный съ нимъ союзъ. Но Эмира, возвращаясь къ жизни, почувствовала силу сверхъестественную. Отчаяніе заставило ее презрѣть всякую боязнь; она осыпала злодѣя упреками, покля-

лась ему именем Пророка и Сулеймана, что скорѣе предпочесть смерть несчастію принадлежать чудовищу, и до такой степени раздражила изверга, что онъ, въ припадкѣ бѣшенства, обнажилъ кинжалъ и при разѣ поразилъ имъ прещущую грудь Эмиры. Невинная жертва, при первомъ ударѣ, упала на соломенную плетенку, гдѣ лежала голова ея возлюбленнаго. Невольно прижала она къ своей груди плачевный остатокъ друга ея сердца; кровь ея смѣшалась съ кровавыми слѣдами любезнаго, предупредившаго ее смертію, и она испустила духъ, произнося имя Асфелира!

Въ совершенномъ забвеніи самаго себя, а можетъ быть, и почувствовавъ весь ужасъ гнуснаго своего пресупленія, убійца Эмиры выбѣгаетъ изъ палатки, бросается на первую попавшуюся ему лошадь и лепишь, съ быстротою молніи, безъ цѣли и самъ не зная куда. Заря начинала показываться, а Фэфтаръ все еще скакалъ по равнинамъ, ведущимъ въ большую степь, преслѣдуемый угрызениями совѣсти и раздражающимъ сердце образомъ невинныхъ жертвъ.

Между темъ почтенный Сулейманъ узналъ въроломство Фефипара, а вскорѣ попомъ и извѣстіе о новомъ его преступленіи достигаетъ до ушей старца. Надобно бышь опцемъ, что бы понять ошчаяніе злополучнаго родителя. Безчуживенность заслушила мѣсто воплей оскорбленной природы. Ничто уже болѣе не привязываетъ Сулеймана къ землѣ. Что ему въ богатствѣ, въ почестяхъ, когда нѣтъ возлюбленной его дочери? Ему оспалась одна шолько горестъ; присущивіе людей несносно для него; расперзанное сердце его имѣетъ нужду въ пищи и уединеніи.

Обдумавъ ишайнѣ одно намѣреніе, злощасный спарецъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ наступленія ночи. Когда всѣ успокоились и заснули, скрывается онъ ошъ своихъ родныхъ и друзей, удаляется ошъ своего народа, имущества и сокровищъ: онъ оставилъ все и навсегда.

Долго блуждалъ Сулейманъ изъ одной спраны въ другую, питаясь дикими плодами и водою изъ немногихъ источниковъ, которые Провидѣніе изрѣдка представляетъ путешественникамъ въ песчаныхъ и зной-

ныхъ степяхъ. Наконецъ остановился онъ въ одной лощинѣ, на утесѣ, около предѣловъ Пустой Аравіи. Уединеніе дикаго этого мѣста, по видимому, никогда не нарушалось присутствіемъ смертнаго: оно согласовалось съ состояніемъ души злополучнаго спарца. Пещера, заросшая мхомъ и украшенная капельникомъ въ разнообразныхъ его видахъ, сдѣлалась его убѣжищемъ. Недалеко отъ нея былъ ключъ чистой воды. Виноградныя и финиковыя деревья, спасительный бадьянъ освѣняли это тихое жилище, гдѣ несчастнѣйшій изъ опцевъ рѣшился умереть.

Прошло десять лѣтъ, а смерть, которую всякой день призывалъ Сулейманъ, не положила еще конца продолжительнымъ его спраданіямъ. Будучи изнуренъ лѣтами и горестію, единственное свое утѣшеніе находилъ онъ въ томъ, что бы нѣсколько часовъ сряду размышлять у памятника, грубо сооруженнаго имъ подлѣ пещеры; нѣсколько камней, сгромаженныхъ безъ всякаго искусства, представляли гробницу. Воздвигнувъ ее въ память незабвенной и нѣжно любимой дочери, несчастный опецъ только здѣсь

находилъ себѣ нѣкоторую опраду. Онъ воображалъ, будто дѣйствительно обладаетъ драгоценными остатками жертвы Фешара, плакалъ надъ этою пустою гробницею, которую трепещущія его руки украшали цвѣтами, разговаривалъ съ тѣною усопшей и чувствовалъ себя не столь злополучнымъ.

Однажды послѣ безпокойнаго сна, по близости своего жилища, Сулейманъ пробудился отъ страха. Слѣдующія слова вырвались у него: "Дочь моя, милая дочь! мнѣ казалось, что я видѣлъ тебя, ты пожимала мнѣ руку и получила роковый ударъ! Спрашный и милый образъ! ты не оставишь меня болѣе. Вошь уже десять лѣтъ, какъ я покинулъ мое опеченство, друзей, родныхъ и плодоносныя поля Темена; но кровавая пѣнь Эмиры всегда носится предо мною! Гнусный Фешаръ! въ какихъ мѣстахъ скрываешься ты отъ моего мщенія? Долго блуждалъ я въ степяхъ, что бы принести тебя въ жертву справедливаго моего гнѣва. Чудовище, извергнутое адомъ! возвратишься ли ты навсегда въ его бездны?"

Иди, злодѣй: пресшупленіе пвое и шамъ наведешъ ужась.,,

Потомъ, предавшись приятной мечтѣ, которая одна успокоивала мученіе его сердца, старикъ вскричалъ: “милая и несчастная Эмира! У меня нѣтъ другаго богатства въ мірѣ, кромѣ смертныхъ твоихъ остатковъ: я сохранилъ ихъ подъ симъ кладнымъ камнемъ; никакая власть человѣческая не можетъ лишить меня этого сокровища. Скоро, скоро — я чувствую это — бѣдный отецъ твой соединишься съ тобою въ лучшемъ мірѣ. Ахъ какъ медленно идетъ смерть! Любозная Эмира! она не слышитъ моего стона; вопли мои потрясають воздухъ, горестъ снѣдаетъ меня, и я не могу умереть! Какими прелестями и добродѣтелями природа надѣлила тебя. дочь моя! Едва исполнилось тебѣ четырнадцать лѣтъ, какъ ты во всемъ блескѣ молодости и красоты, погибла отъ желѣза злодѣя, подобно распустившемуся цвѣтку, незапно увядшему отъ зловоннаго дуновенія пустыннаго вѣтра! О возлюбленная дочь! сколько слезъ стоитъ мнѣ твоя потеря! Старый Отецъ твой благословляетъ тебя; ничего дру-

таго не жадаешъ онь, какъ шолько, что бы скорѣе соединить прахъ свой съ швоимъ. И, ты Богъ Омара, пронься моими слезами! Я потерялъ все, что привязывало меня къ жизни, все; опкрой же мнѣ скорѣе гробницу Эмиры!,,

Лишь только Сулейманъ сказалъ слова сіи, какъ послышался необыкновенный шумъ. Онь всматривается, подставляетъ ухо: шумъ приближается, и какое ужасное зрѣлище представилось его взорамъ! Несчастный, покрытый рубищемъ и изнуренный усталостію, медленно подходилъ къ его убужищу: онь опирался руками о скалы. Первое движеніе спарца было — сокрыпсья въ пещеру; но челоуѣколюбіе османавливаетъ его; онь хочешъ, онь долженъ помочь несчастному.—Приблжсья, незнакомецъ, сказалъ Сулейманъ. Не бойся ничего. Мнѣ извѣстно удовольствіе пособлять злополучнымъ.

Незнакомецъ. Челоуѣкъ великодушный! я изнемогаю... ноги мои всѣ въ язвахъ и обожжены налящимъ пескомъ.

Сулейманъ. Ободрись, незнакомецъ! Вошь мое жилище.

Незнакомецъ. Пять дней не вкушалъ я пищи.

Сулейманъ. (подавая ему воду и плоды). Возьми эти плоды... утоли жажду этою чистою водою.

Незнакомецъ. О гостеприимный и благодаршелейный старецъ! Ты спасешь мнѣ жизнь.

Сулейманъ. Какая странная судьба сдѣлала тебя столь несчастнымъ и привела въ мѣста сіи?

Незнакомецъ. Я бѣглець блуждающій; долго слѣдовалъ по теченію Евфрата, но удалясь отъ его береговъ, заблудился.

Сулейманъ. Скажи, какая причина заставляешь тебя скитаться?

Незнакомецъ. Я бѣгу отъ моихъ воспоминаній. Счастье, долго лаская меня, вдругъ оставило навсегда. У меня уже нѣтъ ни друзей, ни богатства, ни имущества: одинъ только образъ ... Ахъ, горестно, опчаяніе всюду будуще меня преслѣдовать!

Сулейманъ. Ты очень несчастливъ ... но я еще злопозачиѣ тебя. Прискорбіе мое улаждаешь мыслью, что могу сдѣлать тебѣ добро. Подобно мнѣ, у тебя нѣтъ ни родныхъ, ни опечества; останься же здѣсь и живи со мною подъ однимъ

кровомъ, раздѣли мои плоды: спанемъ съ-
шовашь и плакашь вмѣстѣ.

Незнакомецъ. О благодѣшель мой! какъ
прогаюшь меня твои предложенія! Но
увы! я не могу принять ихъ. Я долженъ
покориться своему жребію.

Сулейманъ. Какъ! я открываю тебѣ
мое сердце и благодѣніе мое тяготить
тебя! Ахъ! нѣтъ, нѣтъ, ты самъ будешь
моимъ благодѣтелемъ. Выслушай, незна-
комецъ! Я касаюсь предѣла пруднаго зем-
наго моего нупи; ты закроешь мнѣ гла-
за, положишь смертные мои остатки
въ эту гробницу, подлѣ пѣхъ, на кошо-
рые столько пролилъ я слезъ; каждый
день будешь украшашъ цвѣтами эшотъ
памятникъ. Небо вознаградишь тебя: оно
пошлетъ тебѣ другаго друга.

Незнакомецъ. Друга! Не могу болѣе
имѣть друга!

Сулейманъ. Что говоришь ты?

Незнакомецъ. Чшо не заслуживаю ни
малѣйшей жалости. Горестъ, которая
грызетъ мое сердце, не такова, какъ швоа.

Сулейманъ. Какъ?

Незнакомецъ. Ты всегда былъ добро-
дѣшелень?

Сулейманъ. Конечно.

Незнакомецъ. А я преспуникъ, злодѣй!
Угрызенія совѣсти перзають меня.

Сулейманъ. Говори, другъ мой; излей
въ грудь мою спраданія души твоей.

Незнакомецъ. Ахъ! чего ты пребуешь?
Подумай, что съ омерзѣніемъ будешь смо-
прѣшь на меня.

Сулейманъ. Раскаяніе все загладитъ.

Незнакомецъ. Ты хочешь этого? — и
вскорѣ сокроешься ошь меня, будешь про-
клинашь несчастнаго. Нѣтъ нужды! я
долженъ подвергнушься моей участи. И-
такъ слушай и не прерывай меня. Я ро-
дился въ приятныхъ окрестностяхъ го-
рода Санаа, гдѣ очень рано прославился
мужествомъ моимъ и нѣкоторыми под-
вигами. Опець мой со славою погибъ на
сраженіи: я опмстилъ его смерть. Онъ
оставилъ мнѣ множество рогатаго ско-
па, лошадей, оружія... я былъ богатъ и
не зналъ другаго удовольствія, кромѣ охо-
ты и войны; другой любви, кромѣ любви
къ быстрой и живой газеллѣ. Однако же
я путешествовалъ: прелестная дѣвица
поразила мои взоры. При взглядѣ на нея,
внезапная перемѣна сдѣлалась во всемъ

моемъ существѣ; неизвѣстный огонь пробѣжалъ по моимъ жиламъ; я лишился спокойствія, свободы! Предложилъ мое сердце эпой божественной красотѣ: она приняла меня холодно, почти съ презрѣніемъ. Я осмѣлился думать, что нѣжностію и постоянствомъ заставлю полюбить себя. Надежда поселилась въ спѣсненной моей душѣ; но что сдѣлалось со мною, Великій Боже! когда одинъ невольникъ увѣдомилъ меня, что я имѣю соперника! Я не хотѣлъ вѣрять; но сомнѣніе мое вскорѣ исчезло. Я убѣдился въ сей жестокой истинѣ, и раздраженная любовь требовала мщенія. Должно бы мнѣ было удалиться навсегда отъ предмета несчастной моей спрасни; но я не могъ рѣшиться на это. Сердце моей возлюбленной принадлежало другому, и я принялъ ужасное намѣреніе — умершвить его.

Сулейманъ. Возможно ли?

Незнакомецъ. Я умѣлъ удалить отъ нихъ всѣхъ тѣхъ, которые могли бы мнѣ воспрепятствовать въ исполненіи адскихъ моихъ намѣреній. Умершвивъ своего соперника, проникнулъ я въ шаперъ, гдѣ покоилась невинность.

Сулейманъ. Оканчивай скорѣ!

Незнакомецъ. Слабый лунный свѣтъ освѣщаль шаги мои. Съ ужасомъ пробудилась несчастная! Она отвергла мои предложенія, презрѣла мои угрозы... Скажешь ли мнѣ все? Наконецъ, наконецъ я пронзилъ кинжаломъ ея сердце!

Сулейманъ. Злодѣй! Какъ звали ее?

Незнакомецъ. Эмира.

Сулейманъ. А пы ...

Незнакомецъ. Фефтарь!

Сулейманъ. Чудовище! Ты видишь предъ собою ея отца! *(лишается чувствъ.)*

Фефтаръ. Ея отецъ! Куда бѣжать? Куда скрыться? Но эпонъ старецъ близокъ къ смерти; оставлю ли его безъ помощи? Онъ спасъ мнѣ жизнь. *(Фефтаръ беретъ изъ клюга воду и обливаетъ ею лице Сулеймана.)* Онъ приходишь въ себя. Уйдемъ...*(удаляется.)*

Сулейманъ. Остановись!

Фефтаръ. Чего пы опъ меня хочешь?

Сулейманъ. Такъ это пы, пы, копорый лишилъ меня болѣе, нежели жизни—пы, кошораго щещно искалъ я, что бы насыпишь мое мщеніе.

Фефтаръ. Довольно уже я наказанъ.

Угрызенія моея совѣсти, мое опчаяніе
опмстили мнѣ за тебя болѣе, нежели
самъ ты желалъ.

Сулейманъ. Нѣтъ, нѣтъ, вѣроломный!
Ты недостоинъ видѣть дневнаго свѣта!
Ты осквернишь землю!

Фефтаръ. Правда! Жизнь для меня
еще мучительная казнь, а смерть бу-
детъ благодѣніемъ. Но не уже ли ты
хочешь опмстить за преступленіе пре-
ступленіемъ? Ахъ, оставь лучше меня у-
жаснѣйшему моему жребію!

Сулейманъ. Нѣтъ, ты не уйдешь отъ
меня. Судьба привела тебя ко мнѣ: она
предаетъ тебя моему гнѣву; нѣтъ, ты
не скроешься уже отъ меня.

Фефтаръ. Такъ ты хочешь моей
крови?

Сулейманъ. Да: она должна быть про-
лита на гробницѣ моей дочери.

Фефтаръ (подходя къ гробницѣ). Какъ?
это ея гробница!

Сулейманъ. Остановись и не смѣй
ругаться надъ прахомъ Эмиры!

Фефтаръ. Нѣтъ, почтенный старецъ,
нѣтъ! Совѣсть шерзаетъ меня! Ты ви-
дишь мое состояніе ... я обожаю Эмиру.

Сулейманъ. Злодѣй!

Фефтаръ. Ты хочешь моей жизни, а я дамъ тебѣ жизнь за кровь ... Если небесное правосудіе пребуешь этого ...

Сулейманъ (*вынувъ кинжалъ*). Требуешь, и я исполню его опредѣленіе!

Фефтаръ (*ставъ на колѣни и обнаживъ грудь*). Рази!

Сулейманъ. О пѣнь моей дочери! прими жертву моего мщенія и пусть Аравія ... Аравія! но что скажешь она?

Фефтаръ. Не размышляй, а рази; вопль мое сердце!

Сулейманъ. Онъ умертвилъ дочь мою.

Фефтаръ. Отплати за нея.

Сулейманъ. Онъ испортилъ жизнь мою; онъ сдѣлалъ меня навѣкъ несчастнымъ! (*плачетъ*). Но заблудясь въ пусшынѣ, онъ пришелъ просить у меня убѣжища и я умерщвляю его! (*кинжалъ падаетъ изъ его рукъ*.)

Фефтаръ. Что дѣлаешь, Сулейманъ?

Сулейманъ. Гласъ, сильнѣйшій чувства мщенія, вопіешь мнѣ за себя. Бѣги, несчастный, и спрашись въспрѣшишься со мною.

Фефтаръ. Я хочу смерти.

Сулейманъ. Возьми это золото и со-
кройся.

Фефтаръ. Превосходный человекъ!
для чего щедишь ты вичовнаго?

Сулейманъ. Бѣги, говорю я. Не хочю
нарушитьъ священныхъ законовъ госпе-
пріимства. (*удаляется въ пещеру.*)

Фефтаръ. Ужасные законы! Пагубная
жалоспъ! Несносное бремя жизни! И это
золото! Мнѣ принять его? (*поднимаетъ
кинжалъ*). Вошь этошь даръ несравненно
для меня принятье! Сулейманъ! рука швоя
не хочешъ обогричься независною ше-
бъ кровію; такъ я самъ опмщу за себя
и за Эмиру. (*подготавлитъ къ гробницѣ*). —
Ишакъ здѣсь покоишся прахъ шой, копо-
рую сполько любилъ я и копорую ли-
шилъ жизни! Варваръ! какъ могъ ты о-
сквернишь себя споль ужаснымъ злодѣя-
ніемъ? Ни молодоспъ, ни красота, ни са-
мая невинноспъ, ничшо не могло тебя
пронуть; она была безъ всякой защиты
и ты поразилъ ее! Возможно ли, что бы
ты дошелъ до шакой степени изсшумле-
нія? Но не мечта ли все это? Нѣшь, нѣшь!
Вошь пещера Сулеймана! Вошь гробница
Эмиры! А этошь кинжалъ? И шакія пре-

лесни едѣлались ничтожнымъ прахомъ...
 ... эта рука, эта злодѣйская рука въ одно
 мгновеніе разрушила прекраснѣйшее твореніе
 природы ... Эмира! ахъ, если можешь
 ты внимать мнѣ изъ жимища мертвыхъ!
 Эмира! могильная пишица окружаетъ
 меня! Эмира.. Великій Пророкъ! что я ви-
 жу? *(читаетъ буквы, нагертанныя на
 тустой гробницѣ.)*

“Родивель мой! та, которая надѣя-
 лась долго, долго любить тебя, умираетъ
 во цвѣтѣ лѣтъ.,,

“Несчастный! мучительная, спрасть,
 ужасная ревность! *(еще читаетъ.)*

“Прощаю моему убійцѣ; пусть жи-
 веть Фейшаръ: собственная его совѣсть
 опмститъ ему за меня.,,

“Божественная дѣвица! ты проспи-
 ла меня! Такъ, долго и жестоко спрадалъ
 я; но этого еще недовольно: надобно, на-
 добно, прошиву воли твоей, опмститъ
 за тебя. Ты покоишься сномъ вѣчнымъ, без-
 мятежнымъ, а въ груди моей свирѣспиву-
 ешь весь адъ. Ты проспила меня, дражай-
 шая пѣнь! *(кладетъ руку на гробницу.)*
 Сердце твое, непорочное и нѣжное сердце,
 хладно какъ эшошь камень!. Ты проспи-

ла меня..но я не прощу себѣ. Та самая рука, которая лишила тебя жизни, прольешь и мою кровь на своемъ прахѣ. Да загладишь она мое преслушаніе! Эмира простила меня *)! *(поражаетъ себя кинжаломъ.)*

Сулейманъ (выходитъ изъ пещеры).
Что я вижу! Онъ умираетъ! Этошъ кинжалъ ...

Фефтаръ. Опмспилъ за Эмиру...жизнь для меня несносна: съ радоснію оспавляю ее ... Прости, Сулейманъ! Я лишилъ тебя дочери; но она простила меня. *(Указываетъ на буквы, нагертанныя на гробницѣ и испускаетъ послѣдній вздохъ.)*

Б. X.

~~~~~

*) Но не простишь небесное правосудіе, раздраженное новымъ злодѣніемъ. Самоубійцы, въ припадкѣ безумія ослѣпляющаго ихъ, забываютъ, что есть будущая жизнь и что совѣсть также безсмертна, какъ и душа.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Бейронъ.

Прозрѣвши сердце челоуѣковъ,
 Волшебникъ думъ, Британіи пѣвецъ,
 Бейронъ—сталъ за свободу Грековъ;
 Но смершью ошлученъ, оплаканъ какъ о-
 щецъ
 Отчизною Ахилла и Омира,
 Къ своей Британіи пришекъ чрезъ бездны
 волнъ;
 Ей шѣломъ возвращенъ, въ Еладѣ сердцемъ
 онъ —
 И всѣмъ странамъ его блистаетъ лира.

Б. Федоровъ.

~~~~~

Алинѣ.

По слугаю пропажи портрета ея. *)

Царица Павоса, гордясь красой своею,
 Въ собраніи богинь не разъ хвалилась ею.
 Богини-женщины, Алина, можполь имъ
 Такое оскорбленье

---

*) Піеса сія напечатана съ невѣрнаго списка въ Январской книжкѣ *Новостей Литтературы*, на сей 1826 годъ. *Прим. Сог.*

Оставишь безъ отмщенья?

Никакъ! и мстителимъ своимъ

Безсмертныя избрали

Нельстивый швой поршреть:

За нимъ Меркурія послали.

Онъ, невидимкою елешя въ швой кабинетъ,

Унесъ швое изображенье. -

Узря его, соборъ боговъ, ошъ восхищенья

Разиня ропъ стоялъ.

Венеру Зевсъ признавъ, съ упрекомъ ей ска-
заль:

“Напрасно, дочь моя, гордилась ты собою,

Мечная всѣхъ заиммишь своею красотою,

Когда и смертная тебя ей превзошла!

Но что бы ты и впредь забыться не мог-
ла,

Поршреть ей пусть швой черпюги укра-
шаетъ,

И о смиреніи тебѣ напоминаетъ.,,

1824.

М — лѣ Яковлевъ.

Басни.

1. Чай и Шалфей.

Дорогой Чай съ Шалфеемъ повстрѣча-
лись

И разболтались.

“Куда везуть тебя?», спросилъ Шалфей Чай.

— Да изъ Москвы въ Китай.

А ты куда изволишь отпрапляешься? —

“Въ Россію ѣду отпрапляюсь.

Скажи: что дѣлають въ Китай изъ тебя?»,

— Какъ что? Тамъ пьють ме-
ня.—

“Вошь чудеса какія!

Тебя въ Китай пьють?

Да изъ Китая - то меня въ Москву везуть,
И чаю требуютъ всѣхъ болѣе Россія!»,

*

Ахъ! право чудень бѣлый свѣтъ!

Нельзя всему довольно удивиться

Что есть у насъ, намъ не годишься,

А дай того, чего здѣсь нѣтъ.

2. Бѣдная Лилея.

Въ горшечкѣ мраморномъ Лилея на окнѣ
Гордилася своею красою

И думала сама съ собою:

“Ну право нѣшъ подобной мнѣ,
 Когда вчера самой Лизетъ
 Меня Лариса не дала,

А не дорожелъ ей она всего на свѣшъ?,
 (Лизета другъ ея была.)

Но вотъ Лариса прибѣгаетъ:
 Лилею ухвативъ съ окна,

На кустъ шиповника бѣдняжечку она
 Въ цвѣточной лавочкѣ мѣняетъ. —

“Ужъ лучшебъ ты меня Лизетъ ошдала:
 Она тебя вчера просила.,,

—Вчера?— съ шобой распашься не мо-
 гла;

Я шакъ тебя любила!—

Ну, чемъ же я сегодня прогнѣвила?,

—Ничемъ, а скучно мнѣ

Имѣть тебя все на окнѣ. —

*

Довольно женскія достоинства здѣсь видны,
 Но только незавидны!

Друзья џ насъ

Калифъ на тасъ *)...

Однакожь у иныхъ прошу я извиненья:

Нѣшъ правила безъ исключенья.

М. Даргомыжская.

~~~~~

*) Стишки потести хороши и скоро войдушъ въ пе-
 оловицу. (vers proverbes). Изд.

Князю Н. А. Цертелеву,

По слугаю согиняемой илѣ Исторіи Рус-
ской Словесности.

Цертелевъ! славный прудъ швоихъ усилій
ждеть:
Въ заслугахъ Русскихъ Музъ — попомощву
дашь опчешъ.
Но ты не избѣжишь враговъ и порицанья,
Поклонникъ испины и чпитель дарованья!
Не оскорбляйся шемъ: завистники ума
Тьмой кришикъ зашумяшъ; но судъ ихъ
скроешь шьма!
Трудъ, избранный шобой, опечешву поле-
зень—
А къ славъ путь прямой всегда шерниспъ
и шѣсень.

Б. Федоровъ.

~~~~~

На заданныя слова: Сиріусъ—Лордъ
Бепронъ—Бавій—Баллада—Минер-
ва—Москва—концертъ—стерлядь—
ананасъ.

Нѣтъ, нѣтъ, я признаюсь, чрезмѣрно мудре-
ны
Слова, что вами мнѣ шрешьягодни даны.

Коль сдѣлаюсь больна, вы будете виною:
 Васъ совѣсть упрекнешь тогда передо мною.
 Конечно намъ смѣшно, но право не солгу,
 Что прешью уже ночь заснуть я не могу.
 Все шихо вокругъ меня — нѣтъ мнѣ оцъ
 словъ покою—

Лишь *Сиріусъ* одинъ бесѣдуетъ со мною.
 Но не поможетъ мнѣ его пріяшней свѣтъ.
Лордъ Байронъ на сполѣ, и въ шомъ отпра-
 ды нѣтъ!

Приводить онъ меня собою въ восхищенье;
 Но что же въ эпомъ мнѣ? Какое унѣшенье!
 Ужь не себя ли мнѣ, о *Бавій!* попросить:
 Съ тобою, кажется, мы дружны можемъ
 бытъ.

Спишокъ я напишу, поищешь ты другаго—
 Лишь смысла-шо у насъ не будетъ никако-
 го,

Но это не бѣда! Что пужды до того?
 У многихъ рюмачей не болѣ моего.
 Въ смященіи моемъ я очень буду рада,
 Чтобъ вышло что нибудь—не славная *Бал-*
лада.

Минерва! оцни ты благослѣю своей,
 Авось придетъ мнѣ мысль при помощи шво-
 ей.

Была ты нѣкогда въ великомъ уваженьи;
 Но разлюбивши свѣтъ, находишься въ заб-
 веньи

И можешь швой совѣтъ казаться спрагень
 намъ.

Но сжался, помоги шеперь моимъ стихамъ
 Вошь ꙗкже и въ *Москвѣ*, бывало мы за-
 мою

Сидя у комелька вечернею порою,
 Другъ другу задвемъ шарады и слова,
 Коль очень заболитъ опть думы голова,
 Тогда занятія имѣли мы другія:
Концертъ играть начнемъ—шамъ въ фаншмъ
 дорогія..

О юность милая! куда дѣвалась ты?
 Не зрѣшь ужъ болѣе твоей мнѣ красоты!
 Однакожь о тебѣ я помню безъ ропшанья:
 Все счастье со мной — лишь нѣшь очаро-
 ванья *).

Читатель! ксшати здѣсь подумай о себѣ,
 А я ужъ, кажется, наскучида тебѣ;
 Довольно мнѣ болшашъ — а вамъ довольно
 слушашъ:

Пробило три часа; пойдѣмъ-ше *стерлядь* ку-
 шашъ.—

И послѣ этихъ словъ должна признашся я,
 Что сочинять прошла охота у меня.
 Не знавъ Поэзіи, пишашъ я вижу шрудно,
 А словъ у васъ просишь ужасно безразсудно.
 Теперъ хотъ дайше вы мнѣ цѣлый *ананасъ*
 И слышашъ не хочу о имени *Парнасъ*.

М. Даргомыжская.

~~~~~

*) Удачный, памятный стихъ (vers à retenir) Прим.
 Изд.

О НОВЫХЪ КНИГАХЪ .

5. *Драматическій альбомъ для любителей театра и музыки на 1826 годъ.* Изданный А. Писаревымъ и А. Верстовскимъ. Москва. Въ Типографіи Императорскаго Московскаго Театра, у Содержателя А. Похорскаго. Книжка первая въ 16 ю долю, 376 стр. Съ липографированною виньешкою, представляющею Петровскій театръ, и съ шестью липографированными портретами артистовъ, принадлежащихъ къ тому же театру, а именно: Гг. Мочалова, Щенкина, Львовой - Синецкой, Сабурова, Гюлень-Соръ и Сабуровой. Книжка вторая, въ 8 ю долю, 26 стр. съ нотами для куплетовъ изъ разныхъ Оперъ-Водевиль, сочиненныхъ М. А. Дмипріевымъ, М. Н. Загоскинымъ и А. Писаревымъ, а положенныхъ на музыку Графомъ М. Ю. Віельгорскимъ, А. А. Алябьевымъ, Ф. Е. Шольцомъ и А. Вершовскимъ.

Оглавленіе первой книжки: I. Разговоръ одного изъ издательей *Драматическаго Альбома* съ будущимъ читателемъ онаго (А. П.).

II. Изъ Есхиловой Трагедіи: *Агамемнонъ*. (А. Ѳ. Мерзлякова) III. Изъ Комедіи: *Урокъ старикамъ* (Ѳ. Ѳ. Кокошкина.) IV. Изъ Волшебной Трилогіи: *Финъ* (Кн. А. А. Шаховскаго). V. Изъ Комедіи: *Свѣтской служай* (Н. И. Хмельницкаго). VI. Изъ Водевиля: *Хлопотунъ, или дѣло мастера боится* (А. П.). VII. О качествахъ, необходимыхъ для драматическаго артиста... (а...л...ъ...аго).—Рекомендуемъ эту шапью молодымъ и благонамѣреннымъ нашимъ драматическимъ артистамъ. VIII. Изъ Комедіи: *Чванство Тронжириня* (Кн. А. А. Шаховскаго). IX. Изъ Комедіи: *Благородный Театръ* (М. Н. З.). X. Изъ Водевиля: *Фениксъ, или утро журналиста* (Кн. А. А. Шаховскаго). XI. Изъ Трагедіи: *Марія Стюартъ* (Н. Ф. Павлова). XII. Опрывки изъ исторіи Драматической музыки (А. Вершовскаго). XIII. *Выкупъ Барда, или сила пѣснопѣнія*, Драматическая картина (М. А. Дмитриева). XIV. Изъ Комедіи: *Школа женщинъ* (Н. И. Хмельницкаго). XV. Изъ Водевиля: *Тридцать тысячъ словѣкъ, или находка хуже потери* (А. Писарева). XVI. Изъ Комедіи: *Егоизмъ и Филантропія* (М. М. Карпиолина Пинскаго). XVII. Изъ Трагедіи: *Орестъ* (Альфieri). XVIII. Изъ Водевиля: *Встрѣта дилижансовъ* (А. П.). XIX. Изъ Трагедіи: *Андромыха* (Н. Ф. Павлова.). XX. Нѣсколько сценъ въ кандитерской лавкѣ, прологъ Комедіи: *Христофоръ*

Колумбъ (А. Писарева), XXI. Театральные анекдоты. (Жаль, что ихъ мало: только одиннадцать.)

Желательно, что бы ежегодно выходили у насъ такіе хорошіе драматическіе алмахи, каковы: *Русская Талія* Г. Булгарина и *Драматическій Альбомъ* Гг. Писарева и Верстовскаго. Въ послѣднемъ изъ прагическихъ опривковъ особенно понравились намъ переводы: изъ Есхила почтеннаго нашего Теоретика и Поэта А. Ѳ. Мерзлякова и неизвѣстнаго, изъ Алфіери, а изъ комическихъ (кроме піесъ, видѣнныхъ уже нами на здѣшнемъ театрѣ, но еще неизданныхъ) помещенные подъ слѣдующими нумерами: III, V, IX, XVI и XX.

Не понравились же намъ въ *Драматическомъ Альбомѣ* двѣ вещи. *Во первыхъ* неумѣстная и плоская насмѣшка надъ форматомъ Русской Таліи. — «Форматъ (Драм. Альб.) хорошъ и лучше формата Таліи, которая огромностію своею болѣе похожа на лексиконъ, нежели на карманный подарокъ, и вѣрно не помѣстится даже въ карманъ лихонлица, или въ ридикюль эконолки.,» (стр. 5). — Если Талія похожа форматомъ на лексиконъ, то вѣрно на карманный, который также можетъ быть малъ, какъ и алмахи, и легко умѣстится во всякомъ карманѣ и ридикюль. — *Восторыхъ* слѣдующій анекдотъ, въ справедливо-

ещи котораго имѣемъ причину сомнѣваться. — “Представленіе безсмертной *Аббды* нашего *Аристофана* - Каиниста такъ поразило купца, почти разореннаго дѣломъ въ Гражданской Палатѣ, что онъ вскричалъ въ концѣ піесы: “Ну вошь! эпихъ опдали въ Уголовную Палату! Чемъ же буду я дарить новыхъ судей?,, — Издавайше журналъ, сказалъ ему сосѣдъ. — “Эхъ батюшка! да я плохо грамоту знаю,, — Нужды нѣтъ, не вы первые, не вы послѣдніе. — “Но кажется не было еще журналистовъ изъ купечества!,, — Пустое:

Когда издатели бываютъ торгашами,
Зачемъ же торгашу издателемъ не быть? —

Остро! Ну какъ не похвалить!

Почему же не прудишься издателямъ для своихъ выгодъ и не издавать журнала купцу, если онъ имѣешь нужныя къ тому способности и свѣденія? Благодаря нынѣшнему просвѣщенію, многіе изъ почтеннаго купческаго сословія пишутъ лучше, нежели иные дворяне. Вспомнимъ, что одинъ изъ лучшихъ нашихъ ученыхъ и Поэтовъ, именно *Ломоносовъ*, былъ крещянинъ рыбака.

6. *Календарь Музъ на 1826 годъ, изданный А. Измайловымъ и П. Яковлевымъ.*
С. п. б., въ тип. А. Смирдина, 1826 года, въ 16 ю долю, 180 и 160 стран.
Съ грав. заглавнымъ листкомъ.

Эпопъ алманахъ имѣеть два отдѣленія: въ первомъ помѣщена проза, въ послѣднемъ стихотворенія. Прозаическія піесы суть слѣдующія: 1) О повѣйшихъ словахъ и выраженіяхъ, изобрѣшенныхъ Россійскими поэтами въ 1826 году. 2) Что скажешь? 3) Вблизи - издали. 4) Екашериненпальскій садъ и церковь Св. Николая въ Ревель. 5) Пяшь писемъ (къ пяти днѣмъ изъ моего Прапорщичьяго Журнала 1815). 6) Поѣздка въ Вяшку. Стихотворенія болѣе, или менѣе извѣстныхъ поэтовъ, какъ то: Григорьева, Даргомыжской, Измайлова (самаго издашеля) Кудряшева, Лардем., Ободовскаго, Панаева: Рындовскаго, Сушкова, Чеславскаго, Шкляревскаго, Языкова, Федорова и многихъ другихъ. Г. Булгаринъ, по благосклонности своей къ издашелямъ *Календаря Музъ*, сказалъ объ эпопъ карманной книжкѣ въ 6 № *Сѣверной Пчелы*:

Ну, словомъ: алманахъ

Хорошъ и въ прозѣ и въ стихахъ!

А вотъ что самъ издашешь написалъ къ своему приятелю *отъ искренней души*:

Тутъ въ прозѣ, кажешся, пѣски хороши,
И есть хорошия весьма стихопоренья —
Не всё ... кто безъ грѣховъ?
И образковыя теоренья
Не безъ плохихъ стиховъ!

Календарь *музб* продается въ С. п. бургѣ у А. Ф. Смирдина, а въ Москвѣ у А. С. Ширяева. Цѣна 10 р. Иногородные прилагають за пересылку 25 к. серебромъ.

7. *Аббатъ, или нѣкоторыя герты жизни Маріи Стюартъ, Королевы Шотландской. Сочиненіе Сира Валтера Скотта. Въ четырехъ частяхъ. Переводъ съ Англицкаго. С. п. б. Въ типографіи Императорскихъ Театровъ. 1825. Въ 8 ку. Въ первой части 177, во второй 184, въ третьей 190 и въ четвертой 219 стран.*

Одинъ изъ лучшихъ романовъ самаго лучшаго, если не перваго Романиста-историческаго, такъ сказать Живописца Шотландца, который вѣрно и мастерски пишетъ съ натуры. Странно только, почему Сочинитель назвалъ эиотъ романъ *Аббатомъ*,

когда настоящимъ герой романа есть не Аббапъ, а молодой сирота Роландъ. Здѣсь, какъ и въ прочихъ сочиненіяхъ знаменитаго Вальтера Скотта, читатели найдутъ много оригинальныхъ характеровъ. Особенно замѣчательны и хорошо выдержаны характеры пылкаго и благороднаго Роланда, остроумной, чувствительной и несчастной Королевы Маріи Стюартъ, и проказницы ея фрейлины Катерины Сейтонъ. Переводъ очень не дуренъ. Въ доказательство выпишемъ два любопытные отрывка: избраніе Аббата во время притѣсненія Католиковъ въ Шотландіи и описаніе передней, или приемной Регента Лорда Муррау.

“Прежде это было однимъ изъ торжествъ, наиболѣе достойныхъ уваженія у правовѣрныхъ. Время, въ которое мѣсто Аббата оставалось незанятымъ, почиталось временемъ печали, или, какъ выражались монахи, временемъ вдовства; отголоски скорби перемѣнялись въ пѣсни радости и удовольствія, когда избирался новый глава. Лишь только отворядись церковныя двери и показывался новый Аббапъ съ митрою на головѣ, съ посохомъ Епископскимъ въ рукахъ, облеченный во всѣ ризы первосвященника, предшествуемый шлопою церков-

никовъ *) съ кадилницами, и послѣдуемый соборомъ монаховъ своихъ, однимъ словомъ: окруженный всею, означающимъ санъ, въ который посвящали его—подавали знакъ къ игрѣ на органахъ, изливались торжественные звуки *Te deum*, на которые **) все собраніе опивчало гласомъ радости и восхищенія. Нынѣ, какая *разница* ***)! Семь, или восемь спарцовъ, согбенныхъ подъ бременемъ лѣтъ, которые съ трепетомъ носили облаченіе ордена своего, вели къ олшарю начальника, ими избраннаго, дабы признашь его шаковымъ среди мрачныхъ сихъ развалинъ, подобно шолпъ заблудившихся *пустынниковъ* ****), избирающихъ себѣ главу среди песковъ степей Аравійскихъ, или плавашелей, заброшенныхъ вѣтромъ на мѣсто, для нихъ неизвѣстное, назначающихъ себѣ пушеводителя., — (Часъ II, стр. 14 и 15.)

*) Не правильнѣ ли: *церковнослужителей?*

**) Выше за двѣ строки было уже слово: *который* и будетъ ниже черезъ двѣ строки въ слѣдующемъ періодѣ. Ужь лучше бы поставивъ здѣсь хохъ: *кои*.

***) Лучше бы: *разность*; слово: *разница*, нѣсколько низко для шакого возвышеннаго описанія.

****) Не *путниковъ* ли? вмѣсто *пустынниковъ*.

“Въ самомъ дѣлѣ зрѣлице сіе было совершенно незнакомо. Роланду. *Вѣ* *) первый разъ въ жизнь еще видѣлъ онъ приходящую дворца, черезъ копорую проходили толпами все новыя и новыя лица; одни съ видомъ радостнымъ и довольнымъ, другіе съ думою на челѣ и занятыя важными дѣлами. Здѣсь стоялъ человекъ государственный — — — — — съ гордымъ видомъ, но въ случаѣ нужды готовый ползати предъ всякимъ, кто его сильнѣе; тамъ — воинъ, покрытый буйволовою кожею, съ большою саблею при бедрѣ, съ поднятымъ усомъ и нахмуренными бровами; далѣе — услужливый придворный, котораго сердце исполнено гордости — — — — —
 — — — — —
 — — — — —
 — — — — — Подлѣ него — покорный проситель съ безпокойнымъ взглядомъ и боязливою пошупью — — — — —
 — — — — — надмѣнный Пропешантскій Баронъ, *который* ищетъ случая завладѣти церковнымъ имѣніемъ — — — — —

*) Къ чему здѣсь *вѣ*, когда черезъ два слова будетъ эпитетъ же самый предлогъ?

— — — — — *) . Посреди сей разнообразной толпы ходила справа, безпрестанно приѣзжали и отправлялись гонцы. Въ дворца слышно было ржаніе коней, звукъ оружія; *однимъ* **) словомъ блистательное зрѣлище сіе представляло молодымъ людямъ *одну* только пышность и великолѣпіе; престарѣлые же видѣли въ ономъ гордость и коварство, обманушыя надежды, лживыя обѣщанія, надмѣнность сокрытую подъ личиною покорности, и дерзость подъ чертами искренности и великодушія., — (Ч. II. стран. 102—104)

Еще самая маленькая выписка: “Благодарные служители должны имѣть глаза и уши, но не языкъ., (Ч. I, стр. 88.) Это изрѣченіе годится не для однихъ служителей и заслуживаетъ сдѣлаться пословицей.

На 64 страницѣ III часпи узнаемъ, что

*) Въ четырехъ мѣстахъ три раза употреблено слово; *который*. Можно бы замѣнить это мѣстоименіе причастіями, на примѣръ: *желающій* получить *пришедшій* и т. п.

**) *Однимъ, одну* — или то, или другое слово надобно исключить: смыслъ ничего не поперяешь.

во время Королевы Марии Стюартъ, когда не были еще изобрѣшены для призыва служителей колокольчики, знатныя дамы употребляли — *серебряные свистки*.

Повторимъ, что переводъ этой занимательной книги, несмотря на нѣкоторыя въ ономъ неисправности и небрежности, очень не дуренъ. Есть мѣстами галлицизмы, напримѣръ: “женщина сія кажется *слишкомъ* стара, *чтобъ* быть его матерью.,” (Ч. I. стр. 18.) Порусски надлежало бы сказать: “женщина сія кажется *такъ* стара, что не можешь быть ему матерью. И для чего сія, когда это говоришь горничная? У насъ въ простомъ разговорномъ слогѣ слова: *сей, сія, сіе*, никогда почти не употребляются, кромѣ *сей такъ, сію минуту*, а здѣсь въ другомъ мѣстѣ (стр. 60) горничная же говоришь: *посему*. Встрѣчаются также въ разговорѣ слова, употребительныя только въ сочиненіяхъ возвышеннаго рода, или въ канцелярскомъ слогѣ, напр. “колдунья, *каковою* вся деревня теперь ее почитаетъ.,” (Ч. I. стр. 27.) — “Значишь лишишь себя спокойствія, *сдѣлать* несчастною.,” (стр. 37.) Почему не просто: *какою, сдѣлать*? — Есть ошибки противъ плавности отъ спеченія гласныхъ и согласныхъ буквъ: “*глядя на его*.,” (Ч. I. стр. 141.) — “*мнѣ нечего бояться*.,” (111—56.) — *сб* своего

поспа,, (тамже стр. 82.) Должно бы ска-
зашь: глядл на него — нечего мнѣ бояшсья—
со своего поспа. Многие наши словесники
забываютъ мѣлочное, но довольно важное
правило, что предлоги: *сѣ* и *вѣ*, если слѣ-
дуешь за ними слово, начинающееся двумя
согласными, измѣняютъ букву *ѣ* на *о*.—Нѣ-
которыя слова употреблены не въ настоя-
щемъ значеніи, напр. красивый *ростѣ* (II—
до) вмѣсто красивый *станѣ*, или *талія*, къ
которымъ лучше идешь прилагательное
стройный, нежели *красивый*.— “Пчела изго-
няетъ изъ своего улія (улья) бесполезное
жургало (IV, 187). Что это за слово? Вѣр-
но областное, означающее прущня, или
шмеля.—Мы не вошли бы въ такія мѣлоч-
ныя подробности, еслибъ не надѣялись, что
скромныя и благонамѣренныя замѣчанія на-
ши могутъ быть полезны молодымъ пере-
водчикамъ.

Аббатѣ, или *нѣкоторыя терты жизни*
Маріи Стцартѣ, продается какъ здѣсь, такъ
и въ Москвѣ, во всѣхъ книжныхъ лавкахъ
по 10 р. за всѣ чешыре часши, *Иногород-*
ныя плашашь за три фунта.

3. *Письма Морского Офицера, служащія дополненіемъ къ Запискамъ Морскаго Офицера. Часть первая. Напечатано по Высочайшему повелѣнію. Съ гравированнымъ заглавнымъ листомъ, на которомъ изображенъ видъ Неаполя. Москва. 1825. въ большую 8 ку, XIV и 267 стран. *)*

Оглавленіе: *Кронштадтъ. Плаваніе Балтійскимъ моремъ. Копенгагенъ. На пути въ Портсмутъ. Портсмутъ. Плаваніе Западнымъ Океаномъ. Плаваніе Средиземнымъ моремъ. Корфа—сравненіе Англіи съ Греціею—маскерадъ на площади—театръ. Корфа—Кавальшино—описаніе укрѣпленій—развалины древней Корциры—одежда Корфіошовъ—обычай отдавать церкви на откупъ. Островъ Цефалонія—заливъ Аргосполи—климатъ и произведенія Цефалоніи и другихъ Юзическихъ острововъ—*

*) Цѣна за двѣ части 15 р. Подписка на послѣднюю вторую часть, оканчивающуюся уже тишеишемъ, принимается здѣсь въ С. п. буртъ у книгопродавцевъ А. Ф. Смирдина и И. В. Сленина. На пересылку прилагается за три фунта.

подземные гроты, изрытые водою. *Корфа* — барнавальные увеселенія — содержаніе одного балеша — Адмиралтейство въ Гуви — особенный способъ говорить проповѣди. *Исторія Корфы отъ героическихъ временъ до XII столѣтія. Плаваніе Адриатическимъ моремъ — Генералъ Шпренгпортенъ — Триэстскій карантинъ — отважный Албанецъ. Корфа — праздникъ Пасхи — доходы острова — Сенатъ Республики. На пути къ Триэсту — отношенія Корфіопскихъ дворянъ къ земледѣльцамъ. Триэстъ — торгъ черепахами — Ивановъ день — спроектъ купеческихъ кораблей — Казины — терпимость вѣръ — казармы — бапарей — картина, представляющая Императора ПАВЛА I и Костюшку — опера. Адриатическое море — морскіе разбойники — Корфа — лѣтніе жары. На пути въ Неаполь — видъ Калабріи и Сициліи — Мессинскій проливъ — изверженіе Стромболи. Неаполь — живописное положеніе города — Королекскій дворецъ — театръ Санъ Карло и другія зданія — неудобства гавани — укрѣпленія Неаполя — многолюдство — нѣкоторыя обычаи народа. Путцоліи — описаніе окрестностей столицы: Павзипскій гротъ — видъ съ горы — монументъ Тиверія — мостъ Калигулы — новая гора, возникшая изъ озера Лукрино — Сибиллины бани — Нероновы бани — древніе храмы Діаны, Меркурія, Венеры — амфишестръ — храмъ Юпитера Серапійскаго.*

Неаполь—праздникъ Грошской Богородицы—балъ у Министра—Кардиналь Руффо. *Иезуиты во время изверженія. Кастель а Марс*—Генераль Графъ Дамасъ. *Неаполь*—церковь Св. Януарія — Картезианскій монастырь—Страшный судъ, Мишель Анжело—Св. Петръ въ пемницѣ, Рафаеля. *Мальта*—видъ города—церковь Иоанна Иерусалимскаго—покореніе острова Наполеономъ—замѣчательный способъ ловить перелетныхъ птицъ. *Агоста*—изглядъ на городъ и положеніе рейды—способъ добыванія соли. *Крѣпость Брукцла*. *Агоста*—приятныя знакомства — Капуцинскій монастырь. *Море*—бѣдствіе. *Сиракузы*—развалины. *Мессина*. *Въ крейсерахъ у Іенци*. *Неаполь*—выступленіе союзныхъ войскъ въ походъ—*Портичи и Геркуланъ*. *Вайя*—описание порша—гробница Агриппины—спло подземныхъ комнашь — удивительный прудъ—Елисейскія поля—Салфатаря—огненные поля—Аньянское озеро—собачій гротъ—Аспруни. *Гаета* — Принць Гессенъ—(Филипспальскій. *Озеро Футзаро*—превосходныя устрицы. *Поллеанъ* — Нѣсколько замѣчаній о характерѣ и обычаяхъ народа — занятіе столицы Французами.

Изъ сего подробнаго объявленія можно видѣшь, сколь занимательны предметы, о-

писываемые въ письмахъ своихъ, или въ журналъ *Морскій Офицерскій*, покойнымъ Н. В. Коробкою, другомъ почтеннаго Сочинителя *Записокъ Морскаго Офицера* В. Б. Броневскаго, который при редакціи сихъ писемъ сдѣлалъ многа прибавленія и перемѣны, стараясь по возможности сохранить и удержать его мысли и разсказъ. Вышь что говоритъ одинъ кришикъ о семъ сочиненіи: “Въ сей книгѣ описывается только то, чего нѣтъ въ *Запискахъ Морскаго Офицера*, слѣдовательно оба сочиненія, описывающія одну компанію, должны составить одно цѣлое твореніе: кто читалъ первое, тотъ непременно долженъ прочесть послѣднее. Книга сія занимательна для всѣхъ родовъ читателей, и мы увѣрены, что она, имѣя одинаковое достоинство съ *Записками Морскаго Офицера*, будетъ имѣть равный съ ними успѣхъ.,” (*Сѣверная Пчела*, 1826, № 9). А другой: “вообще *Записки* Г. Коробки уступаютъ въ занимательности *запискамъ* Г. Броневскаго.,” (*Московскій Телеграфъ* 1826, № I, стран. 100.) Не смѣемъ еще произнести рѣшительно своего мнѣнія на это съчетъ, пока не прочтемъ со вниманіемъ вѣторой послѣдней части, а теперь повторимъ съ Рецензентомъ *Сѣверной Пчелы*, что какъ *Записки Морскаго Офицера*, такъ и *Письма Морскаго Офицера*, принадлежатъ

въ небольшому числу самыхъ любопытнѣйшихъ книгъ, изданныхъ на отечественномъ языкѣ въ первую четверть текущаго столѣтїя. Рецензентъ М. Т. говоритъ, что любопытны описанїя Корфу, Неаполя и отчасти Сициліи. А намъ кажутся любопытны также и описанїя окрестностей Неаполя, которыя занимають довольно мѣста въ книгѣ.

При извѣщенїи о хорошихъ, любопытныхъ, изданныхъ на отечественномъ языкѣ книгахъ, особенно о путешествїяхъ, не возможно почти обойтись безъ выписокъ, которыя лучше всего дають понятїе какъ о содержанїи, такъ и о слогѣ книги.

“Мы молодые люди ищемъ оныхъ (приключенїй) иногда неосторожно, часто ошибаемся, часто раскаиваемся; но при первомъ случаѣ снова ищемъ, прашимъ деньги и здоровье, сожалѣемъ и снова шемъ же начинаемъ. Въ двадцать лѣтъ пламенное воображенїе юноши облагороживаешь всякій предметъ, всякое почти намѣренїе; и сколько опасность ни очевидна, мы тогда только оную замѣчаемъ, когда уже бѣды избѣжать не возможно. Счастливь, счастливь, кому благоразумный другъ подасть добрый совѣтъ, или собственная похвалъ-

ная застенчивость предупредить печальныя
 ольдствія неопытности.,, (стран. 7)

“Въ Англіи всѣ вещи чрезмѣрно доро-
 ги; здѣсь напримѣръ, сукно дороже про-
 даешся, нежели у насъ въ Россіи. Всемир-
 ная торговля доставляетъ трудолюбивому
 классу народа изобиліе — — — — —
 — — — — —
 — — — — —
 — — — — —
 — — — — — — — — — — промышлен-
 ность достигла высочайшей степени у-
 шонченія. Англиискій народъ, кажется,
 только способенъ къ полезнымъ занятіямъ;
 ни одинъ ремесленникъ не унизишь се-
 бя какимъ нибудь шутовствомъ ничтож-
 нымъ. Фокусники Парижскихъ бульваровъ
 заслужили бы здѣсь одно презрѣніе и ни-
 кого бы не заставили удивляться сво-
 ему шарлатанству. Впрочемъ Англиискій
 художникъ не пренебрегаетъ никакимъ
 трудомъ и изъ всего старается извлечь
 деньги. Недавно одинъ гражданинъ Порш-
 смутскій получилъ привилегію на исстреб-
 леніе мышей. Бывши въ Адмиралшествѣ,
 я видѣлъ, какъ онъ вывелъ изъ корабля
 не одну тысячу сихъ вредныхъ животи-
 нныхъ. Вошъ какимъ образомъ онъ дѣлалъ
 сію операцію:

“На днѣ прюма разгруженнаго корабля поставилъ онъ нѣсколько жаровень съ разкаленнымъ угольемъ, на которое посыпалъ какой-то порошокъ, составленный изъ разныхъ спецій и правъ Мыши, какъ бы привлеченныя приятнымъ для нихъ запахомъ, все вышли изъ своихъ норъ и окружили курильницы. Сначала онѣ бѣгли отъ него, когда онъ приближался къ жаровнѣ, а потомъ несмотря, что онъ билъ розгами по небольшому шамбурипу, не трогались почти съ мѣста и не боялись его присутствія. Послѣ сего, заливъ огонь въ курильницахъ и зажегши два факела, составленные изъ тѣхъ же правъ, онъ вывелъ за собою всѣхъ мышей по доскѣ на берегъ и безъ малѣйшаго затрудненія собравъ ихъ въ приуготовленную яму, побилъ и повезъ домой, что бы выварить изъ нихъ сало.,,
(стр. 27 и 28)

“Недавно пришло сюда (въ Триэсть) небольшое Турецкое судно съ 24.000 земляныхъ черепахъ: счастливый Турокъ, покупая оныя (не проще ли бы: ихъ?) въ Албаніи по копѣйкѣ, въ пять дней все здѣсь распродалъ, взявъ за каждую по 34 коп. Предшественникъ его симъ ничтожнымъ торгомъ составилъ капиталъ въ миллионъ червонцевъ, и теперь вмѣсто своей лодки, построилъ

корветъ, на кормѣ кой *) поставилъ чистаго золотѣ въ настоящую величину черепаху. (Стран. 101.)

9. *Повѣсти, посвященныя дѣтямъ Франціи; сот. Г. Бульи, Члена многихъ ученыхъ и литературныхъ Обществъ. Съ 17 ю картинами (т. е. гравированными каршинками). Переводъ съ Французскаго А. Пеше. Москва, въ тип. Авг. Семена, 1825.*

Очень хорошія повѣсти—и очень дурно переведены. Неоспоримыя тому доказательства видѣшь можно въ № 16 *Сѣверной Пчелы*. Вообще повѣсти переводить не такъ-то легко—особенно же повѣсти Г. Бульи требуютъ опытныхъ переводчиковъ.

10. *Ботаника для юношества, содержащая начальные основанія Ботаники и изображенія 102 растѣній съ три-*

*) Въ письменномъ слогѣ должна быть шакал же поуди простота, какъ и въ разговорномъ, а въ послѣднемъ слова: кой, коя, кое не употребляются, хотя они можеть быть и лучше чемъ: кошорый, кошорая, кошорое.

цатью таблицами. С. п. б. 1826. Печашано въ шип. И. Глазунова и его иждивеніемъ, въ 12, 276 стран. *).

Полезная сія книжка весьма справедливо похвалена въ 1 № *Сѣверной Италы*. Желаетъ, что бы она разошлась скорѣе всѣхъ алманаховъ.

И.

Собака и Кошка.

Можно сдѣлать довольно любопытныхъ и важныхъ вопросовъ, заслуживающихъ вниманіе даже нашихъ ученыхъ; но едва ли и они въ состояніи будутъ рѣшить нѣкоторыя изъ нихъ. Напримѣръ, почему названіе добраго, вѣрнаго и преданнаго намъ животнаго, того, которое не спрашится съ нами ни бѣдностію, ни опасностію, которое къ полной мѣрѣ заслуживаетъ нашу признательность, однимъ словомъ: *собака*—почему, спрашиваю, названіе это сдѣлалось самою грубою, оскорбительною и презрительною бранью? Называть человека *собакою*—значитъ не имѣть къ нему ни малѣйша-

*) Продается у книгопродавца И. И. Глазунова по 7 руб. Право дешево.

го уваженія. Хотя это выраженіе и неупотребительно между свѣтскими, образованными людьми; однако же оно въ обыкновеніи въ нѣкоторыхъ государствахъ. Англичане, въ патріотической своей грубости, не встрѣшаютъ иностранца безъ того, что бы не дать ему прилагательнаго *собаки*, которое означаетъ у нихъ презрѣніе, и слово *french dog* обыкновенно первое раздается въ ушахъ вышедшаго на берегъ Англіи съ корабля Француза. И враги наши Турки величаютъ насъ собаками христіанскими, когда пощучють хребты наши палочными ударами.

Почему же въ самое то время названіе живошнаго, которому угодобляютъ лицемѣра, почему названіе *кошки* означаетъ приязнь и дружбу *)? Любовники почти не употребляютъ другихъ выраженій для изъясненія своей нѣжности, какъ: *кошечка*, *котенокъ*, (*mon chat, mon petit chat*), и всѣ слова, означающія происхожденіе кошовъ, щедро распочаются въ приятныхъ, любовныхъ связяхъ. А если бы какой любовникъ назвалъ свою возлюбленную *собакою*, то безъ сомнѣнія покраснѣла бы она, или поблѣднѣла бы опть досады и тотчасъ прекратила бы съ нимъ всякое сношеніе.

*) Не у насъ, а у Французовъ.

Замѣчено, что кошки играютъ довольно важную роль въ любовныхъ дѣлахъ и что съ ними обходящся несравненно лучше, нежели онѣ того заслуживаютъ. Собака никогда не укусишь своего господина, даже и тогда, когда онѣ бьешь ее; а кошка нерѣдко царапаетъ ту руку, которая кормишь ее и ласкаетъ. Молоко, кофей, пирожное составляютъ обыкновенную пищу любимой кошки; она раздѣляетъ мягкое и великолѣпное ложе красавицы — а собака спитъ за дверью на полу, или на голой землѣ и часто дрожитъ шамъ отъ спужи.

Сб Франц. X.

~~~~~

Русскіе Анекдоты.

1.

Къ одному императору, не здѣшнему, а Московскому, котораго не имѣю удовольствія знать лично, пришла просить о помощи бѣдная старая женщина въ то самое время, когда не было у него, что называется, ни копѣйки денегъ. Съ императорами не рѣдко это бываетъ. — «Отецъ мой! если ты не пожалуешь, такъ придется мнѣ нынчѣ весь день сидѣть голодомъ.., — Что же сдѣлалъ добрый императоръ? — Снялъ съ руки обручальное кольцо (онѣ не

такъ давно былъ женою и страстно любилъ жену свою) и опдалъ бѣдной спарухѣ, сказавъ: «на тебѣ, матушка, возьми, продай и купи, что надобно.»

2.

Такой же почти случай былъ съ покойнымъ В. В. Попугаевымъ. Пришелъ просить къ нему денегъ одинъ несчастный, благородный человекъ; а денегъ у В. В. не было. Онъ не зналъ чѣмъ дѣлать, но взглянувъ печально на новый свой фракъ, который за нѣсколько предъ темъ часовъ принесенъ былъ къ нему отъ поршняго, принудилъ гостя взять этотъ фракъ, а самъ мѣсяца три лишнихъ проходилъ въ шаромъ.

3.

При одной престарѣлой любительницѣ словесности говорили о романахъ Валпера Скотта и очень часто упоминали его имя. — «Помилуйте, батюшки, сказала она: *Валтеръ* конечно большой вольнодумецъ, а *скоттиъ* право нельзя назвать его.» — Эта почтенная спаруха была большая охотница до книгъ, особливо до романовъ.

4.

На провинціальномъ театрѣ новичокъ

актеръ, вышедъ въ первый разъ анонсировать, сбился, поклонился и за кулисы со стыдомъ ворочился. Товарищи спали надъ нимъ смѣялись. Въ оправданіе свое сказалъ онъ, будто суфлеръ сбиль его—и прибавилъ съ жаромъ: “докажу въ слѣдующій разъ что могу анонсировать.”

5.

Секретарь въ первый день вступленія своего въ должность, съ важностію подошелъ къ писцу и отдавая ему переписанную набѣло бумагу, сказалъ сердитымъ тономъ: *пропустилъ! опши!* — “Кажется, сударь, мы читали вѣрно: что такое пропущено?,” — *Полма* —И долго послѣ того строгій эпортъ Секретарь, когда замѣчалъ, что пропущенъ какойнибудь знакъ препинанія, выносилъ исходящія въ писцамъ и приказывалъ имъ по своему произволенію ставить *коммы, селешколы и пункты*, пока присутствующіе не запретили ему этого.

6.

Другой Секретарь (это было встарину) сказалъ писцу: “помилуй, братецъ! сколько занятыхъ наставилъ ты: что слово, то замятал! Къ чему это?,” — Да съ занятыми-то, сударь, красивѣе! —

N. N. имѣлъ несчастіе лишиться еще въ молодыхъ лѣтахъ жены, которую любилъ страстно и съ которой жилъ полъдва, или три года. Поплакавъ, похоронилъ и опять спалъ плакавъ. Единственная прогулка его была на то кладбище, гдѣ покоился прахъ любезной его супруги; единственная отрада молился на ея могилѣ и орошалъ ее своими слезами. Въ пятый, а можетъ быть и въ десятый разъ послѣ похоронъ, нечаянно замѣнилъ онъ неподалеку отъ себя на кладбищѣ молодую женщину въ траурѣ, горько плачущую на свѣжей могилѣ, и оставилъ это безъ вниманія. Въ слѣдующій разъ видитъ онъ ее опять на томъ же самомъ мѣстѣ и въ такомъ же почтенномъ положеніи, какъ и прежде...потомъ опять и опять. Несчастные имѣютъ между собою симпатію, невольно влекущую ихъ другу къ другу. Вотъ несчастный нашъ вдовецъ, частію изъ состраданія, частію изъ любопытства, подходитъ къ плачущей незнакомой дамѣ и видитъ, что она прекрасна собою (горестъ, равно какъ и радость увеличиваетъ красоту); вступаетъ съ нею въ разговоръ и узнаетъ, что она вдовушка, лишившаяся добраго и любимаго мужа. Послѣ того всѣ-

кой разъ, когда они бывали вмѣстѣ на кладбищѣ, разговаривали между собою, поплакавъ разумѣется напередъ каждый на своей могилѣ. *N. N.* нашель въ прелестной вдовушкѣ чувствительную, умную, образованную, истинно благородную съ прекраснѣйшими правилами женщину. Однажды осмѣлился онъ попросить у нея позволенія посѣпить ея; она позволила и приняла его какъ челоуѣка, заслуживающаго по многимъ отношеніямъ искреннее уваженіе. Онъ сталъ посѣщать ея чаще, приобрѣлъ ея довѣренность и дружбу, колпоралъ, какъ извѣстно въ молодыхъ лѣтахъ между особами разнаго пола скоро превращается въ любовь...наконецъ...наконецъ нашъ вдовецъ женился на вдовушкѣ. Жилъ онъ съ нею совершенно счастливо тридцать лѣтъ и имѣлъ несчастіе пережить ея. Бѣдному *N. N.* было тогда слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ; давно уже онъ спрадалъ подагрою и не только не могъ идти на кладбище, но даже ходить по комнатамъ. Старый другъ навѣщалъ его каждый день и горевалъ съ нимъ вмѣстѣ. Однажды, и чушь ли не въ сороковый день, дряхлый и хворый *N. N.* ропталъ передъ другомъ на бѣдственную свою участь, что не можетъ быть на кладбищѣ — «Да, жаль, очень жаль, что ты не можешь быть тамъ, сказалъ его старый приятель: авось

нашелъ бы ты еще на кладбищѣ хорошую вдовушку да и женился бы на ней.—V. N. не могъ уперитьсь, что бы сквозь слезъ не улыбнулся; а приятелю его только и хотѣлось, что бы какъ нибудь развеселить его *).

И.

*) Случаешься иногда—разумѣется чрезвычайно рѣдко—что въ самой величайшей горести нельзя никакъ не разсмѣяться отъ неожиданной шутки. Напомнимъ здѣсь два извѣстные случая. Въ одномъ сраженіи у Французовъ съ Нѣмцами запрещено было первымъ давать пощаду неприятелямъ. Во время схватки Французскій гренадеръ успремился со штыкомъ на Нѣмецкаго Офицера. Тотъ бросилъ шпагу и просилъ о пощадѣ жизни. — *Все радъ для васъ сдѣлать*, сказалъ вѣжливый Французъ: *но жизни оставить вамъ никакъ не могу.*—Спарушка Француженка, окруженная за нѣсколько часовъ до своей вѣчины любимыми дѣтьми и внуками, сказала имъ съ чувствомъ: “дай Богъ, чпобъ вы, любезныя дѣти, были счастливы., Сидѣвшій у ея изголовья зять, котораго любила она какъ роднаго сына, спросилъ, ее съ присворною важностію: *а зятьямъ, матушка, желаете ли также счастья?* Добрая спарушка почши расхохоталась на одрѣ смерти.—

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1826 — N° IV.

НЕАПОЛЬ *).

Недаромъ сильно хотѣлось мнѣ быть въ Неаполь: ничего нѣтъ прекраснѣе этого города, и, думаю, ни одинъ не можетъ похвалиться такимъ прелеснымъ мѣстоположеніемъ. Неаполитанцы не безъ основанія говорятъ: *кто видѣлъ Неаполь, тотъ все видѣлъ*. Чтобы лучше судить объ удивительномъ мѣстоположеніи сего города, мы взобрались на бельведеръ Кармезіанскаго монастыря, находящагося на горѣ Ст. Ельмъ. Оттуда мы наслаждались восхищительнѣйшими видами, какіе вообразить себѣ только можно. Одна часть города возвышается къ западу амфитеатромъ на горахъ Павзилины, Ст. Ельмъ и Анпиньяньо; другая простирается къ востоку по мѣсту, болѣе ровному, и имѣетъ въ перспективѣ

---

*) Изъ *Jeunes Voyageurs* 1823.

знаменитую гору Везувій, копорый сколько величественъ, сколько же и ужасенъ, извергая по дымъ, по пламя. Съ высоты бельведера онъ виденъ съ его окрестностями и прекрасными дачами, копорыми усѣяна равнина опъ Неаполя до Порпичи и далье. Планъ города, съ прелестными садами въ окрестности, опшуда раскрывающся въ полночь. Площади, прекраснѣйшія улицы, величѣйшія зданія такъ расположены, что видъ ихъ ни мало не перьяещя. Можно различить дома, экипажи, мужчинъ и женщинъ и даже цвѣшь ихъ плашья, когда небо чисто. Наконецъ съ сѣверной стороны видны богатые холмы, возвышающіеся нечувствительнo къ счастливой Кампаніи и покрытыя виноградникомъ, плодовитыми садами, фиговыми, апельсинными, оливковыми и лимонными деревьями. Эпошь видъ простираещя даже до Капуи и до замка Казерша, опстоящаго на пять миль.

Прекрасный климатъ и плодоносная почва доставляющъ сему мѣсту всевозможныя наслажденія. Исключая шрехъ, или чешырехъ мѣсяцевъ, климатъ здѣсь уди-

випельно припшенъ; но лѣтомъ жары очень сильны и могутъ показаться не-сносными для приѣзжаго изъ сѣвера; однакожь воздухъ прохлаждается морскими вѣспрами. Эта жара и еще болѣе подземныя печи Везувія и Сольфатера, безъ сомнѣнія причиною необыкновенной скорости, съ которою подымающся всѣ произрощенія. Въ Февралѣ мѣсяцѣ, маленькій горохъ, спаржа, аршишоки и даже дыни, очень обыкновенны. Во всякое время рынки наполнены плодами и всякаго рода швами, соснавляющими главнѣйшую пищу Неаполитанцевъ.

Въ садахъ, окружающихъ Неаполь, и особенно въ тѣхъ, которыя ближе къ морю, или закрытыхъ отъ сѣвернаго вѣспра, плоды въ большомъ изобиліи и чрезвычайно вкусны. Земля щедрая на произведенія, никогда не истощивается. Житва богата и разнообразна: многія деревья сохраняютъ непрерывную зелень, другія теряютъ ее уже очень поздно и скоро снова въ нее облакаются. Вездѣ распуштъ цвѣшны; розы, гвоздики, ясины цвѣшуютъ даже зимою; тысяча припшеннѣйшихъ запаховъ наполняютъ воздухъ.

Для освѣженія атмосферы, есть множество водометовъ, которые доставляютъ въ изобиліи воду во всея части города, площади и набережныя. Сія водометы поддерживаются водами, проходящими черезъ подземныя трубы отъ сѣверныхъ высотъ къ западной сторонѣ города и чрезъ Сибелскія, соединяющіяся съ моремъ.

Городъ съ предмѣстіями простирается болѣе, нежели на двадцать миль. Въ немъ шестнадцать заславъ, всегда открытыя по причинѣ непрерывнаго движенія жипелей. Онъ окруженъ простою стѣною съ башнями, прилежащими къ сосѣднимъ высотамъ. Три укрѣпленныхъ замка служатъ къ его защитѣ. Первый—замокъ *айца*, такъ названнаго по его длинной и овальной формѣ. Онъ построень на скалѣ посреди моря въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Лукуллъ имѣлъ домъ и прелестнѣйшіе сады. Этого замка, въ который входятъ по большому мосту, простирается къ заливу и защищенъ его. Второй—замокъ *Новый*, порядочная крѣпость на берегу моря, противъ большой площади у приспани. Онъ окруженъ глу-

бокими рвами и башнями, очень высокими и снабженными артиллерією. Тамъ находився большой арсеналь. Эпопшъ замокъ, служившій нѣкогда пребываніемъ Государей, заключаешъ въ себѣ нѣсколько памятниковъ и сохраняетъ какое-то величіе, котораго не имѣють другія обыкновенныя крѣпости. Въ него входятъ по большой, не слишкомъ гладкой равнинѣ, украшенной множествомъ водоемовъ. Пространный дворъ служишъ хранилищемъ оружія. — Прекрасная лѣстница ведетъ въ большія комнаты; тамъ есть триумфальныя ворота, древнія сапашуи, очень хорошая церковь, колодцы, и проч. Можно подуматъ, что это маленькій городъ.

Наконецъ замокъ Сп. Ельмъ, лежащій на горѣ сего же имени. Онъ защищаешъ самый городъ. Это крѣпость съ минами, подземными ходами, широкими рвами вырытыми въ скаль, большой водемъ, сильная артиллерія и гарнизонъ. Есть еще не такъ важная крѣпость: она служишъ не только къ защитѣ города, сколько къ обузданію черни. Предосторожность, которая кажется необходимою

въ этой странѣ, гдѣ врожденное безпокойство, непостоянство, бѣдность и лѣность жишелей могутъ легко произвести внутреннiя волненiя.

Въ южной части города находится предмѣстiе *Сант-Люгiа*, мѣсто Неаполя лучше всѣхъ застроенное, болѣе населенное, удобнѣйшее по близкому сосѣдству своему ко двору, здоровѣйшее и приятнѣйшее по своему мѣстоположенiю, выдавшемуся къ заливу. Оно смѣжно съ предмѣстiемъ *Чяя* (*Chiaia*), простирающимся къ горѣ *Павзилиппы* къ западу. Высокие дома однообразной постройки, водометы украшенные архитектурою и расположенные въ извѣстномъ разстоянiи по набережной, которая въ ширину имѣетъ болѣе ста проазовъ, дѣлаютъ весьма приятный видъ на сiе предмѣстiе. Съ другой стороны города къ востоку, идя къ *Портичи* по берегу моря, находится предмѣстiе *Лоретта*, также украшенное прекрасною набережною и красивыми однообразными домами. Эта набережная оканчивается мостомъ *Магдалены*, подъ которымъ *Сибето* низвергается въ море.

Въ сосѣдствѣ находится скотный дворъ, также и придворныя конюшни, гдѣ можно видѣть прекраснѣйшія породы Неаполитанскихъ лошадей. Предмѣстіе *Св. Антонія*, не много болѣе къ сѣверу-есть одно изъ величайшихъ въ Неаполѣ. Въ немъ улицы широки и прекрасны. Наконецъ пятое предмѣстіе, называемое *Дѣвильмибъ*, простирается по высотамъ къ сѣверу.

Всѣ улицы какъ въ городѣ, такъ и въ предмѣстіяхъ, вымощены широкими плитами, кощорыя походящъ, по черному своему цвѣту и твердости, на лаву изъ Везувія. Эти улицы по большей части прямыя и широкія. Толедская улица, (*strada di Toledo*) превосходна. Она простирается отъ воротъ Св. Духа до входа на королевскую площадь, въ длину на 540 тоазовъ. Она также и широка; зимою служилъ для респалищъ, или публичныхъ гуляній. Туда собираются къ ночи - всѣ лавки освѣщаются фонарями, и продажа тогда идетъ гораздо успѣшнѣе, нежели днемъ.

Вообще всѣ дома въ Неаполѣ одной формы, одинаково высоки, въ чепыре, или

пять этажей, съ плоскими кровлями на подобіе шеррасъ, гдѣ спавяпть горшки съ цвѣтами и вазы съ плодовишыми деревьями и куда выходяпть прогуливаясь, освѣжались ночнымъ воздухомъ, бесѣдовали съ жильцами дома, или съ сосѣдями. Нѣтъ страны, въ которой было бы столько церквей, какъ въ Италіи. Въ Неаполѣ также въ нихъ нѣтъ недостатка. Ограничусь описаніемъ главнѣйшихъ, начавъ съ квадратной, посвященной Св. Яннуарію, первому покровителю города и Королевства.

Передъ церковью есть площадка, на которой поставленъ обелискъ съ большимъ изваяніемъ Св. Яннуарія на верьху. Обелискъ мраморный, украшенія и изваяніе бронзовыя. Церковь, построенная на развалинахъ храма Аполлонова—есть старое, готическое зданіе съ чепырмя огромными башнями, что даетъ ей видъ крѣпости. Внутри храма на стѣнахъ изображены Апостолы и Евангелисты. Надъ хоромъ есть маленькая часовня, въ которой покоятся мощи Св. Яннуарія; она обложена бѣлымъ мраморомъ; эпопъ священный имѣетъ еще другую часовню, назы-

ваемую *сокровищелью*, попому, что чрезвычайно великолѣпна и богата. Церковь Св. Филиппа Неринскаго великолѣпнѣйшая, какую гдѣ либо можно видѣть. Въ самомъ Неаполѣ, она почищается достойною удивленія. Произведенія живописи, ваянія, мраморъ, колонны, позолоты, вазы, хранилища мощей, драгоценныя камни во всѣхъ этихъ украшеніяхъ — видно даже расщепленіе. Однакожь послѣ этого зданія, можно посѣщитъ и даже удивляться славному карпезіанскому монастырю, находящемуся на горѣ Св. Ельмъ.

Церковь, построенная на новый образецъ, есть торжественно народнаго вкуса. Помостъ мраморный, сводъ украшенъ позолотою и картинками, алтарь покрытъ серебромъ, золотомъ и драгоценными камнями. Вездѣ лучший мраморъ, живопись, ваяніе и позолота. Замѣчательны двѣнадцать картинъ Еснаньелета, изображающія двѣнадцать Пророковъ. Лица ихъ имѣютъ несбыкновенную выразительность, краски безподобны; ризница богатыйшая и украшена лучшими произведениями живописи, какъ равно и часовня и прапеза. Библіотека и комната

для приема иностранцевъ замѣчательны по множеству разнообразныхъ украшеній. Но что выше всего, это комната Наполеона, поистинѣ царская. На плафонѣ прекрасная живопись, оригинальныя картины, сохраняемыя подъ стекломъ очень дорогою цѣны, между прочими знаменитое изображеніе Спасителя Мишель-Анжа—маленькая картина около фуста въ вышину. Наконецъ прелестныя сады, которые выше всякаго описанія. Въ концѣ садовъ на маленькой террасѣ находится эпошъ славный бельведеръ, куда приходящъ всегда съ новымъ удовольствіемъ, осматривъ въ красоты и рѣдкости внутри Картезіанскаго монастыря.

Неаполитанскій Король имѣетъ два дворца. Одинъ построень на горѣ, называемой *Caro di Monte*: мѣстоположеніе очень приятно по здоровому воздуху и по свѣжести, кою можно наслаждаться въ самые сильные жары лѣта; но эпошъ дворецъ не дѣлаетъ большей чести своему архитектору. Другой—обыкновенное пребываніе Короля — есть лучшее зданіе въ Неаполѣ. Онъ стоить на площади, гдѣ оканчивается Толедская ули-

ца. Здѣсь бывають различныя увеселенія народныя, какъ то: поединки пиками на лошадяхъ, сраженія звѣрей, фейерверки и особливо такъ называемое *Кокань* *).

Чтобы дать себѣ понятіе объ эпомѣ *Кокань*, представь себѣ большой амфитеатръ, на которомъ въ срединѣ стоятъ коровы, шеляпа, бараны, свиньи и кучи хлѣба; по сторонамъ гуси, индѣйки, куры, каплуны, и проч. Большая часть сихъ живописныхъ привязаны живыя. Тушь сшавятъ вино, которое бьешь фонманами. Король даетъ эпомѣ праздникъ народу всякой разъ, когда есть предлогъ къ народнымъ увеселеніямъ. Онъ начинается какимъ нибудь зрѣлищемъ, послѣ котораго солдашы, окружающіе амфитеатръ, оповоряють входы. Тотчасъ Лазарони, бѣднѣйшій классъ жишелей, но и самый рѣшишельный, въ однѣхъ рубашкахъ и исподнихъ платьяхъ кидаются спремительно на добычу. Всѣ кучи въ одну минушу разбишы. Не думай однакожь, что эпомѣ народъ, забавляющійся такимъ вар-

---

*) Почти тоже, что у насъ праздникъ быковъ. *Изд.*

варскимъ образомъ, былъ хуже народовъ другихъ странъ. Чернь вездѣ одинакова, и та, которая бьетъ окна въ Лондонѣ, когда не такъ скоро освѣщаютъ ихъ, какъ ей хочется, столь же буйна, какъ и въ Неаполѣ. Я удивляюсь не столько эшимаъ Лазарони, сколько зрителямъ, которые находятъ удовольствіе глядѣть на сихъ несчастныхъ, какъ они дерущся, падаютъ и вырываютъ другъ у друга добычу, подвергаясь опасности передомиль руки и ноги, что очень часто случается.

Эши Лазарони, о которыхъ говорено было такъ много дурнаго, не столь дурны какъ ихъ изображаютъ. Они по большей части прекрасные мужчины, лица смуглаго, росла высокаго и кажущаяся очень сильными. Бездѣлица можеть удовлетворить ихъ. Дайте имъ за комисію сколько можно менѣ денегъ—они изольются въ благодарности. Ихъ издержки ничтожны; кодятъ въ рубашкахъ, исподнемъ плащѣ, холстинномъ колпакѣ, безъ чулокъ и башмаковъ. Дѣти почти наги лучшую часнь года, и если чувствуютъ себя довольно сильными, ишобъ борются съ волнами, по смѣло пу-

скаются въ море. Женщины, съ опкрытою головою, съ опущенными назади волосами, вмѣсто покрыва, едва имѣють на себѣ нѣскольکو холста и изорванной шафты. Большая часть изъ нихъ охотно занимается работами, приличными ихъ полу. Вяжутъ чулки и колпаки, продажа которыхъ достающа на ихъ содержаніе съ дѣтьми и мужьями, если сіи послѣдніе ничего себѣ не достаютъ. Пища ихъ не требуетъ большихъ издержекъ; для нихъ довольно плодовъ, справъ и макаронъ, которые вездѣ можно найти за дешевую цѣну въ кухняхъ, расположенныхъ по улицамъ. Для многихъ квартира совсемъ не нужна. Приятность климата позволяетъ имъ проводить ночь на лавочкахъ у домовъ. Эти люди, неимѣющіе ничего, веселы, довольны и находятъ на каждомъ шагу въ этомъ большомъ городѣ различные увеселенія, возбуждающія ихъ вниманіе, или занимающія ихъ праздность. Это истинные философы, презирающіе богатство и наслаждающіеся счастьемъ въ совершенной безопасности.

Мнѣ кажется, что лѣность природное свойство Неаполитанцевъ, которые

вообще имѣютъ большое отвращеніе отъ труда; но это не мѣшаетъ тремъ, или чепыремъ спать тысячамъ жилищей, находишь способы къ пропитанію, пошому что они по большей части воздержны и довольствуются весьма малымъ. Сѣстные припасы всякаго рода очень дешевы, въ большомъ изобиліи и хорошаго качества. Мяса пипательны, пшпцы и дичь обыкновенны. Море доставляетъ рыбы и раковины. Плодовъ и правъ вездѣ много. Одежда не пребуетъ большихъ издержекъ. Этошъ родъ роскоши, разоряющій дома средняго класса въ другихъ спранахъ, до сихъ поръ еще не извѣстенъ Неаполю. Даже въ высшемъ состояніи, одежда какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, проста, хопя и красива. Здѣсь не видно этого разнообразія въ модахъ, этой скорой перемѣны въ плашьяхъ, которая возышая въ цѣнѣ новую вещь, дѣлаетъ ее по прошествіи нѣсколькихъ дней, совершенно безцѣвною, пошому что явишся опять что нибудь новое.

Такимъ образомъ каждый съ небольшими способами, имѣетъ возможность жить приятно; тѣ же, кошорые не имѣ-

юшъ и сихъ способовъ, могутъ каждый день найши хлѣбъ и супъ во многихъ монастыряхъ и помощь въ госпиталяхъ и другихъ благотворительныхъ заведеніяхъ. Если они больны, то получаютъ также даромъ нужныя для нихъ въ семь случаевъ насавленія и лѣкарства въ монастыряхъ у аптекарей; и пока не будетъ дороговизны на припасы, народъ останется всегда доволенъ: онъ не мѣшается въ дѣла правленія и желаетъ только наслаждаться выгодами и увовольствіями, которыя эта прекрасная сторона доставляетъ ему безпрерывно.

О Неаполитанцахъ можно сказать, что они вновь переродившіеся Римляне. Имъ нужны только хлѣбъ и зрѣлища; но они предпочитаютъ всему духовныя церемоніи. Каждый годъ возобновляются праздники Св. Яннуарія, S. Maria di pia di grotta и множество другихъ. Праздникъ Св. Маріи превосходитъ всѣ прочіе своимъ великолѣпіемъ. Онъ бываетъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ. Король, Королева и вся королевская фамилія въ этотъ день идетъ въ церковь Богородицы, находящуюся у подножія горы Павзиппы. Весь

дворъ показывается въ блистательнѣйшемъ видѣ: Войска въ ружьѣ занимають улицы и набережную Чия. Шествіе бываетъ медленно, чтобъ дать народу насладиться симъ зрѣлищемъ. Собраніе многочисленно; изъ всѣхъ сосѣднихъ деревень собираются крестьянки, которыя по большей части одѣваются въ шелковое платье, вышитое золотомъ, или серебромъ. Онѣ такъ любятъ этошъ праздникъ, что въ свадебномъ контрактѣ выговариваютъ, чтобъ мужа возили ихъ непременно къ этому дню въ Неаполь. Сія церемонія приводитъ въ движеніе весь городъ, и нѣтъ ни одного человѣка, который бы не принялъ въ ней участія.

Есть еще два дня очень знаменитыхъ по великолѣпію, съ какимъ Неаполитанскія дамы являются въ публику: это четвергъ и пятница спрасной недѣли. По упру въ четвергъ — дамы выходятъ въ карешахъ и выказываютъ всю возможную пышность. Одѣны только въ черное платье; но убранства, драгоценные камни замѣняютъ простоту ихъ одежды. Послѣ обѣда и на другой день, карешъ уже не видать на улицѣ; мужчины

идуть пѣшкомъ, а женщинѣ носятъ въ прекраснѣйшихъ носилкахъ. Спекла опущены со всѣхъ чешырехъ споронъ и отверстія шакъ велики, что все тѣло отъ головы до ногъ видно: Неаполитанская дама лучше останется дома, нежели покажется публикѣ не вся. Передъ носилками идутъ скороходы и служители, копорые ночью несутъ факелы. Великолѣпно одѣтые лажи идутъ по споронамъ носилокъ, но шакъ, чтобы не лишать зрителей удовольствія видѣть даму со всѣхъ споронъ. Можно ли повѣрить, что мужчины часно зашмѣваютъ собою женщинѣ, показываясь съ ними въ публику? Все вниманіе народа только на нихъ обращается. Это случается въ прогулкахъ по strada nuova каждую пятницу Марта мѣсяца. Всѣ мужчины являющіяся въ чрезвычайномъ великолѣпнн, выказывающимъ ихъ богатство. Вниманіе всѣхъ устремлено не на дамъ, копорыя ихъ сопровождаютъ, но на скороходовъ и служителей, одѣтыхъ въ прекрасную ливрею, на красоту экипажей и на упряжку чешверни, или шешерни красивѣйшихъ лошадей. Экипажи шянушя въ три ряда и на проспек-

спивъ двухъ миль по прямой линіи. Кромѣ числа и богатства экипажей, любишься мѣстоположеніемъ. Съ одной стороны море; съ другой рядъ очень миловидныхъ дачъ на разстояніи нѣсколькихъ миль. Везувій, кошораго нельзя не видѣть всегда съ новымъ удовольствіемъ, представляется взорамъ съ воспочной стороны. Къ западу видна гора Павзилицца и часть города, построенаго на горѣ. Со всѣхъ сторонъ видны лучшія и разнообразнѣйшія мѣстоположенія. Ихъ найдешь только въ Неаполѣ.

Здѣсь очень понравится тому, кто отрасно любитъ музыку. Здѣсь не пропустишь ни одной Сперы, услышишь музыку самую выразительную, натуральную, пріяньнѣйшую, совершеннѣйшую въ мірѣ. Это торжество Неаполишанцевъ. Природа, кажется, сотворила ихъ для музыки. Звукъ голоса, просодія слоговъ, разговоръ, движеніе — все дышетъ гармоніею — все выказываетъ народъ поющій. Прекрасные голоса обыкновенны и средствъ очень много, что бы образовашь ихъ.

Театръ Св. Карла назначень для большой, важной Оперы. Омъ открышь не

цѣлый годъ. Это зданіе, построенное по образцу Туринскаго театра, велико и прекрасно, но въ немъ едва слышно актеровъ. Ложи убраны обоями, зеркалами, люстрами, столами и софами. Въ нихъ помѣщается отъ десяти до двѣнадцати человекъ. — Тутъ принимаютъ гостей, играютъ, ѣдятъ мороженое и даже ужинаютъ. Итальянцы не ходятъ въ театръ собственно для зрѣлища; они стараются забавляться другимъ образомъ. На этомъ театрѣ нѣтъ ни машинъ, ни декораций, ни того богатства и изящества въ нарядахъ, ни многочисленной труппы, ни наружнаго великолѣпія, которыми составляютъ сущность Оперы. Число пѣвцовъ и пѣвицъ проскрипруется до семи, или осьми человекъ мужчинъ и женщинъ. Но оркестръ многочисленъ и очень хорошъ. Я ничего не скажу о панцахъ — это не что иное, какъ скачки и прыжки; балеты не имѣютъ никакого отношенія къ пьесамъ.

На театрѣ новомъ, неправильной фигуры и безъ всякихъ украшеній, играютъ забавныя Оперы; послѣ пьесъ бываютъ иногда очень хорошія пантомимы, Эпопы

родъ танцевъ миѣ кажется свойственъ Испальянцамъ по живоспи ихъ движеній и жестовъ, естественно мимическихъ. На театрахъ играютъ только три раза въ недѣлю. Цѣна ложа мѣренна. Духовныя особы не починають неприличнымъ быть въ театрахъ, обыкновеніе — допускаемое только въ Неаполѣ.

Въ этомъ городѣ считается четыре публичныхъ библіотеки и много другихъ частныхъ, которыми владѣють монахи, заслуживающихъ вниманіе любопытныхъ по заключающимся въ нихъ рѣдкостямъ. Но онѣ не слишкомъ полезны Неаполитанцамъ, которые съ природнымъ ихъ теніемъ, не имѣють духа углубляться въ науки. Однакожъ Неаполь былъ опечесвомъ многихъ ученыхъ мужей: Кавалера Бернина, математика Борелли, композиторовъ Фаринелли и Саччини (Sacchini) поэтовъ Санназара и Мазини и Папы Урбана VIII.

Мануфакшуръ мало, хотя страна богата всѣми произведеніями. Здѣсь занимаются самымъ нужнымъ. Заведены только шпофныя, бумажныя и шелковыя фабрики, которыя снабжаютъ своими

работами провинціи, дѣлають бархатъ, плашки, шелковые чулки, полотна. Народъ легко и охотно занимается шелководствомъ, которое могло бы принести большой доходъ государству, если бы распространили сѣю отрасль промышленности. Но когда народъ умѣетъ ограничиваться темъ, что природа щедро доставляетъ ему, то какая ему надобность прибѣгать къ постороннимъ способамъ, рождающимъ роскошь, увеличивающимъ его нужды и потребности и дѣлающимъ его несчастнымъ въ случаѣ неудачи въ предпріятіяхъ.

Везувій въ шести миляхъ отъ Неаполя; это проспанскиво покрыто прелестнѣйшими дачами. Къ горѣ ѣздятъ въ экипажѣ и верхомъ. Но когда достигнете прени горы, проводники, люди обыкновенно сильные и привыкшіе къ своему дѣлу, обяыываютъ васъ длинною перевязью, которую прикрѣпляютъ къ спинѣ своей, и такимъ образомъ впаскиваютъ васъ на вершину. Мы точно такъ взошли на лошину, называемую *Atrio del cavallo*. Не думаю, чтобы въ мірѣ было мѣсто спрашнѣ этого. Оно безплодно, покры-

шо лавою, камнями, пепломъ, шлакомъ, желѣзною выгаркою, смѣшенными съ сѣрою и квасцами. — Все представляешь нѣчто ужасное; воображаешь себя на пути къ аду. Везувій, извергающій въ это самое время дымъ и пламя, подтверждаетъ эту мрачную мысль, и дѣйствительно думаешь быть близко того ужаснаго мѣста, гдѣ должны совершаться вѣчныя казни за преступленія и злодѣяства.

Опъ сей лоцины надобно взбираешься на вершину. Тутъ проводники берутъ предосторожность узнать, откуда дуетъ вѣтеръ, что бы подыматься со стороны противной той, на которую наносится дымъ. Чемъ выше идешь, темъ труднѣе шановишься дорога. Иногда уходишь по колѣно въ пепель. Къ счастію, на самой крушой части горы есть родъ площадки, кошорая, кажется, окружаетъ весь Везувій. Здѣсь мы отдохнули и любовались прелестнѣйшими мѣсположеніями; но подымаясь выше, трудности умножаются, приближеніе къ крашеру ужасно. Општуда выходятъ испаренія угольные и сѣрные, кошорыя по удушливости своей могутъ произвеси расслабленіе и даже

обморокъ, если не запасешься спиртомъ. Почва очень горяча. Наконецъ достигли мы до самой вершины, куда можно идти довольно удобно по перегорѣлому и красному песку, подъ которыми находишься пережженный камень. Мы не входили въ краперъ; но шѣ, которые болѣе насъ имѣли духа и тамъ были, сообщили намъ слѣдующія замѣчанія.

“Входящъ въ краперъ по дорогѣ почти перпендикулярной, но удобопроезжимой по выдвинувшимся камнямъ. Форма и дно часто измѣняются. Этошъ краперъ походитъ то на опрокинутую воронку, то на конусъ; онъ увеличивается, или уменьшается, смотря по тому, какъ сильно подземное броженіе, поелику это не что иное, какъ кора, составившаяся изъ лавы, шлака, песку, золы и другихъ часпей, извергаемыхъ вулканомъ. Часпи этой коры расплавленыя и опять засыпывающія, непрерывно питаютъ жерло и являющіяся въ различномъ видѣ. Жаръ въ краперѣ такъ великъ, какъ въ банѣ. Изъ расѣлинъ, умножающихся со всѣхъ сторонъ, выходятъ облака дыма, или удушливыхъ испареній.”

Спускаясь съ горы, мы замѣтили по среди необъяпныхъ глыбъ лавы и волканическихъ изверженій прелестную горку, прилежащую къ Везувію, и вѣроятно сославившуюся какимъ нибудь давнимъ изверженіемъ. Она называется St Angelo и на ней живутъ Камалдулы, добродѣтельные оишельники, слѣдующіе весьма строгимъ правиламъ. Это мѣсто прелестно, покрыто приятною зеленью, и сославляетъ разительную противоположность съ ужасными предметами, его окружающими. У подошвы горы на почвѣ удивительно плодотворной лежатъ нѣсколько довольно значительныхъ селеній, копорыхъ жили не смотря на то, что смерть виситъ надъ ихъ головами, живутъ въ совершенномъ спокойствіи. По привязанности ли къ мѣсту рожденія, или по непонятному безумію, презирающъ они всѣ опасности. Примѣръ прошедшаго не страшитъ ихъ.

Везувій сосѣдь весьма опасный и ужасный. Не надобно довѣрять спокойствію его, продолжающемуся уже нѣсколько лѣтъ сряду, въ теченіи копорыхъ изъ него выходилъ только дымъ. Это спокой-

ствіе обманчиво. Части, питающія волканъ, непрерывно перерождаются, кипятъ и стараются освободиться изъ жерла, гдѣ онѣ заключены. Внутреннія землетрясенія служатъ къ тому первымъ знакомъ; на воздухъ поднимается тогда чернѣйшій и густѣйшій дымъ, и если возвышается конусомъ, или принимаетъ образъ сосны, то надобно ожидать ужаснаго изверженія.

Везувій изрыгаетъ дымъ, огонь, воду и земляныя части. копорыя раздѣляются на очищенныя и неочищенныя огнемъ. Между послѣдними лава и пепель. Лава есть огненная масса расплавившихся частей, пекущая медленно изъ нѣдръ Везувія до подошвы горы, а иногда и до моря. Оспанавливаясь въ печеніи по мѣрѣ того, какъ теряеть жаръ свой, спановипись она грубымъ камнемъ, пивердымъ какъ мраморъ и имѣющимъ одинакую съ нимъ полировку и употребленіе. Пепель, извергаемый Везувіемъ, выходитъ изъ жерла съ необыкновенною силою, подымается очень высоко, держипись очень долго на воздухѣ по своей легкости и разносится далеко въпрами. Везувій извергаетъ

также огромные камни, которые поднимаются и падаютъ на большое разстояние.

Де ла Торрь, славный физикъ, написалъ исторію изверженій эпого волкана и имѣлъ духъ дѣлать надъ нимъ наблюденія на мѣстѣ. Первое изверженіе, о которомъ упоминають авторы, произошло 24 Августа 79 года по Р. Х. Вѣроятно были изверженія и до того времени. Опъ сего года до 1779 считается ихъ 27. Разрушеніе Геркуланума и Помпеи произошло опъ перваго. Геркуланумъ былъ истребленъ не горящею лавою, но текучимъ и густымъ пепломъ, подъ которымъ былъ погребенъ. Эпопъ пепель, превратившійся въ послѣдствіи въ рыхлый камень (tuf), былъ тогда очень горячъ; онъ обжегъ двери и балки домовъ, которыя превратились въ уголья. Хлѣбъ и плоды почернѣли, также спашуи, мебель и бронзовыя вещи, но ничего не сгорѣло и не испортилось. Равная участь постигла и Помпею, съшою однако разницею, что пепель покрывшій эпопъ городъ, не превращался въ камень и былъ гораздо грубѣе. Лава не обращала никогда своего печенія въ

эту сторону по опдаленности, и розыски въ Помпѣе не такъ трудны, какъ въ Геркуланумѣ, потому что зданія Помпей покрыты только на нѣсколько фузовъ.

Тринадцатое изверженіе 16 Декабря 1651 года было одно изъ самыхъ ужаснѣйшихъ. Послѣ сильнаго землетрясенія, черныхъ вихрей дыма, потоковъ лавы, которыя раздѣлились на семь рукавовъ и истребили большое пространство земли, изверглась кипящая вода, сопровождаемая сильнѣйшимъ землетрясеніемъ. Эта вода затопила поля, подрывала корни деревьевъ, низпровергла дома, поглотила болѣе пяти сотъ человекъ, шедшихъ въ процессіи къ *Torre del Greco*, затопила множество другихъ и распространила ужасъ даже въ Неаполь, гдѣ погибло при тысячи человекъ во время этого бѣдствія, продолжавшагося цѣлый мѣсяць.

Послѣднее изверженіе въ 1779 году было самое ужасное. Изъ нѣдръ горы вышелъ черный и густой дымъ, который по шихосши погоды поднимался прямо на чрезвычайную высоту. Камней извергалось такое множество, что весь *Vesuvius*, даже до подошвы казался въ огнѣ.

Видѣнь былъ ужасный столпъ изъ горящихъ маперій, который показался въ три раза выше самой горы, слѣдовательно осьъ десяти до двенадцати тысячъ фузовъ высоты. Не только весь Неаполь, но даже за тридцать миль можно было чистить въ самую темную ночь. Изъ этого столпа вылетали страшныя молніи, которыя разражались тысячами на окрестностяхъ города; потоки лавы причинили величайшее разрушеніе вездѣ, гдѣ только ни проходили.

Геркуланумъ и Помпея попрежнему могутъ быть завалены снова изверженіями. Разрытія и розыски, дѣлаемыя надъ Геркуланумомъ, доказываютъ, что эпошъ городъ покрытъ шестью слоями лавы, толщиною на сто двадцать фузовъ въ мѣстахъ, прилежащихъ къ морю. И по большей части она вытекаеть въ эту сторону; надобно ожидать и впередъ подобнаго бѣдствія.

Помпея, отстоящая на четверть мили ось моря, была некогда очень важный городъ; о величинѣ его можно судить по открытой въ немъ Капиполіи—преимуществу однихъ только большихъ

городовъ и по огромному овалному амфитеатру, построенному на возвышеніи и имѣвшему двадцать рядовъ скамей, гдѣ могло помѣщаться до тридцати тысячъ зрителей. Стабія, находящаяся опъ Везувія, гораздо далѣе Помпеи, была покрыта ценомъ въ 79 году.

Если судить о театръ Геркуланума по видимымъ только частямъ его, онъ былъ великъ и великолѣпенъ, овалной фигуры и при томъ болѣе въ ширину, нежели въ длину. Въ немъ осмнадцать рядовъ скамей, высѣченныхъ въ камень. Надъ нимъ возвышается портикъ, гдѣ есть еще три ряда скамей. Полагають, что эпошь театръ могъ помѣщать тридцать пять тысячъ сидящихъ зрителей, не считая шѣхъ, которые сполли въ партеръ. Партеръ вымощенъ четверугольными плитами желтаго древняго мрамора, котораго остатки видны еще во многихъ мѣстахъ. Портики также выложены бѣлымъ мраморомъ и вообще видны богатѣйшія украшенія.

Подъ театра открытъ храмъ круглой фигуры, который, какъ полагають, былъ посвященъ Геркулесу, а подъ пуб-

личной площади домъ, или дача съ садомъ, простиравшимся къ морю. Эпошъ домъ былъ одноэтажный; передъ нимъ прудъ, окруженный цвѣтниками и рошицами. Театръ, храмъ Геркулеса и эта дача — суть важнѣйшія зданія, до сихъ поръ открытыя въ Геркуланумѣ. Другія не что иное, какъ дома частныхъ владѣльцевъ. — Улицы были проведены по прямой линіи и по сторонамъ сдѣланы прогуляры для пѣшеходцевъ. Большая часть домовъ въ одинъ этажъ и лѣстницы узки. Въ каждомъ домѣ находились не только всѣ вещи нужныя къ украшенію, но и необходимыя, начиная отъ туалета до кухонныхъ приборовъ.

Розыски въ Помпеѣ были успѣшнѣе. Теперь нашли главную улицу и съ каждымъ шагомъ открываютъ болѣе и болѣе. Снабѣя также открыта, и всѣ древности и предметы, достойныя вниманія, находящіяся въ сихъ трехъ городахъ, тщательнo переносятся въ Порфики, построенный на ихъ развалинахъ и складывающійся въ особомъ назначенномъ для того зданіи, которое называется: *Музеумъ Геркуланума*. Собраніе этихъ древностей напе-

чапано и каждый предметъ, по приказанію Короля Неаполишанскаго, выгравированъ. —

В. С . . . ть.

~~~~~

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Прощальная Пѣснь.

*(При третьемъ выпускѣ благородныхъ воспитанницъ изъ Училища Женскаго Патріотическаго Общества. *)*

Простимся, милыя подруги!
 Разлуки нашей близокъ часъ;
 Труды, забавы и досуги
 Соединяшь не будешь насъ!
 И мы одно воспоминанье
 О нашихъ радостяхъ возьмемъ;
 Но ихъ, какъ сна очарованье,
 Опять нигдѣ не призовемъ!

*

О Ты, съ Которой мы судьбою
 Въ печальный срокъ разлучены!
 Къ Тебѣ, къ Тебѣ лепимъ душою,
 Опрада, Ангель шишины!

*) Стихи сія пѣты въ послѣдній день публичнаго экзамена 16 ч. Января сего 1826 года. Музыка Г. Миллера.

Мы не Царицу здѣсь встрѣчали,
 Въ Тебѣ мы зрѣли нашу мать,
 Когда къ Тебѣ мы прибѣгали,
 Тебя пѣсняся лобызашь.

*

Опѣ нашихъ ушь шеперь восходишь
 Одна молитва къ Небесамъ:
 Да промысль ихъ хранишь и водишь
 Тебя по всѣмъ Твоимъ пушямъ!
 Покинувъ мирную обитель,
 Твой образъ мы возьмемъ съ собой:
 Онъ будешь намъ руководитель
 Въ нупи до двери гробовой.

*

И вы, копорыя хранили
 Покой безпечныхъ нашихъ дней,
 Съ кемъ мы труды свои любили,
 Какъ игры юности своей!
 Прощальный даръ опѣ насъ примите:
 Любовь и слезы и печаль,
 И какъ дѣшей благословише,
 Въ безвѣстную гошовыхъ даль!

*

Подруги, въ новую дорогу
 Съ надеждой шихою поидемъ!
 Мы жребій свой вручили Богу:
 Пусшь будешь Вѣра намъ вождемъ!
 Въ послѣдній разъ другъ другу руку
 Съ любовью прежней подадимъ,

И неизбѣжную разлуку
Лобзаньемъ дружбы освящимъ.

*

Навѣкъ нашъ связанъ кругъ священной!
У насъ одинъ въ душѣ обѣтъ:
Идши спезею неизмѣнной
При встрѣчѣ благу, при встрѣчѣ бѣдъ,
Какъ по зыблямъ ночной порою,
Одинъ между невѣрныхъ волкъ,
За душеводною звѣздою
Стремится прямо легкой чолнъ.

Плетневъ.

~~~~~

Димитрій Тверской.

Баллада.

До восхода румяной зари пробужденный,
На красивомъ и борзomъ конѣ,
Въ вороненой и пусклой брелѣ,
Князь великій Димитрій, вѣской угнетен-
ный,
По зеленому полю скакалъ:
Ханъ Монгольскій его призывалъ.

*

Онъ одинъ.—Гдѣжь друзья? Гдѣ любимцы—
боляры?—
Всѣ остались въ цвѣтущей Твери:

Имъ ужасны Ордынцевъ мечи *).

—Пускай ѣдетъ нашъ Князь: его звали Га-
шары
Не на судъ, но на пиръ пригласить.—
Такъ друзья про него говорятъ.

*

«Что задумался, Князь?.. или мы сбились съ
дороги?»

(Говорить ему отрокъ его)

Что наморщилъ младое чело?

Что насупилъ свои соболиныя брови?

Зачемъ взоры поникли твои?

Если можно, опкройся, скажи..»

*

—О мой отрокъ молодой! объ отцѣ я меч-
таю:

Онъ погибъ тамъ, въ Ордѣ Золо-
той;

Онъ погибъ дяди злой клеветой.

Врагъ сокрылся въ Ордѣ, но навѣрно я
знаю.

Не къ Узбеку я ѣду въ Орау,

Но незваный явлюся къ нему.

*

Онъ узнаешь меня! Я на камнѣ надгробномъ
Свой, недаромъ, булаву намочилъ,

---

*) Жаль, очень жаль, что здѣсь во многихъ стихахъ
рѣзны несправны.

Я ужасную клятву свершилъ:
 Мститель убійць поклялся опчизнѣ и Богомъ!
 И опмщу!,—Гакъ Князь другу въ-
 щаль,
 И склонивши главу, замолчалъ.

*

Поднялась верховая погода по Волгѣ,
 Зашумѣла сѣдая волна.
 Пригорюнясь, сидить у окна,
 Молчалива, въ шокѣ, въ даль смотря по
 дорогѣ
 На златыл поля и лѣса,
 Одинока, дѣвица—краса.

*

Не голубка въ зеленой дубравѣ воркуешь
 Надъ гнѣздомъ разореннымъ сво-
 имъ—
 По коврамъ злапошканнымъ, дра-
 гимъ
 Безушѣшная дѣва блуждая, шокуетъ
 О любезномъ и миломъ своемъ
 И всечасно льетъ слезы объ немъ.

*

Не орелъ въ облакахъ, увиваясь, летаетъ;
 Не кукушка кукуетъ въ бору—
 Пробудясь на могильномъ холму,
 Вспрепенувшися веронъ, шрану оглашаетъ.
 Прѣзжаетъ Димитрій чрезъ лѣсъ;
 Онъ такъ частъ, что не видно
 небесъ.

*

Быстро вдушь они. У коней подь ногами
Хворостъ ломкй хруститъ и шре-
щипъ.

Князь Димитрій въ раздуми мол-
читъ.

“Не къ добру, не къ добру! воронъ черный
надь нами!

Онъ педаромъ сей часъ прокри-
чалъ!,—

Князь пришпорилъ коня и молчалъ.

*

Кричитъ филинъ въ бору и кукушка куву-
ещъ.

Вдругъ послышался топотъ въ дали,

Каркнулъ воронъ прощивно въ слухи,

Князь вздрогнулъ и сказалъ: “госпъ неждан-
ный къ намъ будешъ!,”

И булать обнажилъ, поскзалъ;

Но булать въ рукъ Княжей дрожалъ.

*

Вдругъ на встрѣчу имъ всадникъ въ бле-
спящемъ доспѣхъ,

На прекрасномъ Ташарскомъ конѣ

И гошевый къ кровавой войнѣ.

Князь Димитрій убійцу узнатъ—и въ пра-
ведномъ гнѣвѣ

“Защидайся!,” ему закричалъ.

“Чшожь шы смолришь? Иль меня
не узналъ?,”

*

“Тамъ въ Ордѣ Золотой оклеветанъ побой
 Мой невинный отецъ и убийцъ!,,
 И мящется убійца, молчишь.
 Обнажаетъ булаву онъ дрожащей рукой,
 И Творца онъ на помощь зоветъ
 И на волю Его онъ себя отдаешь.

*

Не орелъ въ поднебесьи гусей побиваетъ,
 Не на ворона соволя лепишь
 И не буря въ дубровѣ шумишь—
 Князь Димитрій въ убійцѣ коня устрем-
 ляешь.
 Страшно блещутъ сдѣльные мечи.
 Пробудились совы въ глуши.

*

Сыцлютъ искры съ мечей и кровавой ро-
 сою
 Окропилась сухая права.
 Не шумятъ въковыя древа.
 Княжій мечъ заблещалъ надъ преступной
 главою.
 “Полно жишь!,, Князь убійцѣ ска-
 залъ.
 Трупъ безглавый на землю упалъ.

*

Рано всшавъ по утру, молодая супруга
 На высокія стѣны идетъ,
 Изъ Орды шамъ въ безмолвіи ждетъ
 Къ себѣ въ гости Георгія милаго друга.

Вопъ въ Москву его конь прибѣ-
жалъ—
А Георгій добычею врановъ ужь
спалъ.

*

По сынучимъ пескамъ ѣдутъ въ думѣ глу-
бокой
Князь Димитрій въ Златую Орду
На поклонъ ко врагу своему.
“Я убійцу убилъ! Мнѣ опмещишь Ханъ же-
стокой!
Не страшуся я мести его:
Я умру за отца моего!,,

*

Опрокъ вѣрный прещениъ, его умоляетъ:
“Князь мой милый! поѣдемъ назадъ
Въ твой престольный, родитель-
скій градъ!
Не на пиръ Ханъ звалъ насъ: тамъ насъ
смерть ожидаетъ.
Убѣжимъ мы въ Лишву отъ враговъ,
Убѣжимъ отъ мученій, оковъ,,

*

Князь молчалъ и свикалъ, и на друга изирая,
Онъ безмолвно его укорялъ.
Опрокъ въ землю глаза потуплялъ.
Долго ѣдутъ очи. Вопъ Орда Золотая
Показалась при свѣтѣ луны.
И въ селеняхъ горѣли огни.

*

“Полно, отрокъ, грушишь. (Князь сказалъ
въ утѣшенъе)

Возвращайся, коль хочешь, домой
И преснися навѣки со мной.

Ахъ! я кляшвою связанъ, а кляшвъ преспу-
ленъе

Мукъ ужасныхъ спрашнѣй для ме-
ня!

Возвращайся, пускаю тебя.,,

*

—Не назадъ, но въ Орду я побѣду съ побоею—
Опечаленный отрокъ сказалъ.

И Князь друга младого обнялъ.

Прискакали въ Орду—и предъ цѣлой Ордою

Ханъ убійцу убійцы судилъ

И похански его осудилъ!

*

Сшолъ шеремъ въ Твери надъ Тверцою глу-
бокой.

И въ томъ шеремѣ дѣва жила.

Она Князя невѣста была.

И на свадебный пиръ изъ чужбины далекой

Князя юнаго долго ждала..

Но ахъ! тщетна надежда была!

*

Расшворяйте же Божіи храмы, Тверяны!

И сокройте златые вѣнцы!

Собирайшесь къ устью Тверцы,

Собирайшесь, Князя друзья и бояры:

Изъ Орды къ вамъ Ташары идуть
И во гробъ къ вамъ Князя несуть.

А. Шидловскій.

~~~~~

М. В. В.

*На присланную отъ нея вышитую ба-
бочку.*

Ахъ, что за бабочка! Прелестная какая!
Видала много ихъ—но, лучше, никогда!
И шь же въпрены, наскучать, все лешая!
А эта умница на мѣстѣ всегда,
За то и разница межъ ними есть большая!
Чемъ постояннѣе, темъ кажется милѣй:
И знаешь? Во всемъ вы очень сходны съ
ней.

М. Даргомыжская.

~~~~~

Предчувствіе.

Въ тиши, уединень, чуждъ всѣхъ надеждъ,
желаній,
Я съ грустью вспоминалъ блаженство преж-
нихъ дней
И шрепешъ радости и сладость воздыханій.

Что вась мнѣ замѣнишь—твердилъ въ по-
 скѣ своей —
 Безпечной юности, спрасшей, восторга
 льшы? —
 “Ушѣшься!”, — чудилось мнѣ кто-по ошѣ-
 чаль —
 “Ты встрѣшишь взоръ Анеты.,,
 И гласъ таинственный мнѣ счастье пред-
 сказалъ.

Талбовѣ.

— 5 — 6.

~~~~~

Н. Θ. Остолопову.

Сей часъ прочла я поздравленье,
 Что кумъ нашъ общій написалъ
 На прѣшь Ноябра, день вашего рожденья *).
 Тупъ очень много онъ сказалъ;
 Но что всего важнѣй, о помѣ и умолчалъ.
 Повѣлѣваешь ты морями, небесами,
 Богами, мершвецами,
 Все правда, милый кумъ; но это все мечты!
 Все мигомъ можешь испребишься:
 И эти чудеса:
 Моря и небеса
 Не одному тебѣ лишь могутъ покориться.
 А для души швоей

*) См. Календарь Музѣ на 1826 годъ, стр. 120.

Есть что-то во сто разъ милѣй,
И именно: сердца швоихъ друзей,
Которые не на часокъ,
Иль вечерокъ,

Какъ тѣхъ морей написанныя волны,
Но навсегда тебѣ покорны.

Супруги нѣжная любовь
Превыше эпихъ всѣхъ боговъ;
А дружба кума дорогаго

Конечно посильнѣй и демона инаго.

Ишакъ, любезный кумъ,

Дѣлами управляешь одинъ пошребень умъ;

Но бышь хорошимъ другомъ

И нѣжнымъ бышь ошцемъ и вѣрнымъ бышь
супругомъ,

Умѣшь снискашь себѣ друзей,

Нашедши сохранить ихъ чувство—

Вошь главное швое искусство,

И эшо право поважнѣй.

М. Даргомыжская.

**На заданныя слова: лира, два кума,
мои басенки, Аполлонъ, буря, конецъ.**

Не угодноль вамъ, читатели,

Сказокъ, повѣстей, любилели,

Удостоить вашимъ чтеніемъ

Небольшую эшу сказочку.

Я жила въ уединеніи,
 Наслаждалася природою,
 Упѣшалася сѣмьей своей.
 Тамъ почти сосѣдей не было,
 Только жили двѣ красавицы
 И еще два кума добрые,
 Прехорошіе хозяева
 И весьма гостепріимные.
 До умовъ же ихъ намъ нужды нѣтъ,
 И судишь умъ дѣло шрудное,
 Мнѣ ни мало непонятное.
 Лишь скажу, что занимались
 Не поэзіей бездѣльною,
 Но посѣвомъ хлѣба всякаго,
 А въ часы отдохновенія
 Занимались также книжками,
 Не сурьезными, забавными,
 И мои любили басенки.

Кумъ одинъ имѣлъ дочь Юлію,
 Аполлонъ былъ у другаго сынъ —
 Оба милые, прелестные.
 Вошь пеперь, мои чашатели,
 Наша сказка начинается;
 Вы и сами догадались ...
 Ихъ разсудокъ очень молодъ былъ,
 А сердца у нихъ чувствительны.
 Вмѣстѣ жили, вмѣстѣ выросли:
 Свучка много въ дѣтяхъ дѣлаетъ *).

*) Не только въ дѣтяхъ, но даже въ спарикахъ ... Ахъ!
 Изд.

Всѣ ихъ игры и веселости,
 И печали были общія.
 Я не буду вамъ описывать
 Ни прелестной ихъ наружности
 Ни достоинствъ благородныхъ душъ:
 Вы, любезные чинашели,
 Вы романовъ начипались,
 Сказокъ, повѣстей наслушались;
 То себѣ представить можете,
 Что герои этой сказочки
 Быть должны не люди — ангелы.

Вотъ однажды лѣпнымъ вечеромъ
 Аполлону какъ-то вздумалось
 Покашаться на элбошикъ
 Со своей прелестной Юліей:
 Сыну, дочери опказа пѣть,
 Намъ сосѣдямъ спорить нечего —
 Всѣ охотно согласились.
 Аполлонъ, а съ нимъ и Юлія
 Пѣли пѣсенки унылыя,
 Насъ плѣняли вѣжнымъ голосомъ —
 Но не долго веселились:
 Недалеко мы опѣхали,
 Буря сдѣлалась ужасная,
 Наша рѣчка взволновалась
 И элбошикъ пошатнулся вдругъ.
 Мы спаслись кой какъ — но Юлія
 Прямо въ воду и какъ ключъ ко дну!

Не пугайтесь, чинашели!

Аполлонъ плывесть съ ней къ берегу
 И вручаетъ полумертвую
 Ея блѣдному родителю.
 Онъ въ слезахъ къ нему бросается
 И не можешь слова вымолвить.
 Мы стоимъ оцепѣнныя!
 Но конецъ какой счастливѣйшій!
 Отдаетъ онъ руку дочери
 Другу сердца, избавителю!

Лира! лира! все молчала ты!
 Грянь же въ струны сладкозвучныя,
 Пой восторги ихъ сердечныя,
 Пожелай имъ счастья всякаго!

М. Даргомыжская.

~~~~~

Е. Г. М .... вѣй,

когда она въ фантахъ врутивъ мнѣ букетъ цвѣтовъ, просила назвать ее однимъ изъ оныхъ.

По красотѣ и нѣжности судя,
 Васъ должнобъ розою назвать;
 Но роза колется ... и я
 Спѣшу другой цвѣтокъ избрать.
 Какъ къ снами *незабудку* вспомнилъ:
 Она эмблема вашихъ глазъ;

Но голубый сирень напомнилъ,
 Что вы разборчивы подь часъ.
 Мила прекрасная лилея,
 И съ нею можнобъ васъ сравнишь;
 Но лишь сказалъ, и вы краснѣя,
 Ее принудили забыть.
 Какая скромность! Скабіозой
 За это должнобъ васъ назвашь;
 Но скабіозу вмѣстѣ съ розой
 Едвадь возможно съединашь.
 Фіалку вамъ я предлагаю:
 Она за дружбу здѣсь слыветь;
 Свой можжевельникъ вспоминаю
 И вашу сирень съ ума нейдетъ.
 Какъ вѣрный сынъ роземарина,
 Я долженъ истину открытъ:
 Тюльпаномъ можно бы вамъ бытъ,
 Когдабъ не знали: бальзамина —
 Но скромные не тронь — меня
 За всѣ цвѣты сулятъ мнѣ ссоры;
 И шакъ, чтобъ избѣжалъ ихъ я,
 Вы примете названье Флоры. —

24 Генваря 1826.

В. Шлтб.

Голубый сирень разборчивость. Скабіоза скромность. Роза женщина. Можжевельникъ недостатки. Роземаринъ простосердечіе. Тюльпанъ разумъ. Бальзаминъ добродѣтели.

КАШЕМИРОВОЕ ПЛАТЬЕ.

Повѣсть.

Г. Бонифась, шучный гражданинъ Валоньскій, сказалъ однажды Гжѣ Бонифась, своей супругѣ, которой дородство нимало не уступало собственному его дородству: “наконецъ, моя милая, долженъ я открышь тебѣ все, что у меня на сердцѣ: я спрадаю, истинно спрадаю!”, Онъ остановился, взялъ шабакерку, началъ вершѣль ее въ рукахъ; потомъ усѣлся въ большія кресла, сложилъ креслообразно ноги и продолжалъ слѣдующимъ образомъ:

“Да, надобно признаться, что я недоволенъ шобою Гжа Бонифась; ты не имѣешь ни малѣйшаго вниманія къ моимъ склонностямъ, замѣчаніямъ, къ... Туть Гжа Бонифась, вазавшая чулки по другую сторону камина, бросила на мужа презрительный взглядъ, пожала плечами и оцашъ принялась за свою работу.

Г. Бонифась не много смутился ошъ эшаго нѣмага неодобренія дорогой супруги: что бы скрышь свое замѣшашельсш-

во, началъ онъ кашлять; наконецъ преодолѣвъ себя и понизя голосъ, сказала: “да, я недоволенъ, очень недоволенъ споломъ швоимъ, Гжа Бонифась. Прежде пригошворяла шы мнѣ лакомыя блюда, славныя *boeuf á la mode*, жирныя бараньи ноги, индѣйки съ начинкою; а шеперь что я вижу? Какое-шо легонькое пирожное, искрошенную баранину, вѣшчинную похлебку въ мазенькихъ горшечкахъ, а за десертомъ мерянги, пирожки и другія подобныя имъ бездѣлки; опъ эшаго очевидно я похудѣлъ и скоро сдѣлаюсь шѣнью.”

Г. Бонифась, довольный своею рѣчью, копорая по его мнѣнью, была столь прогашельна, хошѣлъ сложить руки свои на груди, но большое его чрево едва позволило ему соединить на ономъ между собою кончики пальцевъ. — Въ семь положеніи, сохраняя съ важносшію молчаніе, ожидалъ онъ отвѣна.

—Надобно имѣть большое терпѣніе! вскричала Гжа Бонифась, покраснѣвъ опъ досады. Слышаны ли когда нибудь подобныя глупости? Я заспавляю шебя умирашь съ голода? Я не умѣю готовить кушанье? Я, я, присовокутила она, шопая

ногою и подпершись руками: смотри пожалуй! Я почитала тебя Г. Бонифасъ не много просповашымъ, но никакъ не ожидала, что бы ты сдѣлался такимъ неблагодарнымъ, такимъ пираномъ, клеветникомъ! —

Слова сіи привели въ трепетъ Г. Бонифасъ. Онъ понурилъ взоры свои, потомъ возвелъ ихъ на грозное лице супруги и сказалъ, запинаясь: “не сердись; мой другъ...не сердись; я говорю просно, что желалъ бы видѣть на нашемъ столѣ кушанья понадежнѣе пѣхъ...”,

—Тѣхъ, копорыя ѣдять всѣ знашныя люди! возразила Гжа Бонифасъ. Спроси у Сюезпты, продолжала она, обратясь къ своей дочери, прекрасной молодой дѣвушкѣ лѣтъ осмнадцати, которая вышивала подлѣ окна: спроси у нея, бывающыли за столомъ у крестной ея мапери, Маркизы Ладонвиль, *du bœuf-à-la-mode*, бараньи ноги и всѣ пѣ грубыя кушанья, о копорыхъ ты говоришь? — Сюезпта улыбнулась и сдѣлала отрицательный знакъ.

“Какая мнѣ нужда до того, что ѣдять у Маркизы, сказалъ Г. Бонифасъ. Развѣ мы люди знашныя и должны подра-

жашь придворнымъ обыкновениямъ? Напримѣръ, продолжалъ онъ, не много поободрясь, могу ли просить тебя Гжа Бонифась, что бы ты приготовила мнѣ цыпленка съ маленькими луковицами? Если это блюдо не бываетъ за споломъ у знатныхъ господъ, то не уже ли долженъ я, по этой причинѣ, никогда не видѣшь его на моемъ?,,

—Цыпленокъ съ маленькими луковицами! воскликнула Гжа Бонифась: фуй! это ужь давно вышло изъ моды. Вошь если бы съ эспрагоновымъ соусомъ, или съ усперсами, такъ пожалуй. Не правдали, Сюзетта?...Но что съ нею сдѣлалось? она какъ мумія! Будешь ли отвѣчать, сударыня? —

“Извините, маменька, съ робостью отвѣчала Сюзетта; я не слыхала васъ, попому что была занята совсемъ другимъ.,,—Опъ всего сердца извиняю, сказала съ неудовольствіемъ Гжа Бонифась: но объ чемъ же ты думала? —

“Ахъ, маменька! я все думала о прекрасномъ кашемировомъ плащѣ, копорое Г. Делонъ подарилъ женѣ своей.,,

—Что говоришь ты? вскричала Гжа

Бонифась, придвигая къ ней свой стуль. Какъ! сосѣдъ нашъ Делонъ, шоргующій сукнами? — “Да, маменька, онъ,, — Боже мой! вскричала Гжа Бонифась; онъ подарилъ кашемировое плащье этой гадкой женщинѣ, кошорая, скажу безъ всякаго хвасповспва, не можешь со мною равняться, а у меня будетъ полько мериносовое!... Г. Бонифась! присовокупила она, смягчивъ голосъ: не уже ли потерпишь ты, что бы жена швоя была унижена передъ женою швоего сосѣда? —

Г. Бонифась расшянулся въ креслахъ, опустилъ руки, и принявъ на себя важный видъ, не отвѣчалъ ни слова.—Послушай жизнь моя, продолжала Гжа Бонифась, нѣжно поглаживая пухлыя щеки своего мужа, не уже ли ты въ соспоаніи будешь видѣшь эту Гжу Делонъ въ кашемировомъ плащѣ, тогда какъ бѣдная швоя жена не имѣеть его? — Г. Бонифась продолжалъ съ важностію молчань, а Гжа Бонифась залилась слезами.

“Ну, ну, сказалъ наконецъ Г. Бонифась расшроганнымъ голосомъ: перестань ребячиться, мой другъ. Охотно бы удовлетворилъ я швоему желанію; но если

сосѣдъ мой дѣлаешь глупости для того только, что бы угодить женѣ своей, но не хочу ему подражать., — Слышишь ли Сюзешша, вскричала Гжа Бонифась, зарывае: слышишь ли, какъ отецъ твой обходится со мною? —

Сюзешша, взявъ за руку расплаканную мать, опошла съ нею нѣсколько шаговъ и что-то сказала ей на ухо. — Какъ, сударыня! ты все еще думаешь объ этомъ молодомъ негодяѣ? — “Молодой негодяй! повпорила со злобною усмѣшкой Сюзешша. Хорошо, маменька! Ни слова болѣе объ немъ опъ меня не услышите. Однакожь знайте, что чрезъ него-то именно могли бы вы получить опъ башюшки въ подарокъ самое лучшее кашемировое плащье.

— Чрезъ него? возразила Гжа Бонифась, съ видомъ презрѣнія: прошу сказать, что можетъ имѣть онъ общаго съ.... —

“Маменька, хладнокровно отвѣчала Сюзешша: если бы не были вы предубѣждены пропиву бѣднаго Алберта, и позволили мнѣ кончить мою рѣчь, то узнали бы какимъ образомъ можетъ онъ быть вамъ полезенъ въ этомъ случаѣ; но

повторяю, что ни слова болѣе объ немъ опъ меня не услышите.,—Сюзепина хотѣла возвратиться на свое мѣсто.

—Ужь не хочешь ли и эта дѣвчонка взбѣсить меня такъ, какъ ея опецъ! вскричала Гжа Бонифасъ, задыхаясь опъ чрезвычайнаго внушренняго движенія. Говори, сударыня!—сказала она дочери, взявъ ее за руку и посадивъ подлѣ себя. —

“Извольте, маменька, я буду говорить, сказала Сюзепина съ печальнымъ видомъ: только съ условіемъ, что бы вы не прерывали меня вашими восклицаніями...Г. Албертъ испинно не заслуживаетъ шѣхъ эписешовъ, которые жалуется вы ему...., —Очень нужно мнѣ знать заслуживаетъ ли эшопъ...эшопъ Г. Албертъ, или не заслуживаетъ мнѣніе, которое я объ немъ имѣю, возразила Гжа Бонифасъ, болѣе и болѣе разгорячаясь: человекъ неспоющій ничего, просный сидѣлецъ, неимѣющій за душою ни одного су, человекъ...но дѣло идешь вовсе не о шомъ, продолжала она гораздо спокойнѣе. Скажи мнѣ, Сюзепина, поскорѣе, какимъ образомъ могу я чрезъ него преклонить двоего опца, что бы онъ купилъ мнѣ кашемировое

плашье, которое, признаюсь, чрезвычайно желаю иметь. —

“Эпошъ сидѣлецъ, эпошъ человекъ, неимѣющій за душою ни одного су, насмѣшливо возразила Сюзешта: пользуетея однако большею довѣренностію, какъ и вамъ это не безызвѣстно. Въ послѣднюю свою поѣздку показалъ онъ сполько усердія и знанія въ своемъ дѣлѣ, что хозяинъ его, удивленный неожиданною прибылью, доставленною ему Албертомъ на прекрасныхъ кашемировыхъ шаляхъ, предославилъ изъ благодарности въ собственную его пользу четвертую часть барыша, который будетъ получать онъ впредь отъ продажи этого шовара, отдавнаго въ совершенное его распоряженіе., — Сюзешта поупила глаза и остановилась.

Далѣе, далѣе — съ неперпѣніемъ вскричала Гжа Бонифась.

“Я увѣрена, маменька, что Г. Албертъ съ удовольствіемъ пожеривуетъ для васъ собственными своими выгодами, когда узнаете, что вамъ угодно имѣть кашемировое плашье, а банюшка не въ состояніи будетъ вамъ отказать, если убѣдитесь, что можете купить его гораз-

до дешевле, чемъ Г. Делонъ, которому онъ столько завидуетъ...»

—Какъ догадлива, какъ умна, какъ мила ты, любезная моя Сюзешта! воскликнула Гжа Бонифасъ съ блистающими отъ радости глазами. Да, ты говоришь правду: отецъ твой сдѣлаетъ мнѣ эпошь подарокъ, если Г. Албертъ дѣйствительно согласится уступить ему дешевле.... Какъ ты думаешь, не пригласить ли намъ къ себѣ обѣдать въ воскресенье эшаго молодого челоуѣка?—Сюзешта улыбнулась и сдѣлала знакъ утвердительный.

Въ продолженіи эшаго разговора Г. Бонифасъ спалъ прекрѣпкимъ сномъ. Мать и дочь продолжали дружески разговаривать, а между тѣмъ, первая часно взглядывала на своего супруга, ожидая съ нетерпѣніемъ его пробужденія. Она не смѣла разбудить его, потому что Г. Бонифасъ всегда сердился, когда прерывали его сонъ. Наконецъ онъ открылъ глаза, началъ зѣвать, сложилъ крестообразно ноги свои, пробормоталъ нѣсколько словъ и потомъ сказалъ довольно явственно: «чувствую аппетита; не пора ли ужинать?»

— Сей часъ, мой другъ, отвечала ласково Гжа Бонифасъ. Повѣрь, что бѣдная твоя жена, копорая столько любитъ тебя, за удовольствіе поспавитъ угождать тебѣ въ малѣйшихъ твоихъ прикопяхъ: за ужиномъ сегодня непременно будешь любимое твое блюдо.—

Такія нѣжности привели въ изумленіе Г. Бонифаса. Онъ думалъ, что видитъ это во снѣ; но крѣпкій поцѣлуй, напечатлѣнный на его челѣ, и дружеское пожатіе руки убѣдили его, что онъ дѣйствительно проснулся.

“Въ самомъ дѣлѣ, ты предобрая жена, Гжа Бонифасъ! сказалъ онъ обрадовавшись. Ахъ! если бы и всегда показывала ты себя такою, если бы всегда угождала мнѣ такимъ образомъ, какъ былъ бы я счастливъ! И ты выиграла бы также со своей стороны, Гжа Бонифасъ: да, увѣряю тебя, что и ты выиграла бы, потому что я сдѣлался бы тогда внимательнѣе, постарался бы взаимно угождать тебѣ.”

Гжа Бонифасъ бросила на Сюзетту выразительный взглядъ. Она поняла его и подойдя къ опцу сказала ему ласково: “пока вы отдыхали, папсенька, мы гово-

рили о тѣхъ кушаньяхъ, которыя вы любите и съ этого времени онѣ будутъ у насъ за споломъ всякой день., Г. Бонифасъ поцѣловаль дочь свою и наградиль ее нѣжною улыбкою.

Сюзешта, помолчавъ нѣсколько минутъ, продолжала съ робосіію: “но какъ огорчена бѣдная моя маменька!”, — При сихъ словахъ Гжа Бонифасъ наклонила голову съ печальнымъ видомъ. “Огорчена?”, спросиль Г. Бонифасъ. “Чемъ? Чшо шакое съ нею сдѣлалось?,”

— Ничего, ничего! возразила Гжа Бонифасъ. Не обращай, мой другъ, вниманія на нескромность этой дѣвочки. “Я хочу непременно знать, въ чемъ дѣло, сказалъ Г. Бонифасъ. Сюзешта! приказываю тебѣ говорить.” — “Мапушка имѣеть причину печалиться: на ея мѣстѣ я была бы огорчена еще болѣе: но она шакъ терпѣлива, шакъ скромна! (Г. Бонифасъ покачалъ головою) она шакъ бережлива, съ живосіію продолжала Сюзешта: шакъ любишь порядокъ и экономію!”, — “Это я очень знаю, прерваль Г. Бонифасъ: но чемъ же огорчена она? Не мучь меня, Сюзешта; скажи скорѣе всю правду.”

“Не уже ли вы не догадываетесь? „ спросила Сюзетта, цѣлуя руку своего отца. — “Ч... меня возьми, говорю тебѣ, что нѣтъ! „ вскричалъ Г. Бонифасъ, выведенный изъ терпѣнія. “И такъ, вотъ что причиною ея горести. Давно уже замѣтила она, что Г. Делонъ во всякомъ случаѣ оказываетъ вамъ пренебреженіе, хочешь надъ вами брать верхъ, спараясь выдавать себя за дворянина, несмотря на то, что онъ еще занимается торговлею, а вы давно уже ее оставили; однимъ словомъ: маменька не можетъ равнодушно сносить того превосходства, которое такъ несправедливо присвоилъ онъ себѣ надъ вами. „

“Неправда! вскричалъ Г. Бонифасъ: онъ не осмѣлился имѣть этой дерзости. „ — “Боже мой! да онъ уже явно показываетъ ее, сказала Сюзетта. Онъ хочешь, что бы жена его одѣвалась такъ точно, какъ одѣваются благородныя дамы нашего города, и для того-то купилъ ей прекрасное кашемировое платье, воображая, что Гжа Делонъ должна быть въ первомъ ряду высшаго гражданства. „

“А, а! такъ это кашемировое платье

стягопишь сердце твоей матери? Съ какимъ искусствомъ довела ты, лукавица, рѣчь свою до такого прекраснаго заключенія! Однако же ты видишь, прибавилъ Г. Бонифасъ съ видомъ самодовольствія, что я не совсемъ таки проспѣ, какъ изволишь думать почтенная твоя маменька. Скажу вамъ обѣимъ въ послѣдній разъ: пущь Г. Делонъ дурачится, сколько ему угодно, я не послѣдую его примѣру.,

— Довольно, Сюзетта, сказала съ тяжелымъ вздохомъ Гжа Бонифасъ: оставь своего отца, пущь дѣлаетъ онъ что хочешь. Можетъ быть ему приятно будетъ видѣть жену свою въ обществѣ на второй степенѣ тогда, какъ Гжа Делонъ будетъ блистать на первой. — Чшо говоришь ты, другъ мой? возразилъ Г. Бонифасъ. Я допущу Гжу Делонъ торжествовать надъ тобой! Нѣтъ, нѣтъ! Но развѣ для этого нужно кашемировое плашье? — “Нужно, папенька, непременно нужно, сказала Сюзетта рѣшительнымъ тономъ. И, чшо значишь для васъ такая издержка? Впрочемъ, продолжала она, понизя голосъ, еспь средство, достать для мапушки кашемировое плашье гораздо дешевле нежели Г. Делонъ купилъ его для жены своей.,

Г. Бонифасъ, казалось, былъ въ нерѣшимости. Сюзетта, между тѣмъ сообщила ему то, что уже было извѣстно, ея мащери — и онъ уступилъ; но во весь вечеръ ворчалъ сквозь зубы: “меня принимаютъ за дурака! Охъ! эти женщины, женщины!”, Гжа Бонифасъ дарила его приятною улыбкою, Сюзетта ласкалась къ нему, и онъ смягчился. Женщины, женщины! Но вы такъ милы и обворожительны, когда ходите что выпросить у мужчины.

Ужинъ прошелъ въ приятнѣйшемъ согласіи: любимое кушанье Г. Бонифаса найдено было превосходнымъ. Съ ч. вшивомъ благодарилъ онъ жену. Это пронудо ее, и она рѣшилась не нарушать даннаго Сюзеттою обѣщанія, что бы всякій день были за столомъ любимыя Г. Бонифасомъ блюда.

На другой же день упромъ куплено было кашемировое плащье. Албертъ, предупреденный Сюзеттою, оказалъ столько услужливости и безкорыстія при семъ случаѣ, что Гжа Бонифасъ удивилась, какъ могла она имѣть невыгодное мнѣніе объ этомъ молодомъ человѣкѣ. При всемъ томъ

она была еще слишком далека отъ мысли, что бы Сюзетта Бонифасъ, единственная дочь и богатая наследница, могла сдѣлаться женою простаго прикащика. Но взаимная любовь молодыхъ людей преодолѣла всѣ затрудненія.

Албертъ показывалъ себя сподоль почтительнымъ и преданнымъ къ Гжѣ Бонифасъ, былъ сподоль внимателенъ къ Г. Бонифасъ, и шакъ угождалъ опцу и матери своей любезной, что наконецъ спдали они ему полную справедливость, и черезъ при мѣсяца, Сюзетта вышла замужъ за Алберта.

“Ахъ, маменька! сказала она Гжѣ Бонифасъ наканунѣ свадьбы: сдѣлайте милость, надѣньте на себя завтра, когда пойдемъ въ церковь, кашемировое плашье, кошорому обязана я моимъ благополучіемъ., *)

~~~~~

*) Изъ Pavillon chinois ou contes et opuscules de ma vieille tante, par Mad Louise***, auteur d' Eugénie et Virginia. Paris. 1825.

Анекдоты.

1.

Гаррикъ и знаменитый фигляръ Веспонъ, прогуливаясь однажды въ Лондонѣ, встрѣшились съ двумя шрубочистами. Одинъ изъ нихъ, узнавъ актеровъ, сказалъ своему товарищу, оскаля зубы: *a! a! Hoмедіанты!*—“Яковъ, возразилъ, ему другой очень серьезно, не смѣйся надъ ними: не знаешь еще, чемъ самъ будешь.”—Гаррикъ рассказывалъ часто эшотъ анекдотъ.

2.

До Карла II не было на Лондонскомъ театрѣ женщины. Роли ихъ играли мужчины, и для эшого выбирали самыхъ молодыхъ. Однажды Король приѣхалъ въ театръ ранѣе обыкновеннаго. Захваченные шакимъ образомъ въ расплохъ актеры по неволѣ заставили себя дожидаться Король, недовольный шакою медленностію, велѣлъ позвать къ себѣ Директора. Не находя другаго средства получить отъ Короля прощеніе, какъ только разсмѣшить его, Директоръ съ пренизкимъ поклономъ и самымъ почтительнымъ шономъ сказалъ ему: “Государь! Принцесса всенижайше проситъ

Ваше Величество дасть ей время обрить себѣ бороду.,—Король засмѣялся и не сдѣлалъ даже ни малѣйшаго выговора.

3.

Пожилой Англичанинъ, съ небольшимъ осмидесяти лѣтъ, рѣшился жениться на осмнадцатилѣтней дѣвицѣ. Когда вошелъ онъ съ нею въ церковь и хотѣлъ просить священника, что бы тотъ обвѣнчалъ ихъ, сей послѣдній предупредилъ его и сказалъ ему: «кунеть стоишь на другой сторонѣ церкви., — А что дѣлать мнѣ у купели? спросилъ женихъ съ неудовольствіемъ. — «Извините, я думалъ, что вы хотите окрестить эту молодую дѣвицу.,»

4.

Какой-то проповѣдникъ говорилъ обыкновенно проповѣди каждое воскресенье, а въ остальные дни недѣли не бывалъ въ церковь. — «Эпошь человекъ, сказалъ одинъ шупникъ: шесть дней въ недѣлѣ *невидилѣ*, а въ *седьмой непонятенѣ*.,»

5.

N. N. во время спектакля въ партерѣ почувствовалъ движеніе около своихъ кармановъ. Опасаясь, что бы не вынули у него золотой шабакерки, опустилъ онъ руку

въ карманъ и нашель его порожнимъ. Подлѣ него стоялъ человекъ весьма подозрительнаго вида, котораго не трудно было признашь за вора. *N. N.* схватилъ его за руку и сказалъ ему на ухо: “ты, приятель, спроворилъ мою шабакерку; сію же минушу отдай мнѣ ее назадъ, а не то я дамъ знашь полиціи., — Не погубите меня, отвѣчалъ трепещущій воръ: правда, я взялъ вашу шабакерку; но сдѣлайте милосердіе, выньте сами ее изъ моего кармана, что бы другіе не замѣтили.—*N. N.* согласился на это; но лишь только началъ онъ шарить въ карманѣ мощенника, какъ пошъ схватилъ его за руку и закричалъ: *воры!* Какъ не повѣришь ему, когда увидѣли, что рука *N. N.* дѣйствительно была въ карманѣ незнакомца. Полиція немедленно явилась на крикъ и схватила бѣднаго *N. N.*, попавшагося въ оцлощность ошъ излишней снисходительности. Однако же эта хитрость не спасла плуша; его уличили, и препроводили изъ театра въ шюрму.

6.

Нѣкто имѣлъ брата ханжу и сказалъ однажды объ немъ въ обществѣ: братъ мой сдѣлался удивительно какъ набоженъ.—“Да, да, подхватилъ одинъ изъ его знакомыхъ: всегда молишь Богу онъ, когда на него смотришь.,,

БЛАГОНАМЪВРЕННЫЙ.

1826 — N° V.

Гжа ДЕ ВИЛЬЕТЪ, ИЛИ ВОСПОМИНАНІЕ
О ВОЛЬТЕРѢ.

*(Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ Гжи
Морганъ.)*

“Занимаюсь теперь,—говорить Вольперъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Даллабершу—“обращеніемъ Г. де Вильета, “копорого я заставилъ вснупить въ самое выгоднѣйшее для него обязашельство. Въ моей (Фернейской хижинѣ сочепался онъ съ дѣвицею, копорой все “приданое соспоишь въ добродѣтели, въ “умѣ, въ невинности, въ чувспвишельности; въ необыкновенной красотѣ и въ “благороднѣйшемъ видѣ — все это въ 19 “лѣшь!,,

Трудно выразишь удовольспвіе, когда оригиналь этого прелестнаго поршреша, Маркиза де Вильеть, знаменишая *belle et bonne* Вольперова удоспоила меня своимъ посѣщеніемъ. Быспро пролешѣвшіе годы,

поперя нѣжно любимой дочери, нѣкоторыя другія обстоятельство, неблагопріятныя наружнымъ прелестямъ, уменьшили чрезвычайную красоту Гжи де Вильепъ, доставившую ей первый личный эпитетъ Вольперовъ; но если судить по ея добродушію, по вниманію, которымъ удостоивала она меня во время пребыванія моего въ Парижѣ: то Гжа де Вильепъ имѣеть полное право на второе наименованіе. Ея природное, рѣдкое добродушіе, доставило мнѣ множество удовольствій, между которыми самое совершеннѣйшее было прогашельное ея воспоминаніе о знамении своемъ покровителѣ.

Умъ, память, разговоръ, самое жилище Гжи де Вильепъ, все у нея напоминаетъ о Вольперѣ. Онъ безпрестанно занимаетъ ея мысли, и удивленіемъ блистательному его таланту и его произведеніямъ всего вѣрнѣе и легче снискаетъ ея къ себѣ благорасположеніе.

Хотя происхожденіе ея благородно, но она гордится бытъ въ числѣ тѣхъ, которые извлечены изъ неизвѣстности его благопворительностию и обязаны ему всемъ своимъ счастьемъ. Фамилія Гари-

куръ изъ провинціи Гець, близъ Женевы, издавна оплчилась на военномъ поприщѣ во Франціи. Г. Варикуръ, опецъ Гжи де Вильельъ, при самомъ ограниченномъ со-сподніи, имѣлъ у себя многочисленное сѣмейство. Онъ былъ другомъ и сосѣдомъ Вольпера, который принялъ къ себѣ вмѣсто дочери *прекрасную и добрую* сущія малое время послѣ оказаннаго имъ пособія Корнелевой внукѣ.

Вскорѣ послѣ того Вольперъ выдалъ замужъ дѣвицу Варикуръ за своего искреннаго друга, оспроумнаго Маркиза де Вильельъ, въ домѣ и объявляхъ котораго онъ и скончался *).

*) “Въ домѣ Маркиза де Вильельъ остановился онъ съ Гжею Денисъ, что бы не разлучаться со своею *прекрасною и доброю*. Тамъ занимаешь онъ комнату, болѣе похожую на храмъ роскоши, нежели на святилище Музы., — *Историческія записки Барона Гримма.*

По кончинѣ своего супруга Маркиза вышла изъ этого дома и жила съ шѣхъ поръ попеременно то въ другомъ своемъ домѣ на Воригардской улицѣ, то въ замкѣ де Вильельъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Парижа.

Со дня приѣзда въ Парижъ Гжи де Вильепъ въ домъ ея спали собираются люди знаменитые своимъ достоинствомъ и дарованіями. И теперь еще домъ Вильепъ принадлежитъ къ числу достопримѣчательнѣйшихъ предметовъ, привлекающихъ вниманіе иностранца въ семь обширномъ городѣ.

Комнаты, занимаемая обыкновенно Гжею де Вильепъ, сушь, пакъ сказала, храмъ, посвященный памяти Вольтера. Библиотека украшена его произведеніями; въ коншоркѣ хранятся его собственноручныя письма; кресла его поставлены у камина; на цульшипрѣ, искусно придѣланномъ къ ихъ ручкѣ, читалъ и писалъ онъ въ продолженіи послѣднихъ двадцати лѣтъ своей жизни. Бюстъ его изъ Севрскаго фарфора, о которомъ упоминаетъ онъ въ своихъ письмахъ къ Даламбершу *) и

Замокъ сей уступила она единственному своему сыну, который владѣетъ большею частью наследственнаго имѣнія, нѣсколько поперитѣльнаго отъ революціи.

*) "Безобразная фигура, которую хочешь избаять Пигаль подъ вашимъ надзо-

который сдѣланъ былъ собственно для Короля Прусскаго, украшаесть каминъ: въ углу комнаты модель знаменитой статуи Пигаля *), а на стѣнѣ портретъ, писанный Ларжильеромъ, и другой, гравированный Барье. Представляя сей послѣдній нынѣшней его обладательницѣ, Вольтеръ написалъ слѣдующіе стихи:

Barier grava ces traits destinés pour vos yeux;
 Avec quelque plaisir daignez les reconnaître:
 Les vôtres dans mon coeur furent gravés bien
 mieux;
 Mais ce fut par un plus grand maître.

ромъ, вовсе не годился. Скажите, прошу васъ, вашему Фидію, что бы онъ лучше придержался небольшой фарфоровой статуи сдѣланной въ Севрѣ.,—*Переписка Вольтера.*

*) "Vaus savez que dans ma retraite,
 Aujourd'hui Phidias Pigal
 A dessiné l'original
 De mon vieux et maigre squelette.

Пигаль представлялъ меня какъ бы говорящимъ и мыслящимъ; онъ столько же добръ, сколько славенъ своимъ искусствомъ; это простота истиннаго генія.,—*Переписка Вольтера.*

Собирая около себя памятники, воздвигнутые гением знаменитому ея другу, Гжа де Вильепъ сохранила еще нѣсколько вещей, болѣе обыкновенныхъ, но уважаемыхъ ею не менѣе портрета Ларжильерова и Цигалевой шляпу по чувству, свойственному только женщиѣ, которое заставляешь цѣнить дорого все, освященное прикосновеніемъ любимаго предмета. У нея хранился въ шкапу богатый шлафрокъ, который надѣвалъ Вольперъ, принимая шолпу, приходившую къ нему на поклоненіе въ домъ Г. де Вильепъ, и плащъ, бывшее на немъ во время спектакля, когда возложенъ былъ на его бюстъ Гжею Клеронъ лавровый вѣнокъ при громкихъ рукоплесканіяхъ зрителей.

Мнѣ было позволено разглядѣть всѣ эти рѣдкости и не только прочесть, но даже списать нѣсколько собственноручныхъ писемъ Вольпера, нигдѣ еще не напечатанныхъ *). Видя мое удовольствіе

*) Въ числѣ сихъ писемъ показались мнѣ любопытными два слѣдующія: первое какъ, изображающее домашній характеръ Вольпера и его совершенное добродушіе; второе,

при полученіи споль лестнаго для меня опличія, Гжа де Вильепъ рѣшилась сдѣлать нѣкотораго рода поминовеніе Вольтеру. При семъ случаѣ открыла она всѣ свои сокровища и пригласила къ себѣ всѣхъ находившихся еще въ живыхъ друзей и современниковъ Фернейскаго фило-

бывшее, по мнѣнію Гжи де Вильепъ, послѣднимъ его письмомъ. Впрочемъ ей неизвѣстно, предшествовало ли, или послѣдовало оно извѣстной его запискѣ къ Графу Лалли Толендалю.

№ I. Письмо къ Г. Карбо, управителю Вольтера.

Поручаю Г. Карбо непременно привести въ порядокъ домашнія дѣла плотника Майена, который работаетъ для меня въ Шателарѣ. Сказать ему, что бы онъ работалъ, не напивался допьяна и не колошилъ своей жены. Если онъ не спанетъ исправлять своей должности, по съ нимъ будетъ раздѣлка. — На досугъ съѣздите въ Ермишажъ; осмотрите тамошнія луга и поля. Каковы спада? Во всемъ мнѣ дашь опчетъ. Я останусь вамъ очень благодарнымъ. *Вольтеръ.*

софа. Празднество *cie* (*dejeuner á la fourchette*) было уже слишкомъ во Французскомъ вкусѣ. Книги, рукописи, гардеробъ Вольтера, все было шуть разложено. Бюстъ Вольтера украшенъ былъ темъ самымъ вѣнкомъ, копорый онъ *по скромности* сложилъ со своего чела, увѣчаннаго удивленными соотечественниками. Прочли громогласно превосходную оду Шенье Вольтеру и слушали ее съ восторгомъ, свойственнымъ однимъ полько пылкимъ Французамъ.

Все, что ни находилось въ комнашѣ, гдѣ совершалось *cie* празднество, привлекало вниманіе и напоминало событія, относящіяся къ тому, копорого память торжествовалась. — “Когда возложили въ шапръ на бюстъ Вольтера лавровый вѣнокъ, сказала намъ Гжа де Вильепъ: и когда его поднесли ему въ ложѣ, онъ снялъ его со скромностію и шепнулъ мнѣ: *je mets sur les roses*. Но всѣ зрители поднялись со своихъ мѣстъ и потребовали, что бы я возложила снова на него вѣнокъ, что и исполнила я при продолжительныхъ рукоплесканіяхъ.,,

Ларжильеръ списалъ поршреть съ

Вольшера, когда было ему только двадцать три года. Прекрасный эпопъ портретъ служилъ доказательствомъ, что свѣтъ не произвелъ еще тогда своего впечатлѣнія на сіи черты, въ которыхъ вовсе непримѣнно сего ума, столько колкаго и неслѣпливаго въ послѣдствіи. Живость и оспроша, замѣчаемая въ его прекрасныхъ, черныхъ глазахъ, напоминають забавнаго шалуна. Это необыкновенный, легковѣрный, молодой человекъ; не видно сихъ крѣпко обозначенныхъ чертъ, сихъ оспрыхъ угловъ, обнаруживавшихъ его преклонныя лѣта и необыкновенный его умъ.

“Вольшерь, сказалъ Маркизь ***, одинъ изъ его друзей, съ нами бывшихъ: Вольшерь получилъ обратно, за нѣсколько недѣль передъ смертію эпопъ портретъ, котораго не видалъ съ самаго почти того времени, какъ онъ былъ съ него списанъ. Эпопъ портретъ назначень былъ

№ 2. Гжѣ Сенъ-Жюльень.

Мнѣ очень извѣстны мои желанія; но я не знаю, что со мною будетъ. Съ головы до ногъ весь я хвораю. Одно только сердце здорово. *Вольтеръ.*

предмету первой его и самой пылкой спрасни, á la belle Philis, бывшей въ послѣдствіи Гжею Гувернешь, (пой самой, кошорой Вольшеръ написалъ одно изъ лучшихъ своихъ посланій, извѣстное *Ты и Вы.*,,

“Черезъ шесшдесять лѣтъ послѣ того извѣстился онъ, по прибытіи въ Парижъ, что *Филида* была еще въ живыхъ. Онъ попросилъ у нея позволенія посѣпить еѣ, и когда они увидѣлись, по нѣскольکو минушь не могли оба опъ удивленія выговорить ни одного слова. *Филида*, нѣкогда *des ses graces seules ornée*, теперь въ девяносто лѣтъ казалась Эндорскою волшебницею; и примѣчая въ покрытомъ морщинами лицѣ своего любезнаго ужасное дѣйствіе времени, забыла, казалось, одинакову перемѣну, съ нею самою происшедшую.,,

“Когда Вольшеръ оправился опъ перваго волненія, взоры его остановились на портретѣ прекраснаго молодаго человека, на который время опъ времени взглядывала Гжа Гувернешь. — “Вошь, сказала она ему, портретъ молодаго Аруеша, обезсмертившаго меня въ своемъ посланіи: *Ты и Вы.*,, — Вольшеръ шопчасъ попро-

силъ его для Госпожи де Вильепъ. — “Съ сей минушы онъ мнѣ болѣе уже не принадлежишь,, — ои вѣчала Гжа Гувернеть — и вечеромъ того же самаго дня опослала его къ прекрасной и доброй.

“Помню, присовокупилъ Маркизь, что я видѣлъ Вольпера вечеромъ послѣ этого грустнаго посѣщенія. Оно сильно подѣйствовало на его веселость. — “Я переплылъ воды Спикса,, сказалъ онъ мнѣ, и попомъ прибавилъ съ легкой улыбкою: “однакожь не шакъ-то много поговорили мы другъ съ другомъ!,,

Аббатъ де *** рассказалъ намъ другой, но несравненно забавнѣе прежняго анекдотъ объ маленькомъ, миниатюрномъ поршреть Вольпера въ перспить, кошорый подарилъ онъ прелестной Гжѣ дю Шампель и кошорый опкрывался посредствомъ шайной пружины.

Когда скончалась Гжа дю Шампель, Вольперъ въ первомъ движеніи скорби имѣлъ съ ея супругомъ свиданіе, разпрогавшее чрезвычайно ихъ обоихъ. Онъ опважился пошребовать обраино свой перспень. — “Вамъ не безызвѣстно, сказалъ опечаленный любовникъ опчаянному су-

пругу: дружество, между нами существовавшее, и вы знаете, можетъ быть, что въ эпюмъ перспнѣ, котораго никогда не снимала она, находился мой порпретъ.,,

— Я былъ свидѣтелемъ вашего дружества, отвѣчала Маркизь дю Шаплетъ: и знаю перспень, о которомъ вы говорите. Дѣйствительно никогда не снимала его она; но скажете ли вамъ всю правду: не вашъ порпретъ въ немъ, а мой. — Слезы, струившіяся изъ глазъ Вольпера, мгновенно остановились; онъ потребовалъ однако доказательствъ споль неожиданной измѣны прошиву дружбы и любви. Принесли перспень, подавили шайную пружинку и увидѣли порпретъ ... молодаго и храбраго Сен-Ламберта, во всемъ блескѣ юности и воинскихъ опличій!—Философъ закрылъ перспень и съ тяжельмъ вздохомъ опдалъ его опчаянному супругу.

Сие поржественное воспоминаніе о Вольперѣ было самымъ приятнѣйшимъ упромъ, проведеннымъ мною въ Парижѣ. Это дружеское, липпературное поржество соединило шѣсною цѣпью настоящее съ прошеднимъ и предспавило мнѣ съ самой лучшей спороны характерь

Французовъ , чувствующихъ въ высочайшей степени превосходство гения, вѣрныхъ и преданныхъ обязанностямъ и воспоминаніямъ дружбы, одаренныхъ самою блистательною веселостію и глубочайшею чувствительностію, гордящихся талантами своихъ соотечественниковъ, какъ бы собственною своею славою, образованныхъ, вѣжливыхъ, спрасныхъ къ наукамъ и искусствамъ.,,

Б.

ПРИСТРАСТНАЯ ЛЮБОВЬ.

Повѣств. Г. Були.

Материнская любовь есть дѣйствіе души самое пылкое и непорочное; она существуетъ какъ между дикарями, такъ и у просвѣщенныхъ народовъ, укрощаетъ лютейшихъ животныхъ, ободряетъ самыхъ робкихъ и распространяетъ власть свою на все то, что получило жизнь и право давать ее.

Всѣ вѣки и исповѣданія открываютъ намъ въ своихъ твореніяхъ и памятникахъ искусство изображеніе этого превосходнаго чувства и похвалу оному.

Войдемъ въ Музеумъ. Взоры наши невольно остановяшся на удивительномъ зрѣлищѣ попопа, гдѣ Пуссенъ приводилъ намъ на память послѣднее усиліе маперы, которая упоая, ни о чемъ болѣе не думаешь, какъ только о спасеніи своего новорожденнаго. Изъ многихъ произведеній Рубенса наиболѣе поражаетъ насъ очаровательное смѣшеніе спраданія и радости на лицѣ Медицисы, производящей на свѣтъ наследника Генриха IV. Кпо, разсмапривая превосходную карпину: *избіеніе младенцевъ*, не захопѣлъ бы помочь рыдающимъ маперямъ въ освобожденіи изъ подъ сѣкиры палача нѣжныхъ плодовъ ихъ любви? Надобно имѣть весь геній Рафаеля, что бы изобразить въ одно время усилія, испуленіе, опчаяніе и ужасную поску сего священнаго, маперинскаго чувства.

Если мы присуписываемъ при зрѣлищахъ Мельпомены, то какія лица сильнѣе поражаютъ наше воображеніе, краснорѣчивѣе говорятъ нашему сердцу? — Андромаха, жертвующая для юнаго еще Аспіанакса шрауромъ своимъ и любовію къ мерпвому его родителю; Метропа, которая у ногъ убійцы своего супруга,

умоляешь его о спасеніи Эгисста; Кли-
шемнестра, презирающая Царя Царей
и ярость Грековъ, что бы овлечь опъ
жертвенника милую свою Ифигенію.

Послушаемъ теперь путешественни-
ковъ и натуралистовъ. Любопытные и изъ-
нищельные ихъ рассказы о томъ, что лю-
бовь маперинская внушаетъ во всѣхъ жи-
вотныхъ, не менѣе будутъ для насъ занима-
тельны. Тамъ двушпробка, не въ состоя-
ніи будучи ни на минуту расстаться со
своими дѣтьми, презираетъ стрѣлу охот-
ника, что бы вдругъ перенесли ихъ въ
самую непроницаемую чащу лѣса. Здѣсь
пеликанъ разклеываетъ себѣ на груди
широкую рану, для напоенія птенцовъ
своихъ чистѣйшею изъ нея кровію. Въ
другомъ мѣстѣ изумленная, встревожен-
ная медвѣдица уже нѣсколько дней ли-
жетъ грубую, мохнатую кожу своего
медвѣженка и до тѣхъ поръ предлага-
етъ ему сосцы свои, пока не убѣдится
совершенно, что уже престала быть
матерью: тогда испускаетъ она продол-
жительный ревъ и валяется по землѣ.
Наконецъ дикая, робкая куропапка под-
вергаетъ себя алчной пастби охотничьей

собаки, что бы дѣлать своимъ дать время укрыться отъ смерти. Я бы не кончилъ, если бы вздумалъ описать здѣсь всѣ превосходныя и прегрешельныя черты материнской любви.

И славнѣйшіе наши поэты, почти всѣ воспѣвали это неизмѣняемое чувство. Дѣлать тогда только истинно вдохновенъ, когда говоришь о своей матери. Дюссисъ, въ припадкахъ и меланхолическихъ своихъ спикахъ, описываетъ священные права надъ нашими сердцами той, отъ копорой получили мы жизнь. Парни, Легуве, Мильвуа посвящали ему гармоническія свои пѣснопѣнія. А между краснорѣчивыми нашими прозаиками, Жанъ-Жакъ Руссо, Рейналь, Бернарденъ Сень-Пьеръ и Шапобрианъ восхищаютъ насъ, приводя въ умиленіе, когда описываютъ заботливоспъ, терпѣніе, мужество, героизмъ и неиспоцимую материнскую любовь. Можно ли читать, не бывъ пронутымъ, смерть Юліи Вольмаръ, копорая ласкаетъ младенца, споившаго ей жизни? Какъ не пожалѣть, въ Философической Испоріи, Кападіанку, копорая орошая могилу своего сына молокомъ, дол-

женспвовавшемъ кормишь его, думаешь чрезъ шо воскресишь его! Какъ удержишь слезы въ шу минуту, когда Гжа Лашуръ разлучается съ милою своею Виргинією? Какъ наконецъ, не чувствовашь глубокаго душевнаго движенія при чтеніи въ *Духъ Христіанства* трогательнаго повѣспвованія о погребеніи одного молодого Индѣйца, когда опчаянная его мать, повѣся на кленовые сучья, украшенные цвѣпями, останки своего сына, обращаешь къ нему громогласно слова сіи, проникающія до глубины сердца: “милая, прелестная душа!...ты получила жизнь опъ одного поцѣлуя опца швоего на моихъ уснахъ ... а мои поцѣлуи не имѣють силы дать тебѣ вторичнаго сущеспвованія!...”

Кто однакожь подумаетъ, что эта столь чистая и благодѣпельная любовь, эта первая пища жизни, которая уподобляясь небесной маннѣ, должна быть равно распредѣляема между смертными, и копорой самыя живошныя не дѣлають неравнаго раздѣла, производить во многихъ маперяхъ сѣмейшва ужасное приспращіе, гибельный источникъ неопврапимыхъ золь?

Желаю, чго бы слѣдующій, истинный анекдотъ предохраниль нѣжныхъ и благоразумныхъ машерей отъ приспраспія, которое будучи шайнымъ, производить въ нихъ почти ежеминушную, прудную, мучительную борьбу, а обнаружась совершенно, разрушаетъ согласіе сѣмействъ и дѣлаешь, почти всегда, несчастными предпочитаемыхъ ими дѣтей.

Гжа Моншкаръ вышедъ замужъ за Реншмейстера, была уже въ осмнадцать лѣтъ машерью двоихъ сыновей. Слабость ея здоровья не позволила ей кормить ихъ своею грудью. Напрасно желала она исполнить первую и пріятнѣйшую обязанность: она должна была уступить мнѣнію свѣдущихъ людей и убѣжденію своего супруга; который обожалъ ее и не хотѣлъ, чго бы она подвергалась безпокойствамъ матери-кормилицы. Карлъ и Юлій Моншкарки (первый годомъ старше своего брата) имѣли у себя кормилицею добрую креспьянку, которая съ молокомъ своимъ, казалось, передала имъ крѣпкое свое сложеніе и веселый нравъ.

Воспитываясь вмѣстѣ, въ счастливомъ согласіи вкусовъ, чувствованій и

первыхъ привычекъ, испытали они шу приятную симпатію, которая укрѣпляеть священные узы природы.—Ничего не было прогашельнѣе, какъ видѣть двухлѣтняго Карла, когда поддерживалъ онъ Юлія, водимаго еще на помочахъ, и подносилъ ему ко рту сладкіе пирожки и конфекты. Игры ихъ были всегда общія; улыбка одного производила въ другомъ смѣхъ, а если у одного навершывались на глазахъ слезы, то другой уже плакалъ. Многіе почивали ихъ за близнецовъ, которые не могли бытъ одинъ безъ другаго. — Карль и Юлій были еще въ первомъ дѣтствѣ, когда Гжа Моншкаръ надѣялась сдѣлаться матерью въ третій разъ.

По своенравію ли случая, или по дѣйствію преждевременнаго приспращія, она была столько же весела и такъ легко носила новое бремя, сколько была печальна и нездорова во время первыхъ двухъ беременностей. Она не могла скрыть отъ своего супруга сильнаго желанія самой кормить младенца, который долженъ былъ родиться подъ столько счастливымъ предзнаменованіемъ.—“Не совѣшую, другъ мой, сказалъ ей Моншкаръ:

когда уже лишена ты была удовольствія кормить сама двухъ спаршихъ сыновей, по прошивъ воли своей увлечешься предпочтениемъ къ своему питомцу и напрасно будешь спараться скрывать это; ты сдѣлаешься жертвою безпреспанныхъ бореній самой съ собою, и любовь мадеринская будетъ для тебя однимъ только мучениемъ.,,

Гжа Монпкаръ, казалось, хопѣла послѣдовавъ столь благоразумному совѣту и оставитъ прежнее свое намѣреніе, какъ вскорѣ послѣ этого сдѣлали въ Музеумѣ выспавку новыхъ произведеній Французской школы. Живопись была самымъ любимымъ искусствомъ этой женщины. Немедленно опсправилась она посмопрѣшь лучшія новыя произведенія, и лишь только вошла въ Музеумъ, по взоры ея поразила прелестная картина дѣвицы Лоримье, представляющая юную поселанку-мать, копорая съ сожалѣніемъ и зависію смонришь на козу, питающую молокомъ своимъ маленькаго козленка. Все это шакъ живо, шакъ хорошо было изображено, что Гжа Монпкаръ содрогнулась и впайнѣ рѣшилась воспользоваться урокомъ, дан-

нымъ ей прелесною карпиною. Наступило время ея родовъ, а между темъ Г. Моншкаръ, въ качествѣ Рекетмейстера, долженъ былъ опсправиться во многіе Департаменты, опустошенные ужасами войны, и дѣлать опъ имени Монарха пособіе разореннымъ жишелямъ. Незадолго до счастливаго событія, котораго Гжа Моншкаръ ожидала съ такимъ нетерпѣніемъ, оставилъ онъ Парижъ, сожалья, что не можетъ оказать ей попеченій супружеской любви.

Вскорѣ послѣ его отъѣзда родился прешій сынъ, котораго назвали Эдуардомъ. Разрѣшеніе опъ бремени Гжи Моншкаръ сопровождалось легкою болью. — “Милый младенецъ! воскликнула она, прижавъ его къ своему сердцу: какъ дешево плачу я за счастье, что дала тебѣ жизнь!”, Подошла кормилица и хотѣла взять изъ рукъ матери новорожденнаго; но она, со сверкающими глазами, вскричала угрожающимъ и вмѣстѣ повелительнымъ голосомъ: “нѣтъ, нѣтъ! много должно будетъ мнѣ перенести; и такъ какъ мужъ мой теперь въ отсутствіи, то я воспользуюсь хоть эшимъ случаемъ и послѣдую непре-

одолимой склонности, меня увлекающей... — Сказавъ это, поднесла она къ грудямъ своимъ младенца и узнала наконецъ весь восторгъ материнской любви. Г. Монпкаръ не замедлилъ возвратиться. Увидя, какимъ безпокойствамъ и заботамъ подвергала она себя, онъ ужаснулся было; но вскорѣ замѣпивъ, что здоровье ея и Эдуарда укрѣплялось болѣе и болѣе, не спалъ дѣлашь ей нисколько упрековъ и удовольствовался только тѣмъ, что еще въ послѣдній разъ повспоришь прежнее свое опасеніе на счетъ пристрастной, материнской любви.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Всѣ братья одарены были почти одинакими силами и одинакими способностями. Они пользовались подарками и ласками своихъ родителей такъ, что ни малѣйшее предпочтеніе не могло возбудить между ими никакой гибельной зависти, которая въ юныхъ, невинныхъ душахъ укореняется, подобно ядовитому растенію въ землѣ, вновь обработанной. Гжа Монпкаръ, находясь всегда подъ наблюдениемъ своего супруга и желая доказать ему, что разсудительная женщина можетъ предохранить себя отъ ма-

мэринскаго приспрасшя, съ такою оспорожносною скрывала особенную любовь свою къ Эдуарду, что даже ласкала его менѣе, нежели его брашьевъ. Эдуардъ замѣнилъ это; замѣнилъ еще, что когда при Карлѣ и Юлии ласкался онъ къ ней съ необыкновенною нѣжносною, то ей было это неприятно—что она чувствовала какое-то спраданіе и даже иногда опшпалкивала его опъ своей груди. Машеринская оспорожносно нечувствительно поселила въ немъ робосно: замѣшательство ея приписывалъ онъ ея холодносно и это привело его въ такую горосно, что наконецъ онъ опасно занемогъ. Бѣдная, опчаянная мать не опходила опъ поспели умирающаго, любимаго ея сына; она хотѣла оживить его своими поцѣлуями и жаромъ живошворнаго своего дыханія. Однажды, въ бреду, у больнаго ребенка вырвались слѣдующія слова: “она не любитъ меня...меня, котораго кормила своимъ молокомъ!”, Эти слова опкрыли глаза Гжѣ Монпкаръ. Она обѣщала возвращить ему шѣ ласки, которыхъ лишила его, и даже вывести его изъ заблужденія, когда онъ будетъ внѣ опасности ... Эдуардъ на-

чалъ выздоравливать. Однажды, когда лежалъ онъ на софѣ въ гостиной, вошла пуда Гжа Моншкаръ и думая, что онъ покоишься глубокимъ сномъ, заперла всѣ двери, тихонько сѣла на стулъ подлѣ софы и въ молчаніи спала разсмапривать прелестное его лице, на которомъ изображалось благошворное спокойствіе. Потомъ придвинула къ софѣ стулъ свой, оспорожно взяла руку любимаго сына, начала цѣловать ее и омывать слезами... “Сія спокойно, милое дитя! сказала она тихимъ голосомъ: ты не знаешь, сколько дорогъ ты мнѣ... слова, которыя прошивъ воли своей выговорилъ ты въ бреду и которыя разперзали материнское мое сердце, дали мнѣ знать, увы! слишкомъ поздно, что ты сомнѣваешься въ моей нѣжности: Оказываемое мною безпокойство и тайная борьба самой съ собою произвели это гибельное заблужденіе, и такимъ-то образомъ чрезмѣрная любовь моя едва не стоила тебѣ жизни.,—Эдуардъ, не въ состояніи будучи преодольтъ сильнаго душевнаго движенія и стараясь скрыть наворачувшіяся у него на глазахъ слезы, ошворопился опъ мащери. Гжа Моншкаръ,

думая, что онъ опять заснулъ, продолжала: “Бѣдное дитя! какъ много заспавила я тебя спрадашь!...но я постараюсь вознаградишь тебя за нѣ лишенія, которыя стоили мнѣ болѣе, нежели самому тебѣ... О, сынъ мой! любезный сынъ! небо просило меня, пошому что оно услышало мои моленія; простишь ли и ты меня?... “Да, маменька! вскричалъ онъ, бросаясь въ ея объятія. Воспоргъ радости не позволилъ ему говорить болѣе; машь была въ такомъ же восхищеніи. Взаимныя ихъ воспорги и ласки еще продолжались, какъ вдругъ вошелъ Гнъ Моншкаръ, съ обоими спаршими сыновьями. Эдуардъ не сказалъ при нихъ ни слова, какимъ образомъ материнская любовь вознаградила ему жизнь и счастье. Силы его начали укрѣпляться и вскорѣ принялся онъ за обыкновенныя свои прогулки, игры и занятія.

Карль и Юлій сначала не замѣтили приспращной ласки ихъ матери: попеченія и ласки, оказываемыя ею дорогому ея Эдуарду во время его болѣзни, приписывали они несчастному его положенію. Опасеніе подвергнушь его снова униженію и спраданіямъ, которыя едва не дове-

ли его до гроба, беспокоило эту слишком оспорожную мать до такой степени, что перейдя изъ одной крайности въ другую, она уже не радѣла для него о прочихъ своихъ сыновьяхъ. Всякій разъ, когда глаза ея останавливались на Эдуардѣ, она думала, что Карлъ и Юлій опгдывающъ ея мысль, и въ то же время опвращала свои взоры опъ своего любимца и устремляла ихъ на его братьевъ, какъ будто въ вознагражденіе за то, что у нихъ похишила. Если она получала цвѣты опо всѣхъ сыновей, то подносимые младшимъ, невольно прикалывала ко груди, копорую пишала его; но вскорѣ, какъ бы опамятовавшись и испугавшись, опкалывала ихъ. Не проходило ни одного дня, ни одной минуты безъ того, что бы эта несчастная мать не опстерегалась самой себя и не опасалась какимъ нибудь словомъ, или пѣлодвиженіемъ произвести распройство въ своемъ сѣмействѣ.

Несмотря однако же на то, совершенное согласіе царствовало въ домѣ Г. Монпикара, пока онъ жилъ. Бдишельные взоры его наблюдали за супругою, копорую подозрѣваль онъ въ слабости, а дѣлаемые

ей по временамъ справедливыя и благоразумныя замѣчанія, когда оказывала она предпочтеніе Эдуарду, заславляли ее дѣлишь любовь свою между сыновьями въ равной степени. Но сей превосходный отецъ, изнуренный продолжительными путешествіями и пылкими занятіями, внезапно похищенъ былъ смертію у опчаяннаго сѣмейства, опъ множества друзей, которыми былъ онъ уважаемъ, и опъ опечесства, которому долгое время служилъ съ честію.

Спустя нѣсколько недѣль послѣ несчастнаго сего происшествія, Гжа Монпкаръ безъ всякаго уже опасенія предалась исключительной любви своей къ Эдуарду. Старшихъ сыновей посѣщала она опредѣлишь въ Лицей, а младшаго удержала при себѣ подъ предлогомъ его молодости, хотя ему было тогда уже двѣнадцать лѣтъ. Легко представишь можно, какъ ласкала, какъ баловала она любезнаго своего Эдуарда! Никакой наблюдательный, нескромный, или завистливый взоръ, не могъ уже беспокоить, останавливать ее въ изъявленіи ему своей любви. Она исполняла малѣйшія его прихоти... Когда скучалъ онъ

за ученьемъ, но она, для развлеченія любимаго сыночка, позволяла ему дѣлать прогулки, или визиты, въ которыхъ, по ея мнѣнью, узнавалъ онъ науку свѣтской жизни, или—и это случалось гораздо чаще—ѣздила съ нимъ въ театръ, гдѣ, какъ думала она, всего легче и скорѣе можетъ онъ образоваться умъ свой и сердце. Къ этимъ опаснымъ привычкамъ Эдуардъ вскорѣ присоединилъ и привычку дѣлать самовольно значительные расходы: самый модный порпной шилъ ему платье; онъ носилъ обыкновенно фраки изъ лучшаго сукна, шалевые жилеты и самое щегольское бѣлье и обувь тогда, какъ братья его были одѣты въ толстое сукно, имѣли черныя галстуки и дурныя башмаки, подбитыя гвоздями. Посвятивъ себя совершенно наукамъ, не чувствовали они того чрезвычайнаго различія, которое восстанавлялось между ими и младшимъ братомъ: удовольствіе находиться въ родительскомъ домѣ, гдѣ бывали они рѣдко, и счастлие видѣть мать свою, не позволяли имъ дѣлать ни малѣйшаго на счетъ этого замѣчанія. Желаніе оплечиться въ наукахъ, заслужить награду отъ началь-

спва и поднесши лавры свои той, копорой обязаны они жизни: вопть въ чемъ состояло прятнвйшее ихъ наслажденіе и единственное честолюбіе.

Между темъ опекунь малолыпныхъ Моншкарровъ, человекъ извѣстный по своимъ доспосиспвамъ, настаивалъ, что бы Гжа Моншкаръ записала Эдуарда въ тошъ же самый Лицей, въ которомъ находилсь старше его братья. Сначала весьма искусно уклонялась она отъ этого подь разными вымышленными ею предлогами, но наконецъ рѣшительно объявила, что младшій ея сынъ имѣеть совершенное опвращеніе къ наукамъ и липптерапурѣ, а чувствуешь въ себѣ склонность къ искусстввамъ. Не имѣя мужества разлучиться съ нимъ, опредѣлила она къ нему учишеля французскаго языка и послала его въ масперскую одного славнаго живописца обучаться живописи, копорую, повидимому, любилъ отъ сирасино, и къ копорой, какъ ей казалось, имѣлъ онъ большую склонность. Въ такихъ занятіяхъ Эдуардъ достигъ шестнадцатилѣтняго возраста, и едва только выучился еписыванью кой-какъ головки. Но за то

рыская съ маменькой по спектаклямъ, баламъ и концертамъ, издерживая для одного себя вдвое болѣе прошиву того, что выходило на обоихъ его братьевъ, снискала онъ названіе *франта*, надъ коимъ всякой смѣялся и кощораго Гжа Монкаръ почипала чудомъ талантовъ и хорошаго тона. Ослѣвленная мать надѣялась даже, что онъ будетъ нѣкогда честію и подпрою своего семейства!

(Окончаніе въ слѣд. номерѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

*Смерть тижика и рожденіе страсти къ стихотворству *).*

Я съ самыхъ дѣшскихъ лѣтъ Поэзію любила,
 Любила пѣсенки и сказочки читашъ;
 Въ нихъ утѣшенье находила
 Тогда, какъ сверстницы лишь думали игратьъ.

*) Друзья мои спросили однажды у меня: какой предметъ служилъ мнѣ къ первому моему стихотворенію?— Я отвѣчала: *Чижикъ*. — Всѣ разсмѣялись и просили рассказать это происшествіе стихами, также и о томъ, что я послѣ писала. *Примѣч. Сопительницы.*

Побольше стала я, посмышленнѣе спала;
 Хотѣлось сдѣлаться гораздо поумнѣй:
 Получше чемъ нибудь занявшись я желала —
 Не взявшись ль авпоровъ чипать мнѣ по-
 скорѣй? —

Взяла Карамзина, *Бездѣлки* прочитала;
 Въ *Бездѣлкахъ* дѣльное, приятное нашла,
 И чемъ ихъ болѣе, прилежнѣй разбирала,
 Сильнѣе шемъ во вкусъ Поэзіи вошла.
 Хотѣ шолку не было, а страсть къ сти-
 хамъ пылала!

И чпожь я возмечтала?

Давай сама писать! ...

Да полько какъ начашь?

Название авпора мнѣ душу восхищало;
 Но умъ-по молодъ былъ и сердце-по мол-
 чало,
 А вѣдь безъ нихъ куда неловко сочиняшь *)!
 Вошь мѣсяцъ, и другой, и шрепей ужъ про-
 ходишь:

Къ стихамъ предмета нѣтъ, какъ нѣтъ;
 Но случай, знаете, до многого доводитъ —
 Извѣстно, чпо на немъ вершится бѣлый
 свѣтъ. —

Былъ чижикъ у меня — и чижикъ неученой:
 У женщинъ вкусъ такой мудреной!

Меня мой чижикъ упѣшалъ:

Съ зарей проснувшись, пѣлъ и на руку ле-
 шалъ.

*) Особенно стихи. *Изд.*

Къ несчастью кошечка имъ также любова-
лась;

Но иначе ласкать его намѣревалась:

Сначала все она сидѣла въ уголку,

Глядѣла на него—подѣхала къ дружку,

Сперва голубушка чупъ лапкой задѣвала,

Какъ будто съ нимъ играть желала;

А чижикъ мой

Такой простой

Радехонекъ, что другъ сыскался!

Не первый онъ въ друзьяхъ на свѣщѣ оши-
бался!

Лезаетъ да поспѣ—сѣлъ кошечкѣ на хвостъ.

Потомъ... и на зубокъ! — Ахъ, простъ мой
чижикъ, простъ! —

Я въ комнату вбѣгаю—

Глядъ на полъ-перышки его лишь поднимаю!

“Несчастный чижичекъ! въ слезахъ сказа-
ла я:

Ктожь будетъ упѣшать меня...,”

И въ горесни моей за что же принимаюсь?

Надгробіе пишу и чижикю рѣшаюсь.

Вотъ написала я и какъ-то удалось.

Въ кругу друзей моихъ все это разнеслось.

Чтобъ ободрить меня, кричатъ они пре-
красно!

Хвала приятна всѣмъ—а женщинѣ ужасно

Какъ нравишься хвалимой быть *);

*) Напрасно: не всякой, и не оны всѣхъ. Прим. Изд.

Лишь не охотницы другихъ-то мы хвалишь.
 Мнѣ по же, признаюсь, прияшно это было,
 И самолюбіе желанье вновь родило
 Еще предметъ искашь,
 Еще стихи писать;
 Но только сердце пусть не о чужахъ твер-
 дило:
 Тогда ужъ было мнѣ почти оснадцать лѣтъ
 И невзначай ему явился самъ предметъ.
 Не интересно вамъ, что съ сердцемъ пол-
 ковала,
 Лишь знайте, что тогда я всякой день пи-
 сала —
 И только мысль придетъ: *не будуль я по-
 эпъ?*
 Счастливейе меня, казалось, въ свѣтъ нѣтъ.
 Я думаю, судьбѣ самой угодно было,
 Чтось милое перо забавой мнѣ служило.
 Велѣла жить она мнѣ средь густыхъ лѣ-
 совъ,
 Между песчаныхъ береговъ,
 Плѣнять мой взоръ ручьями,
 А слухъ весенними пѣвцами, соловьями.
 Кто прожилъ двадцать лѣтъ средь множе-
 ства людей—
 Того ужъ не плѣнишь, повѣрьте, соловей.
 Кто всякій день привыкъ на балахъ весе-
 лисья—
 Не скоро по горамъ разгуливать рѣшится.
 Но дѣлать нечего! съ судьбой не сговоришь

Разсудку надобно сердечко покорить.
И такъ рѣшилась я природой наслаждашь-
ся,

А скуку забываешь,

Приятнымъ чпенемъ занимаешься,

Съ ушра до вечера писать —

Супругу пѣсенку, сосѣдкамъ по куплешу,

Малюшкамъ басенки—а часто по совѣту...

И въ сихъ занятіяхъ лѣшь восемь прожи-
ла.

Тутъ вдругъ опять судьба въ столицу за-
вела.

Привычка ли читаешь

И дѣломъ занимаешься,

Охота ли писать

И старой опличаешься —

Не знаю я того,

Но только вѣкъ пера не брошу моего.

М. Даргомыжская.

~~~~~

Сонъ.

Баллада.

«Чу! на башнѣ городской,

Часъ ударилъ роковой!

Слышу шорохъ въ тишинѣ:

Кшо-то видѣнь при лунѣ,

Какъ мечта, какъ прошлый сонъ...
 Это онъ, шакъ это онъ!...,

Свѣшшь въ сумракъ луна!
 Томно плещется волна!
 Мчишься быспро по рѣкѣ
 Пушникъ жданный въ челнокъ!
 Берегъ близко—чолнъ присталъ,
 Пушникъ Лизу ѣхашъ звалъ.

Въ пушь далекій, въ край чужой,
 Онъ мапиль ее съ собой:
 “Лиза, ѣдемъ! Другъ, скорѣй!”, —
 Съ нимъ она—и онъ ужъ съ ней!

Парусъ рѣзко зашумѣлъ!
 Слѣдъ на озерѣ бѣлѣлъ!
 По волнамъ они лешашъ,
 Брызги влажныя блестяшъ —
 Вошь и берегъ, и лѣсокъ —
 Онъ причалилъ свой челнокъ!

Лиза милому привѣшъ,
 Но ни слова ей въ отвѣшъ!
 Смотришь блѣдная вокругъ,
 Вдругъ въ селеніи пѣшухъ
 Полуночи пѣснь пропѣлъ —
 И возшокъ ужъ заалѣлъ.

Лиза, гдѣ же милый швой?
 Онъ лежишь въ землѣ сырой!

Глянь: вокругъ, вездѣ, креспы
И полынныя кусты;
Камни хладныя лежатъ:
Крѣпко—сладко въ гробѣ спятъ!

Лиза: ахъ! и гдѣ же онъ?...
Это былъ ужасный сонъ!
И проснулася она,
Все мечшой своею полна!
“Ахъ! пропала я навѣкъ!
Онъ мертвецъ—не человекъ!,,

Вдругъ письмо ей и съ кольцомъ:
“Другъ мой, скоро подь вѣнцомъ
Буду—пишетъ онъ—съ шбой —
Ты моя, я буду швой!,,

Что же сонъ сей предвѣщалъ?
Кто бы скоро отгадалъ?
Лизѣ друга; а въ журналъ—
Вдругъ балладу—мадригалъ! *)

Н. Скородумовъ.

*****

---

*) Гдѣ же мадригалъ? Изд.

Т. Н. О ... вой.

(въ день ея ангела 12 Генв. 1826 *.)

Извѣстно всѣмъ давно, что я Поэтъ для
дамъ.

Кому я не писалъ въ альбомы?

Но не писалъ еще стиховъ ни разу вамъ...

А сколько лѣтъ какъ мы знакомы?

Сказашъ къ спыду я долженъ своему,

Ни разу не хвалилъ еще въ стихахъ Куму.

Случилось эшо какъ, не знаю право—чудно!

А васъ хвалишь, не какъ иныхъ, не
прудно,

И будешь правда все — не лезешь,

Въ почтенной Кумушкѣ хорошее все есть:

И основательность ума и острога,

И сердца доброта

И красота,

Любезность, ловкость, тонъ опличный,
превосходный —

А видъ—преблагородный **).

Принцессой бы ей только бышь,...

Ну, какъ Куму не похвалишь?...

Одинъ порокъ ея достоинства всѣ губишь...

Позволише сказашъ?—Стиховъ Кума не лю-
бишь...

*) Чпшавы за спыломъ въ дружеской бесѣдѣ.

***) Elle se fait respecter par sa mine, сказала объ васъ
одна умная и прекрасная дама.

Но любишь мужа и дѣшей,
 Родныхъ и искреннихъ друзей. —
 За то и Кумушку всѣ любяшь, уважаюшь,
 Душевно почишаюшь
 И счастья ей желаюшь..
 Дай Богъ ей всякаго добра!
 Ура! —

И.

Н. Ѳ. О.

*поэтѣннѣйшему моему учителю
 стихотворства.*

Благодарю тебя, какъ съ утренняя зарею,
 Во время сна супруга и дѣшей,
 Бесѣдуя одна съ спокойною душою
 Я занимаюсь поэзіей своей!

*

Благодарю тебя—когда среди жизни шумной,
 Ошъ свѣсна удаюсь, я въ уголку моемъ,
 Читая швой Словарь, прелестнѣйшій — ра-
 зумной,
 Все что-то новое приобретаю въ немъ!

*

Благодарю тебя—я неподвластна скукѣ,
 А многіе изъ насъ покорны очень ей:
 Когда съ перомъ моимъ бываю я въ разлукѣ,
 То сердце занято паукою швоей!

Благодарю тебя—въ часы опдохновенья,
 Когда отъ всѣхъ заботъ уже свободна я,
 Найдя въ Поэзіи для сердца наслажденья,
 Возвысившись душой—благодарю тебя!

*

Благодарю тебя—за то, что въ часъ уны-
 лый
 Умью я себя всегда развеселить;
 Благодарю тебя—за то, учинилъ милый! —
 Что научилъ меня Поэзію любить!

М. Даргомыжская.

~~~~~

Женѣ моей

при подаркѣ Календаря Музъ.

Вотъ, милая, тебѣ мой алманахъ!
 Въ немъ и мои піэски есть въ спихахъ.
 Собратъ мой журналистъ по совѣсти *) оп-
 крылся,
 Что ими онъ плѣнился.
 Тутъ ты найдешь спихи мои къ друзь-
 ямъ—
 Еще стишки для дамъ...

*) См. 6 Но *Сверной Иглы*. А другій уже *безсозвѣстно* опоздался объ немъ на 191 и 192 стр. *Московского Телеграфа*.

Давно всѣ писаны! Тебѣ же нѣтъ ни спрочки!

Поспой, какъ выдушь наши дочки
И спанешь выходить исправно мой жур-
наль,

Я напишу тебѣ хорошей мадригалъ,

Да нѣжное посланье;

Впишу все это въ твой альбомъ
И напечаю въ календарь другомъ,

Но съ темъ однако уговоромъ,
Чтобъ мнѣ за каждый стихъ по поцѣлюю
дань,
Съ улыбкою припомъ, съ умильнымъ, нѣж-
нымъ взоромъ...

Да этого вѣдь долго ждешь;

Нельзя ли же теперь меня поцѣловать?

А я охотникъ цѣловаться...

Но съ поцѣлуями твоими чьи сравняшся?

~~~~~

И.

НѢЧТО О ДРАМАТИЧЕСКОМЪ АЛЬБОМѢ.

Когдажъ до прибыли коснется,
Не только намъ гусямъ и людямъ достае-
ся.

Крыловъ.

Удѣлъ человѣчества—несовершенство.
Эта истина всѣмъ известна. Никто не
требуетъ, чтобъ произведеніе человѣче-
ское не имѣло въ себѣ никакихъ недо-

спашковъ, но естъ граница видимой, или чувствуемой возможности. Назовемъ эту черту прекраснымъ, изящнымъ, или какъ угодно. По крайней мѣрѣ мы составили уже себѣ идею о лучшемъ возможномъ, по сравненію съ прежними произведеніями.

Каждое произведеніе возбуждаетъ одно изъ трехъ главныхъ чувствъ: удивленія, снисхожденія и негодованія. Въ нихъ трудно дать опечетъ. Не мудрено опатадъ, какое чувство рождаетъ такое произведеніе, которое при всѣхъ несовершенствахъ своихъ, выказывается съ лучшей стороны и хочетъ вырвать уваженіе неумѣренными себѣ похвалами и охудненіемъ подобныхъ ему произведеній. — Такой грѣхъ, между прочимъ, случился съ *Московскимъ Драматическимъ Альбомомъ*. Не вѣрите? Прочтите *Разговоръ* одного *Издателя съ будущимъ Читателемъ*. Ясное бытъ не можетъ. Хотя Издатель и говоритъ, что предисловія вышли изъ моды и что разговоръ замѣнитъ ихъ; но можемъ рѣшительно сказать, что никогда не было и не будетъ въ модѣ хвалить въ подобныхъ разговорахъ издаваемую книгу.

Прежде, нежели выпишу въ доказатель-

спво моихъ замѣчаній, слова Издашеля, скажу нѣчто о самомъ Разговорѣ:

Издашель начинаеть хвалишь читашеля, “что онъ непохожь на другихъ, “которымъ панцы, карпы, визипы, зло-“словіе, моды, или даже новый романъ д’ “Арленкура дороже всякой Руской книги.,” Надобно было задобрить Читашеля, и это удалось, пошому что Читашель принялъ похвалы за наличную монету. Жаль, что у него не доспало Логикѣ въ его опвѣщѣ Издашелю, и это можешь увѣришь прочихъ поварищей читашелей, что у нихъ небожкій депушашъ. “Что за привычка у “васъ, говоришь онъ, перенимашь вѣчно “другъ у друга? Вышелъ одинъ альманахъ, и “и появилось ихъ множество; спали чи- “шашъ журналы, и я думаю, что скоро “цѣховые и мѣщане сдѣлаются журнали- “стами.,”—Пошлюсь на всѣхъ: охота чи- шашъ доказываетъ ли спрасшь перени- машъ другъ у друга издание журналовъ? Ошибка въ одномъ словѣ, но это слово родило ложную мысль; пришомъ, какой благо- разумный читашель не знаетъ, что не званіе даешь право издавашъ журналъ, а дарованіе? Къ чему шупъ замѣшались цѣ- ховые и мѣщане?

Издатель, привязавшись къ слову, замѣчаетъ: “за то есть и цѣхъовые писатели!...”, — Какую связь имѣеть эта оспрошта съ предыдущимъ, или послѣдующимъ — оспавляю разрѣшить желающимъ. Съ моей стороны не вижу никакой.

Какъ понравился вамъ эта мысль? “Выываетъ время, когда природа упомянется производить большихъ (?) писателей, “а публика читаетъ большія произведенія.,, Вотъ новости? Какъ это примѣнилъ Г. Авторъ Разговора? Не знаю, упоминается ли природа производить *большихъ* писателей; но что касается до публики, то она всегда любила и будетъ любить читать большія произведенія, если они хороши, и скучаетъ надъ маленькими, каковъ на примѣръ *Разговоръ одного изъ Издателей Драматическаго Альбома*, если они дурны.

Знаете ли “причину, по которой “журналы и альманахи необходимы въ “Россіи?,, — Издатель вамъ это скажетъ. “Наша публика вообще не любитъ читать; она жалуется, когда чтение превращается въ обязанность,, — т. е. хочешь читать шутя, и далѣе: “наша пуб-

“лика не любить имѣть собственнаго мнѣнія; ей нужно, что бы кто нибудь указалъ на хорошее произведеніе..”, Какъ можно такъ невыгодно отзываться о публикѣ? И какой классъ общества принимаетъ Г. Издатель за публику? Для собственныхъ успѣховъ *Драматическаго Альбома* пожелаемъ, что бы чипашелями его были не тѣ, которыхъ повидимому подразумеваетъ Г. Издатель.—Какъ согласить нападки его на размноженіе журналистовъ съ доказательствами о необходимости у насъ журналовъ?...

“Что вы думаете о наружной формѣ нашего изданія, о помѣщеніи въ немъ музыки, о раздѣленіи на двѣ книжки?”, спрашиваетъ Издатель Чипашеля.—Чипашель, какъ человекъ учтивый и признательный за сдѣланный ему сначала комплиментъ, превозноситъ похвалами *Драматическій Альбомъ*, оуждая *Талию* изданную въ прошломъ году Г. Булгаринымъ. Прекрасный способъ хвалить: пусть опять достается бѣдной публикѣ, которая можетъ считать *музыку* вещью *ad libitum*, если ее не отдѣлать отъ *Поэзии*. Потомъ

слѣдуетъ сужденіе о внутреннемъ достоинствѣ Альбома. Въ *Талии* многія піесы дурны, въ *Альбомѣ* напротивъ хороши. Помѣщенные въ *Талии* “клогки Силлы, “Мономаха и Меропы едва ли могутъ “быть гдѣ нибудь украшеніемъ,, — но зато въ *Драматическомъ Альбомѣ*...

Вотъ что заключается въ концѣ Разговора: “зная умъ и дорованія почтеннаго Г. Булгарина, мы увѣрены, что . . . . “онъ первый защититъ насъ отъ нападенія злонамѣренныхъ рецензентовъ - самоучекъ, которые словеснось превращаютъ въ ремесло, писателей въ цѣхъ “или гильдію порташей,, Смѣлая увѣренность! Позволяется ли такимъ образомъ Издашелю публично испрашивать покровительства своему изданію? Г. Булгаринъ уважилъ просьбу Издашеля: онъ похвалилъ Альбомъ, который дѣйствительно имѣлъ свое достоинство, слегка коснулся нѣкоторыхъ мыслей разговора и показалъ при этомъ случаѣ всю скромность благоразумнаго литератора, желающаго успѣха изданію, которое имѣетъ соотязаніе съ его *Талиею*. — И къ чему служатъ такія жесткія выраженія на счетъ рецен-

зенцовъ? Не уже ли это кого нибудь у-спрашившь говоришь испину?

Въ *Драматическоиб Альбоиб* есть прекрасные отрывки; между прочими отличны: изъ Есхиловой Трагедіи: *Агамеллонб*, переводъ Г. Мерзлякова; изъ Комедіи: *Урокб Старикаиб*, переводъ Г. Кокоткина; изъ Комедіи: *Школа женщинб*, перев. Г. Хмѣльницкаго; *Орестб*—неизвѣстнаго... *Выкупб Барда*, изъ Мильвуа, Г. Дмитриева, написанъ также съ чувствомъ и изобилуетъ прекрасными стихами. Два отрывка изъ Трагедій: *Марія Стюартб* и *Андромаха*: пер. Г. Павлова не шевелятъ сердца и дышутъ холодомъ. Не зная Комедіи: *Егоизиб* и *Филантропія*—нельзя сдѣлать объ ней сужденія, но изъ отрывка во все невидно пѣхъ характеровъ, которыхъ ожидаешь по названію пьесы. Спашья о качествахъ, необходимыхъ для драматическаго артиста двулична и можетъ послужить актера въ недоумѣніе что принимаетъ болѣе въ уваженіе: голосъ ли публики, которою пугаешь его авторъ, дѣлая припомъ замѣчаніе, что истинныхъ знатоковъ мало и на нихъ надѣяться не должно, или пра-

вила, основанныя на познаніи театра и сердца человеческого? Впрочемъ въ ней встрѣчаются прекрасныя мысли.

Есть опривкѣ изъ *Исторіи Драматической Музыки*, нѣтъ ничего новаго. Желательно было бы, чтобы Г. Сочинитель связалъ что нибудь болѣе о новѣйшихъ сочинителяхъ драматической музыки. Онъ могъ бы подарить публику разборомъ духа новѣйшихъ сочиненій, показаніемъ отличительныхъ черты композитеровъ и доспѣшно оцѣнить каждого изъ нихъ. Эта работа была бы очень занимательна и по содержанию и по новости. Его обѣщаніе, продолжать заниматься теоріею музыки, приятно для любителей сего искусства. Это поле у насъ еще не воздѣлано.

Ни одинъ изъ анекдотовъ, помѣщенныхъ въ альбомѣ, не срываетъ улыбки. Нѣкоторые уже довольно извѣстны, другіе не относятся до театра. — Но что сказать объ этомъ, который оканчивается двумя стихами:

Когда Издатели бываютъ торгашами,
За чѣмъ же торгашу издашелемъ не
быть?

щимся о благопоосвященіи дѣлу Миссіи. Что дѣло сіе свыше благословилъ Самъ

го года письмо Начальника Миссіи, приводящей въ Христіанскую Вѣру Самоядовъ. Пробѣгая со вниманіемъ сіе любопытное письмо, я шемъ болѣе восхищался, что живши самъ нѣсколько лѣтъ съ дикарями—многвѣрцами, позналъ опытомъ сколь трудно исполненіе такого Христіанскаго дѣла.

Другъ человѣчества, принявшій на себя обязанность озарять лучами Христіанской Вѣры людей, себѣ подобныхъ, долженъ обладать въ высокой степени даромъ краснорѣчія, первѣніемъ, снисходительностію и быть совершенно безкорыстнымъ: не имѣя сихъ качествъ высокой души, миссіонеру не удастся снискать ни любви, ни довѣренности идолопоклонниковъ, безъ чего самыя чистыя намѣренія не будутъ увлечаны желаемымъ успѣхомъ. Должно еще присоветовать, что идолопоклонникъ, принявшій святое крещеніе и хорошо выразившій спасительныя таинства Христіанской Религіи, часомъ бываетъ несравненно тверже въ Вѣрѣ, нежели мнимые счастливыцы, крещенные еще въ пеленахъ и гордящіеся своимъ образованіемъ. Не нужно къ тому доводовъ, что Христіанская Вѣра да-

Богъ, это уже вамъ извѣстно. Враги онаго умолкають, хотя ихъ слишкомъ болѣе

есть челоуѣку силу переносить бѣдспвія, повсюду окружающія плѣнный и слабый сославъ нашего плѣла. Она вливаетъ мужество, что бы прошикушать всѣмъ предразсудкамъ, подкрѣпляемымъ ложною Философіею. Она же умилляетъ сердце свирѣпаго дикаря и дѣлаетъ его добрымъ, крошкимъ и снисходительнымъ къ самымъ злѣйшимъ врагамъ его. Я былъ очевидный свидѣтель этого въ Камчаткѣ, когда почтенный Начальникъ Петръ Ивановичъ Рикордъ, извѣстный своимъ просвѣщеніемъ и опличающійся безпредѣльною къ нему привязанностію всѣхъ подчиненныхъ, находился въ Камчаткѣ. Видѣлъ, говорю, съ какимъ успѣхомъ сей добродѣтельный начальникъ чрезъ одно крещеніе и поясненіе спасительныхъ шаинствъ вѣры, снималъ невѣжественную кору съ самыхъ суевѣрныхъ и закоснѣлыхъ Корякъ-идолопоклонниковъ, которые послѣ этого дѣлались ревностными Христіанами, и по сіе время опличающся опъ поваричей своихъ добродѣтелями.

Зная это, могъ ли я не восхищаться, читая выписку изъ письма одного изъ членовъ той самой Миссіи, съ которою вы,

нежели сколько въ началѣ представившъ было можно. Сколько Самоядовъ, столько же почпи и хозяевъ въ *Канинѣ*. У каждаго Самоядина съ сѣмействомъ свой хозяйнѣ. Гдѣ только Самояды, тамъ и хозяева. Всѣ почпи здѣсь на счетъ Самоядовъ болѣе и живутъ; богатяиися же единственно опъ Самоядовъ чрезъ ихъ промыслы.

25 Февраля опправился я съ Миссией въ шундру совершенно больной. Всѣ присоеѣтовали, что я тамъ скорѣе выздоровлю. И въ самомъ дѣлѣ въ шундрѣ, за 40 верспъ опъ Мезени, въ Семенскомъ Усольи гораздо воздухъ при опкрытомъ морѣ лучше, и въ покойнѣйшемъ домѣ нашель я нѣ-

М. Г., познакомили читателей вашего журнала. Выписку сію препровождаю для помѣщенія въ *Благонаѣбрениолѣ*, если вы найдете ее того достойною.

Имѣю честь бытъ, и проч.

Лейтенантъ Павелъ Саполовичъ.

Издашель *Благонаѣбренаго* чувствительно благодаритъ почтеннаго Г. Саполовича за доставленіе къ нему столь любопытной и занимательной спашь.

которое облегченіе. Здѣсь обратили и крестили 13 Самоядовъ. Торжественно сожгли предъ нами 10 ихъ идоловъ, деревянныхъ самой безобразной фигуры, и съ препаратами кудесовъ.

3 Марша выѣхали въ пундру далѣе за 60 верстъ, гдѣ ожидали насъ собравшіеся уже Самояды. 4 Марша сдѣлалъ я имъ, въ полномъ облаченіи и съ Евангеліемъ въ рукахъ, проповѣдь о ложности ихъ языческой и испинѣ Христіанской вѣры, проповѣдавъ вмѣстѣ исторію о сотвореніи міра, съ указаніемъ оной и на картинѣ. Они явно пронулись. Это печалѣлось на ихъ лицахъ.

13 Марша сдѣлалъ я Самоядамъ предложеніе, чпобъ они для ясности и порядка въ изслѣдованіи испинной вѣры выбрали изъ среды самихъ себя двухъ съ племъ, чшо ежели сіи докажутъ испину и пользу своей вѣры, шо они свободно могутъ при ней оспаваться; если же напрошивъ проповѣдниками будетъ ясно имъ доказано превосходство Христіанской Вѣры предъ ихъ языческою и ими самими признано: шо они безъ всякаго прекословія должны принять оную. Всѣ

Самояды охотно на сіе согласились. Избранные ими, спавъ въ срединѣ предспоящихъ, при всей своей бойкости, не могли ничего сказать ни о началѣ, ни о продолженіи, ни о пособіяхъ своей вѣры. И что можно сказать? За пемь изложено имъ было о началѣ Христіанской Вѣры, продолженіи оной, и нѣкошорыхъ шаинспвахъ, а особливо о помощи въ бѣдспвіяхъ, находимой и ими (Самоядами) въ Христіанской Вѣрѣ. — Тогда, послѣ моего вопроса: которая вѣра лучше? оба повѣренныя единогласно возкликнули, что подлинно одна Христіанская Вѣра есть истинная и лучше ихъ вѣры. Сіе же самое подпвердили и прочіе Самояды.

14 числа, по собраніи ихъ, учинилъ я имъ проповѣдь, особливо о спрашномъ судѣ, кончинѣ міра, блаженной и злополучной жизни по смерти. По окончаніи сей проповѣди два Самоядина шоржеспвенно предъ всѣми исповѣдали и приняли Христіанскую Вѣру, отецъ съ сыномъ, и шущъ же помолясь распяшому Спасишелю, при всѣхъ пошли ко крещенію.

29 Марша, въ первый день Пасхи, уѣхаль я къ Миссии въ Конду. Чудное дѣло!

Откуда бралось множество Самоядовъ! То чумь, по два, по три, одни послѣ другихъ непрестанно привѣзжали, какъ бы невидимою рукою собираемы и приводимы къ намъ были въ Долгощевскую свободу. Какая радость! 175 человекъ крещено въ одной сей слободѣ и всѣ почти они по крещеніи сподоблены Святыихъ Таинъ.—Мужи съ женами всѣ почти повѣнчаны.

Слышу, что и Канинскіе Самояды креститься желаютъ. Слава и благодареніе Господу Богу!

О НОВЫХЪ КНИГАХЪ.

1826.

11. *Плачь Россіянъ надъ гробомъ АЛЕКСАНДРА БЛАГОСЛОВЕННАГО, Отца Отечества.* Съ эпитафіомъ: *Notre Ange est au Ciel.* С. п. б. въ шип. Департаментна Народнаго Просвѣщенія, въ 4 ку 12 спран. *)

Молодой Поэтъ (П. А. Теряевъ), въ началѣ своего стихотворенія, представля-

---

*) Продается у И. В. Сленина и у А. Ф. Смирдина по 2 р. экземпляръ.

есть себѣ пропящійся въ уныніи вокругъ
Царскихъ Чертоговъ народъ и продолжа-
етъ слѣдующимъ образомъ:

Какое бѣдствіе, неустрашимый Россѣ!

Твой бодрый духъ смяченіемъ объяло?
Повѣдай, укажи исполникъ горькихъ слѣзъ
И подыми сей шайны покрывало.

Ужель забылъ, кто шамъ, съ престольной
высопы,

Твою судьбу и радость пазидаешь
И сыплешь на себя веселія цвѣшны? —

Тамъ АЛЕКСАНДРЪ, швой Геній возсъ-
даешь.

*

Лучъ милосердія горитъ въ Его очахъ;

Оливою и лавромъ осѣненный,
Съ привѣшной крошосшью, съ улыбкой на
устахъ
Рѣкой щедроты льетъ БЛАГОСЛОВЕН-
НЫЙ.

Вошь двадесять пять лѣтъ въ величьи
пропекло,
Какъ Россовъ Онъ блаженство сохра-
няетъ,

И здравіемъ Его цвѣшущее чело
Намъ вѣкъ еще на радость общаетъ.

*

Гопшвышежь юбилей, вы Сѣвера Сыны!

Завидують вселенной вамъ народы,
 Блещащей славою для васъ озарены
 Грядущаго блаженнѣйшіе годы.
 Спѣшитежь изъ оливоу и лаврѣ *) плести
 вѣнецъ
 И воздвигаешь шріумфы предъ столицей:
 Уже ошъ южныхъ странъ лепишь къ вамъ
 Царь-Отець
 Съ воскреснувшей для новыхъ благъ
 Царицей.

*

Дни свѣтлой радости за Ними въ слѣдъ...
 Но ахъ!
 Вѣшь грозная, какъ громъ вдругъ раз-
 дается:
 Осиротѣли мы! *Нашъ Ангелъ въ небесахъ **)*!
 И скорби спонъ по спогнамъ въ даль
 несется,
 И ужась оковалъ безшрепешны сердца,
 И общій вопль столицу оглашаетъ —
 Какъ будто нѣжнаго и добраго отца
 Изъ рукъ дѣшей могила похищаетъ.

*

---

*) Надлежало бы сказать изъ лавровѣ, а не изъ лаврѣ.

**) Весьма удачный и неожиданный переходъ. И какъ къ спати употреблено здѣсь превосходное изрѣченіе: *нашъ Ангелъ въ небесахъ!*

— — — — —
 Но мыль одни Твоей кончиной сражены?
 Россія ли одна въ сей часъ спрада-
 ешь?

Ты былъ блюстителемъ всеобщей тишины
 И по Тебѣ Европа вся рыдаетъ *).

Сей общей скорби гласъ естъ гимнь хва-
 лебный Твой.

Въ послѣдній день сей вопль тебя раз-
 будишь,

И на Судъ судовъ, предъ Благосшью Свя-
 шой,

Онъ за Тебя предшашельсшвовать бу-
 дешъ.

— — — — —
 Давноль *церьюмый* **) Бельшь на пагубныхъ
 волнахъ

Въ Пешрополь внесъ печаль и разоренье?

Съ сердечной скорбію, съ слезами на очахъ,

Явился Ты, какъ Ангелъ въ ушѣшенье:

Ты даль убогимъ кровь, сталъ сиропамъ
 опцомъ

И облегчилъ ихъ скорбь опрады силой,

И призну соверша почившимъ вѣчнымъ
 сномъ,

*) Эпи два стиха могли бы служить надписью къ изображенію АЛЕКСАНДРА.

**) Приличнѣ бы казалось вмѣсто: *церьюмый*, посшавишь: *свирѣпый*.

Какъ нѣжный брашъ, рыдалъ надъ ихъ
могилой.

— — — — —
О ты, украшенный Природой Таганрогъ,
О памятникъ, прискорбью обреченный!
Въ слезахъ тоски ты взялъ послѣдній пи-
хій вздохъ,
Съ которымъ оплелъ Благословенный.
Улыбка крошоспи, оспрадная для насъ,
Съ устъ Ангела Россіи не слесала
И на чель его, въ ужасный смерти часъ,
Въ залогъ спокойствія души сіяла.

*

Ты зрѣлъ въ сей часъ, въ лучахъ красуясь
злапыхъ,
Какъ небеса поржесшвенны казались
И воспаряющей въ сонмъ Ангеловъ свяпыхъ
Его душъ привѣпно улыбались.
Нева, узрѣвшая на небеса полѣшь
Того, чей ликъ спократно оспражала,
Въ тоскъ, въ послѣдніе всплеснувъ спруями
водъ,
Льдовъ хладное надѣла покрывало *).

*

---

*) Въ самый день кончины незабвеннаго
АЛЕКСАНДРА Нева покрывалась льдомъ. Со-
чинилель весьма удачно воспользовался
этимъ обстоятельствомъ.

Заклучимъ наши выписки изъ сей прогашельной Элегіи послѣднею строфою, содержащею въ себѣ изображеніе сердечныхъ чувствованій всѣхъ благомыслящихъ Россіянь.

О Россы! не прошелъ еще вашъ вѣкъ златой!

Еще хранишь Десница васъ Святая:
Вашъ крошкѣй АЛЕКСАНДРЪ воскресъ Своей душой

Въ величїи геройскомъ НИКОЛАЯ.
Престанемъ слезы лишь и поспѣшимъ во храмъ

Царю царей принесть благодаренье
И воскуришь предъ Нимъ сердечный емиамъ,

Да низпошлешь Царю благословенье!

12. *На конгину ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО. Стихотвореніе Михаила Дмитриева. М. Въ шпц. Театральной, въ 8 ку, 11 стран.*

Привосходное стихотвореніе какъ по мыслямъ и чувствованіямъ, такъ и по самой версификаціи.

13. *Слово, по случаю пренесенія тѣлъ Москву тѣла въ Бозѣ потившаго*

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА
ПАВЛОВИЧА *всѣя Россіи, говоренное*
въ Капеллѣ Архангельскои
Соборѣ Синодальнымъ Членомъ Фила-
репомъ, Архіепископомъ Московскимъ,
Февраля 4 дня 1825 года. М., въ Синод.
тип. въ 8 ку, 19 стр.

Одно изъ лучшихъ поученій глубоко-
мысленнаго и краснорѣчиваго нашего Про-
повѣдника,

На сихъ дняхъ выдесть *новое, исправ-*
ленное, пополненное и велколѣнное изданіе
Басень славнаго и любимаго нашего фабу-
листа *Ивана Андреевича Крылова*. Басни
сіи (числомъ всего 165) раздѣлены на семь
частей, или *книгъ*; въ послѣдней помѣще-
но 20 новыхъ Басень. Многія изъ прежнихъ
исправлены Сочинителемъ, а нѣкоторыя
совсемъ вновь передѣланы и весьма удач-
но. Эта превосходная классическая книга,
служащая равно для удовольствія и для
пользы, *собраніе прелестныхъ цвѣтовъ Поэ-*
зіи и важнѣйшихъ въ обществѣ истинъ, на-
печатана на лучшей любской и веленовой
бумагѣ чешскими, красивыми буквами и
украшена весьма сходнымъ порфирномъ
Сочинителя (списаннымъ П. А. Оленинымъ
и выгравированнымъ Г. Фридрицомъ) за-

главную вильепною и семью каршинками (рисованными и гравированными подъ надзоромъ почтеннѣйшаго любителя и покровителя изящныхъ искусствъ А. Н. Оленина опличнѣйшими Русскими Художниками) къ нижеслѣдующимъ Баснямъ: 1. Конь и Всадникъ; 2. Собачья дружба; 3. Фортуна и Нищій; 4. Осель и Мужикъ; 5. Напраслина; 6. Сочинитель и Разбойникъ *) и 7. Василекъ. Цѣна, взявъ въ уваженіе нынѣшнюю дороговизну бумаги, печатанія, особливо гравюрокъ, не только самая умѣренная, но можно сказать весьма дешевая: на лучшей любской бумагѣ съ превосходнымъ поршрешомъ Г. Крылова 12 р., а на веленовой, съ поршрешомъ же, 7ю гравированными каршинками и заглавною вильепною 20 р. Для любителей богатыхъ изданій отпечатано особо небольшое число экземпляровъ въ большемъ форматѣ. Цѣна таковому экземпляру, съ поршрешомъ и каршинками первыхъ описковъ 30 р. въ цвѣтной обершкѣ. На пересылку прилагается по 2 р. за каждый экземпляръ. Продаваться будутъ у И. В. Сленина.

Вскорѣ выдетъ также и Алманахъ: *Сѣверные Цвѣты*, изд. Барономъ Дельвигомъ.

---

*) Слраншо смотрѣшь, какъ жарится въ кошлѣ Сочинитель-развращитель!

Разборчивость Издашеля и имена извѣснѣйшихъ линсперапоровъ, доставившихъ ему свои сочиненія какъ въ спихахъ, такъ и въ прозѣ, ручающіяся за достоинство сего алманаха. *Сѣверные Цвѣты* украшены будущею шестью каршинками превосходной гравировки и станушь продаваться въ красивомъ фушлярѣ изъ цвѣтной бумаги у И. В. Сленина. Цѣна 12 р. Во Французской же папкѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и лучшими опшисками 15 р. За пересылку прилагается 1 р.

Благотворенія.

Передъ новымъ годомъ прислано къ Издашелю *Благонамѣреннаго* опть неизвѣснѣныхъ благотворителей для раздачи бѣднымъ:

Изъ Казани	50 р.
— Ворожежа	100 —
9 Января 1826	15 —
3 Февраля	50 —
	195 р.

Изъ нихъ роздано:

Вдовамъ :

Гриблатъ . . . . . 15 р.

Давыдовой	15 р.
Деплевсень	10 —
Паршовой	10 —
Крас	10 —
Шершенковой	10 —
Афанасьевой	5 —
Скорняковой	5 —
Булавкиной	5 —
Пол.	5 —
Брандпъ	5 —
Максимовой	5 —
Марг.	5 —
Михайловой	5 —
Тремъ пожилымъ и хворымъ дѣви- цамъ Михайловымъ	45 —
Тремъ сиротамъ дѣвицамъ Г.	20 —
Увѣчной дѣвицѣ Исаковой	10 —
Увѣчной же дѣвицѣ N. съ преспаръ- лою матерью	10 —
	195 р.

Сверхъ того Издашель *Благонамѣреннаго* получилъ 24 ч. Января отъ одной *доброй дамы* для доставленія малолѣпнымъ дѣшамъ бѣднѣйшей вдовы Шершенковой нѣсколько платья и бѣлья, которое въ тошъ же самый день къ ней опослано и принято съ душевною благодарностію.

Извѣстіе о бѣдномъ сѣмействѣ.

Письмо къ Издателю.

Въ сосѣдствѣ вашемъ, на Пескахъ, Рожественской части, 1го квартала, въ сѣзжинской улицѣ, въ домѣ Биснровой, живетъ несчастная вдова Тишулярная Совѣшница *Аксинья Трофимовна Васильева* съ двумя малолѣтними дѣтьми. Она такъ бѣдна, что не въ состояніи даже плащитъ за квартиру и нерѣдко принуждена бываетъ терпѣть холодъ и голодъ со своими малюшками. Примите на себя трудъ, М. Г., извѣстить о бѣдственномъ ея положеніи читателей вашего журнала: безъ сомнѣнія найдутся между ними и такіе, копорые за удовольствіе поспавятъ для себя облегчить по мѣрѣ возможности ужасный жребій этой честной и несчастной матери сѣмейства.

15 Марта 1826.

Читатель Благонамѣреннаго.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1826. — N° VI.

ПРИСТРАСТНАЯ ЛЮБОВЬ.

Повѣсть Г. Булви.

(Окончаніе.)

Карль и Юлій окончили съ похвалою полный курсъ ученія въ Лицеѣ. Тамъ нечувствительно образовался мужественный ихъ характеръ. Въ обществѣ своихъ сопосарищей приучились они быть чистосердечными и уважать одни только наспоющія достоинства. По выпускѣ изъ Лицея возвратились они къ матери, что бы провести у нея каникулы и посоветоваться какъ съ нею, такъ и съ опекуномъ, о родѣ службы, копорый хотѣли для себя избрать. Карль намѣренъ былъ вступить въ почтенное сословіе Парижскихъ Адвокатовъ, а Юлій на мѣсто отца въ Канцелярію Государственнаго Совѣта. Нельзя было не исполнить ихъ желанія; но такъ какъ Гжа Моншкаръ

жила въ Анпенской улицѣ, а имь, для слушанія юридическихъ лекцій, въ пѣакъ называемой *Латинской области* *), должно было всякой день дѣлать весьма большіе и запруднишельные переходы, то она и рѣшилась помѣстить ихъ на хлѣбы у одной бѣдной знакомой ей вдовы, живущей въ той часли города. — Послѣ семилѣтняго пребыванія въ Лицеѣ надѣялись они раздѣлить съ Эдуардомъ удовольствія семейственной жизни; но вмѣсто нѣжнаго брата нашли въ немъ гордаго любимца матери, который почиталъ себя за господина въ домѣ. Сначала показалось имь это только смѣшнымъ: они спали издѣваясь надъ женскимъ его спаномъ, манерами и высокомернымъ обхожденіемъ. Уязвленный насмѣшками ихъ Эдуардъ началъ и самъ смѣяться надъ кривыми ихъ ногами, надъ неловкимъ обращеніемъ, однимъ словомъ, надъ тою грубою прослю-

---

*) Такъ называется въ Парижѣ та часть города, гдѣ находится Училище правъ, Университеты, Коллегіи и проч. См. въ *Антенскоиъ Пустыниикѣ* любопытную статью: *Латинская Область*. Ч. II, стр. 53.

пою, которая свойственна молодымъ людямъ, вышедшимъ только изъ училища. Но какъ онъ не имѣлъ ни ума, ни просвѣщенія Карла и Юлія, то и оспался въ проигрышѣ въ первой же борьбѣ съ ними. Это пронуло его самолюбіе; послѣдовали съ обѣихъ сторонъ колкости, оскорбленія, угрозы—и пагубный раздоръ возникъ между двумя старшими братьями и младшимъ.

Если бы Гжа Монпкаръ вздумала выговаривать Карлу и Юлію, то могла бы навлечь неприязни и къ любимому своему сыну; а потому она старалась только о томъ, какъ бы удалишь ихъ отъ себя. Между темъ наступило время преподаванія юридическихъ лекцій. Оба старшіе брата опличились столько же въ Училищѣ Правъ, какъ и въ Лицеѣ. Въ продолженіи трехъ лѣтъ, каждое воскресенье проводили они у матери, гдѣ нечувствительно привыкли къ свѣтскому обращенію и привлекапельнымъ поспулкамъ, не модныхъ однако же вершопраховъ, какимъ былъ Эдуардъ, но благовоспитанныхъ молодыхъ людей, дѣлающихъ честь своимъ семействомъ и составляющихъ надежду отечества. Легко замѣтили они преиму-

щесства, которыми пользовался младшій брашъ ихъ, и предоспорожности, упопреляемые имъ для того, что бы скрывать ошъ нихъ весьма многое. Расходы его показывали очень ясно, что къ содержанию, получаемому имъ наравнѣ съ ними, дѣлались шайно весьма значительныя прибавки. У него было много учителей живописи, музыки и фехтованія, тогда какъ старшiе брашья насиду могли упросить мапъ, что бы плашили за ихъ обученіе въ фехтовальномъ залѣ. За споломъ угощаль госпей одинъ только Эдуардъ съ матерью, противу копорой обыкновенно садился онъ, какъ начальникъ сѣмейства, а Карлъ и Юлій были въ родительскомъ домѣ совершенно какъ поспороніе. Не смѣя держашъ собственнаго кабриолета, Эдуардъ часто нанималъ его, и не разъ случалось, что онъ забрызгивалъ грязью брашьевъ своихъ, которые ходили всегда пѣшкомъ пошому, что не имѣли лишнихъ денегъ на фіакръ. Однимъ словомъ, все что только можешъ показашъ предпочтеніе, было замѣчено Карломъ и Юліемъ и пересказано Опекуну. Достойный другъ покойнаго ихъ опца, почель обязанноспію поговорить объ

эпомъ съ Гжею Моншкаръ; но въ справедливыхъ жалобахъ старшихъ ея сыновей видѣла она одну только зависшь и клевету и ни зачщо не хотѣла пожертвовашь для нихъ своимъ приспращіемъ. По несчастію, не могла она при семъ случаѣ воздержашься опъ язвительныхъ упрековъ, и эшо неблагоразуміе еще болѣе увеличило несогласіе между старшими братьями и Эдуардомъ. Съ эшого времени Карль и Юлій всячески старались оскорблять его и дурачить. Они называли его любимымъ сынкомъ, маленькимъ Маркизомъ; а вскорѣ замѣпя холодность къ себѣ матери, начали оказывать ей только то почтеніе, которое налагали на нихъ обязанность и приличіе, и рѣже прежняго спали приходить къ ней. Эшого-то и желалъ Эдуардъ. Онъ началъ жить совершенно по своей волѣ, сдѣлалъ дурныя связи и спалъ входить въ долги, которые Гжа Моншкаръ принуждена была уплачивать.

Между темъ Карль и Юлій съ успѣхомъ окончили изученіе Правъ. Первый занялъ въ Парижѣ шпашное мѣсто Адвоката, а другой принялъ былъ сверхъ комплекша въ Канцелярію Государственнаго

Совѣта. Они достигли того возраста, копорый законъ признаеть совершенно-лѣтнимъ, но естъ, Карлу исполнилось 21 годъ, а Юлію 20 лѣтъ. Всѣ имѣніе, копорымъ пользовалась ихъ мать, было опцовское; слѣдственно имъ принадлежало, и хотя были нѣкопорые неровныя доли, дѣлаемыя ею изъ дохода, проспиравшагося до двадцати тысячъ франковъ; но они не хотѣли пребывать опъ нея опчета до тѣхъ поръ, пока младшій братъ не придетъ въ совершенно-лѣтіе. Карлъ и Юлій довольствовались назначеннымъ прежде каждому изъ нихъ содержаніемъ по 1500 франковъ въ годъ. Находя въ трудахъ своихъ и познаніяхъ достаточныя средства для удовлетворенія своимъ нуждамъ, они почли обязанностію сдѣлать Гжѣ Моншкаръ это доказательство сыновняго къ ней почтенія. Будучи пронута такимъ благороднымъ поступкомъ, опчаспи возвратила она имъ любовь свою и просила ихъ, что бы навѣщали ее чаще. Она желала сблизить ихъ съ Эдуардомъ и возстановить между ими по дружеское согласіе, копорое составляеть первѣйшее счастье маперисѣмейства; но пристрастная ея любовь,

навсегда разрушила это брашское согла-
 сие. Карль и Юлій изъ одной только бла-
 гоприснойности и уваженія къ мащери
 прекрапили свои насмѣшки надъ Эдуар-
 домъ; они пришворились даже, будшо не
 знаютъ о его моповспвѣ и не имѣютъ
 никакихъ опасеній на счетъ общаго ихъ
 наслѣдства; настоящій брашскій союзъ
 существовалъ только между двумя ими:
 взаимная ихъ любовь и довѣренность рав-
 нялись опвращенію ихъ къ Эдуарду. Это
 чрезвычайно сокрушало Гжу Моншкаръ;
 но шайный голосъ говорилъ ей, что она
 сама виною пакого раздора и не позво-
 лялъ ей жаловаться на Карла и Юлія.

Ошличное уваженіе, болѣе и болѣе
 приобретаемое ими въ свѣпѣ, тогда какъ
 Эдуардъ, нѣжный предметъ слѣпаго при-
 страстія, не имѣлъ у себя, кромѣ мащери,
 никакой подпоры, повидимому совершенно
 опдѣлило ихъ опъ меньшаго браша. Эду-
 ардъ, наскуча живописью, занялся музы-
 кою и попомъ, переходя опъ одного упраж-
 ненія къ другому безъ цѣли, безъ разбора,
 сдѣлался однимъ изъ пѣхъ высококомѣрныхъ
 празднлюбцевъ, копорые думая избѣжашь
 преслѣдующей ихъ скуки, хващашься на-

удачу за первое представившееся имъ развлеченіе, не размышляя, вредно ли оно для ихъ спокойсвія и здоровья и не опасно ли для добраго имени. Онъ умѣлъ только играть въ шары, ѣздить верхомъ, копировать ландшафты и брэнчать на арфѣ новые романсы. Съ братьями встрѣчался, и по изрѣдка, у Гжи Моншкаръ, которая отдавая должную справедливоспъ качествамъ и достоинствамъ старшихъ сыновей, но увлекаемая непонятнымъ приспраспиемъ, находила въ предметѣ своей нѣжности милаго соповарища одинокой своей жизни, усерднаго исполнителя своей воли. Нуждаясь всегда въ машеринскомъ коелькѣ, Эдуардъ съ особенною приязнностію развязывалъ его; вкрадчивоспъ, ласкательсво, тонкая хитроспъ, все было употребляемо имъ для сохраненія власти надъ Гжею Моншкаръ, обольщенной до такой степени, что для удовольворенія безразсуднымъ издержкамъ любимаго сына, не щадила она ничего. Карль и Юлій никогда не дѣлали ей ни малѣйшихъ за то упрековъ, зная, что она не можетъ прикоснуться до ихъ капишала, и великодушно предоставили ей право

пользоваться съ онаго всеми проценками. Они отказались даже ость назначеннаго имь содержанія го 1500 франковъ. Такое примѣрное безкорыстіе и величіе души предшествовали гораздо прогашельнѣйшему доказательству благородныхъ чувствованій, копорыми были они одушевлены. Эдуардъ, завлеченный въ игорный домъ, проигралъ шамъ на честное слово 10.000 франковъ и обязался заплашитъ непременно эту сумму чрезъ три дни. Тщепно умолялъ онъ мнимыхъ друзей своихъ о пособіи. Мрачное безпокойство, изображавшееся на его лицѣ, не скрылось ость Гжи Моникарь. Она спросила его о причинѣ, и онъ во всемъ ей признался. Слабая мать не нашла другаго средства вывести сына своего изъ споль затруднительнаго положенія, какъ продать ларчикъ съ брилліаншами, цѣною почти на 12000 франковъ. Она обратилась къ одному Ювелиру, съ копорымъ сваршій сынъ ея, Адвокатъ, болъ очень хорошо знакомъ. Ювелиръ почель долгомъ увѣдомитъ Карла о споль спранномъ намѣреніи его матери. Карль легко догадался, что моповство Эдуарда было причиною шакого по-

жертвованія. Переговоривъ съ Юліемъ, вручили они Ювелиру 12000 фр., которыхъ и опдалъ онъ Гжѣ Моншкаръ, какъ условленную цѣну за брилліанты. Между тѣмъ наступилъ день ея именинъ, и Гжа Моншкаръ, къ которой обыкновенно собиралось въ это время множество гостей, вышла за сполонъ, подъ салфеткою своего прибора, поить самый ларчикъ, который продала она съ такимъ сожалѣніемъ, при слѣдующей запискѣ: *батюшка нашъ былъ счастливъ, когда предложилъ вамъ этотъ ларчикъ; а мы еще счастливѣе, что имѣемъ возможность вернуть вамъ его.* Гжа Моншкаръ невольно вскрикнула отъ радости и удивленія. Гости любопытносповали узнать причину, и Гжа Моншкаръ рассказала имъ, какой приятный сюрпризъ сдѣлали ей старшіе ея сыновья, умолчавъ однако же, для чего и для кого рѣшилась она пожертвовать своими брилліантами. Потомъ, въ первый еще разъ по кончинѣ своего супруга, съ воспоргомъ прижала она къ своему сердцу Карла и Юлія, которые раздѣляли съ нею душевное ея наслажденіе. Только въ эту минуту узналъ Эдуардъ всю цѣну сдѣланнаго

для него пожертвованія. Онъ пришелъ въ величайшее смущеніе; мать замѣтила это и подумала, что видящъ въ виновномъ сынѣ искреннее раскаяніе, что онъ желаетъ подражать достойнымъ своимъ братьямъ и сдѣлаетъ наконецъ ее самою счастливейшею матерью.

И дѣйствительно, нѣсколько времени казалось, что Эдуардъ пропившійся губельнымъ своимъ склонностямъ. Онъ не держалъ уже верховой лошади, возвращался по вечерамъ гораздо ранѣе прежняго, менѣе занимался вершопрашествомъ, почти всякій день завтракалъ съ матерью; наконецъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ только однажды заглянулъ въ ея кошелекъ и взялъ опшуда не болѣе 500 франковъ для уплаты поршному. — “Счастливая перемѣна! говорила сама себѣ Гжа Моншкаръ. Какъ довольна я собою, что не оскорбила пылкаго его характера, не опечалила высокоумнаго его сердца, кошорое гораздо чувствительнѣе, нежели какъ о немъ думаютъ! Эдуардъ не иное что, какъ любезный вершопракъ, кошорый если и дѣлалъ когда зло, то вѣрно безъ намѣренія и пропивъ своей воли., Наконецъ исправленіе

его приписывала она прогашельному уроку, полученному имъ въ день ея именинь опъ благородныхъ его брашьевъ.

Однажды упромъ, когда Гжа Моншкаръ сидѣла одна въ комнапѣ, а Эдуардъ, прошиву своего обыкновенія, не присуспвоваль при завпракѣ, вошелъ къ ней Опекунь ея д шей. Не одинъ разъ говорилъ онъ ей о пагубной ея слабоспи, пакъ какъ и любимому сынку ея на счепъ его поведенія и моповспва; но ни сынокъ, ни машупка не хо ѣли слушашъ благоразумныхъ его увѣщаній: снисходительный языкъ опекуна всегда почпи принимаешся за скучное поученіе спрогого порицащедя. Важный и таинственный видъ, съ которымъ явидся онъ къ Гжѣ Моншкаръ, испугаль ее. Она приняла dospойнаго повѣреннаго покойнаго своего супруга съ шемъ уваженіемъ, копорымъ была ему обязана, и съ шюю однако недовѣрчивоспю, которая происходипъ всегда опъ слѣпаго предубѣжденія. Опекунь, безъ всякой околичноспи, сказалъ ей, что она должна опдашь опчепъ дѣшямъ своимъ въ имѣннн ихъ опца.—“Я думала, опвѣчала она, смупившись, что Карль и Юлій подождупъ

до совершеннолѣтня ихъ брата, и тогда предсавила бы я за все время полный опчеть., — Но сегодня Эдуарду исполнилось ровно 20 лѣтъ. — “Какъ! Да, почно, нынчѣ 15 Сентября *)...кажется, считаюшь даже минушы...никакъ не могла я подумать, что бы старшіе мои дѣти., — Не опъ нихъ, сударыня, пришелъ я къ вамъ съ этимъ порученіемъ: но по просьбѣ самаго Эдуарда. — “Что вы говорите!., — Истину, сударыня. Знаю, что она очень для васъ неприятна: жестокой урокъ, который вы получите, долженъ ужаснушь всѣхъ маперей, увлекающихся гибельнымъ предпочпеніемъ къ одному изъ дѣтей своихъ. Ишакъ знайте, сударыня, что вашъ Эдуардъ только и ждалъ того времени, когда можетъ получить законную свою часть. Завлеченный въ пущыя предприятия, окруженный пронырливыми людьми, которые льстили его щеславію, возбуждали честолюбіе, Эдуардъ жаждалъ скорѣе захватить въ свои руки опцовское

---

*) Такая нѣжная мать забыла о днѣ рожденія любимаго своего сына! *Прим. Изд.*

наслѣдство; и какъ онъ не осмѣлился бы, въ вашемъ присушствіи, попребовать возвращенія процендовъ, которыми излишняя ваша щедрость позволяла ему пользоваться: по объявилъ мнѣ, что поручилъ одному человѣку разсѣсться съ вами и свѣрсить доходы со своего имѣнія, съ росписками, копорыя вы опъ него имѣете. — “Съ росписками! вскричала Гжа Монпкаръ съ изумленіемъ и негодованіемъ: никакой росписки никогда не получала я опъ него и не думала получать ... я продала для него свои брилліаншы, опдала бы ему жизнь свою ... и за такую любовь, за все, что я дѣлала для него и шерпѣла, заплашишь такую ужаснѣйшею неблагодарностію!,, Языкъ ея оледенѣлъ, блѣдность покрыла ея лице, и она упала въ кресла, какъ бы лишенная употребленія всѣхъ чувствъ. Блуждающіе ея взоры, казалось, искали неблагодарнаго, но все еще любимаго ея сына; наконецъ дрожащія, блѣдныя уста ея произнесли слѣдующія слова: “Эдуардъ ... жестокій сынъ! ... можешь ли ты шерзать такъ жестоко грудь, копорая шебя пишала?,, Попомъ, вскочивъ съ кресель, воскликнула: “я кочу видѣшь его, хо-

чу, что бы у ногъ моихъ опрелся онъ
опъ всѣхъ своихъ проспуковъ: онъ не
осмѣлился перенести моего взгляда...—
Онъ предвидѣлъ это, сударыня, и сегодня
же упрямъ уѣхалъ въ Бордо съ прелесш-
ною Сиреною, копорю давно уже плѣнил-
ся въ одномъ игорномъ домѣ и копоря
овладѣла совершенно эшимъ испорченнымъ
сердцемъ, эшою слабою головою, что бы
захватишь въ свои руки его имѣнiе, подъ
пустнымъ предлогомъ испышашъ въ дру-
гомъ мѣстѣ благосклонность Форшуну.

Лишь только суровый опекунъ кон-
чилъ слова сіи, вошли Карль и Юлій. Зло-
получная мать бросилась къ нимъ въ
объятія. Она не могла говорить; но блѣд-
ность ея и рыданія показывали, какъ
много спрадала она. Добрые сыновья у-
спокоили наконецъ чрезвычайное душев-
ное ея волненіе; она пришла въ себя и
когда открыла глаза, то увидѣла Карла и
Юлія у ногъ своихъ: они осыпали поцѣлу-
ями ея руки и повторяли прогашельнымъ
голосомъ: *если вы, матушка, лишились
одного сына, то у васъ осталось еще
двое...*—“Дѣши мои!...милыя дѣши! сказала
Гжа Моншкаръ, проливая слезы... я была

очень несправедлива пропивъ васъ, виновна передъ вами...и вопль какъ мспитте вы мнѣ за это!.,—Она прижала ихъ къ прешущей груди своей; Карль и Юлій почувствовали въ это время, что нѣжная маперинская любовь навсегда къ нимъ возвратилась.

На другой день занялись они, вмѣстѣ съ повѣреннымъ опсупс.вужащаго Эдуарда. Имѣніе ихъ состояло изъ 480.000 франковъ; слѣдственнѣ на каждого брата приходилось по 160.000 франковъ. Карль и Юлій не знали, какое употребленіе мать ихъ дѣлала изъ проценповъ съ общаго ихъ капиталла: имъ извѣстно было только то, что она, получая на свою часть не болѣе 3000 франковъ, не могла возвратить проценповъ, и пошому согласились доплатить опъ себя Эдуарду недостающее число денегъ къ его законной части, которая простиралась до 200.000 франковъ и оправили ихъ къ нему въ Бордо. Вскорѣ послѣ того Карль и Юлій выгодно женились. Остатки наследственнаго имѣнія, доходы по службѣ и богатое приданое, взятое за женами, позволили имъ обезпечить совершенно участь несчастной

ихъ матери; но она не хотѣла принять опъ нихъ ничего, кромѣ дохода, назначеннаго ей покойнымъ ея мужемъ, хотя и не имѣла уже болѣе своей собственности. Гжа Монпкаръ не могла забыть, что лишила спаршихъ своихъ сыновей для младшаго значительной части опцовскаго имѣнія и старалась всемѣрно загладить вину свою предъ ними. Впрочемъ, живучи по у Карла, по у Юлія, не имѣла она ни въ чемъ нужды.

Душа ея начинала успокоиваться опъ сильнаго поспрасенія. Неблагодарность Эдуарда, конечно, оставила въ ней впечатлѣніе неизгладимое; но оно смягчалось Юліемъ и Карломъ, которые не пропускали ни одного случая доказывать ей любовь свою. Однажды получаетъ она письмо; взглянула на адресъ и запредела: письмо это было изъ Бордо опъ несчастнаго ея сына. Обманушый Сиреною, заманившею его въ гибельныя свои сѣти, разоренный, лишенный всего, безъ прибѣжища, въ самой послѣдней крайности, Эдуардъ у ногъ своей матери, съ униженнымъ челомъ, молилъ, не о прощеніи непростишельныхъ своихъ просупковъ, но

о состраданіи, въ которомъ нельзя указать несчастному, о кускѣ хлѣба, которымъ надѣляешь нищаго... Это письмо раскрыло едва изцѣлившуюся рану Гжи Моншкаръ. Сначала хотѣла она скрыть все это отъ старшихъ сыновей, и немедленно отправила къ Эдуарду самое только необходимое. Но такое вспоможеніе соразмѣрно было слабымъ ея средствамъ, а не бѣдственному положенію, въ какомъ находился Эдуардъ; просить же Карла и Юлія о пособіи тому, который надѣлалъ имъ столько неприятностей и лишилъ ихъ части законнаго ихъ наслѣдства, считала она величайшею несправедливостію. Ларчика съ брилліантами у нея уже не было; она думала, что не можетъ сдѣлать лучшаго изъ нихъ употребленія, какъ подарить ихъ женамъ сыновей своихъ, которыхъ оправдали ихъ выборъ. Итакъ продала она послѣднія свои драгоценныя вещи, что бы доставить Эдуарду случай получить въ Бордо мѣсто, которое бы могло обезпечить его существованіе; но Эдуардъ едва умѣлъ писать, не имѣлъ ни малѣйшихъ свѣдѣній, никакого понятія о коммерціи и законахъ; огра-

ниченныя его познанія въ Живописи и Музыкѣ не могли бытъ для него вѣрнымъ и доспапочнымъ пособіемъ. Какъ много спрадалъ онъ, и какую жестюкою горе-спію поразилъ машеринское сердце! Не-обходимоспъ въ соспраданіи Карла и Юлія, была для нея всего прискорбнѣе; од-нако же она должна была рѣшиться и на это. Карлъ и Юлій охотно согласи-лись помочь недоспойному своему брапу и опредѣлили на его содержаніе такую сумму, копорая доспапочна была для того, что бы не унизили фамилію Мон-парковъ; но съ условіемъ—никогда не по-казывашься къ нимъ и къ машери на гла-за. Сколь ни жестюкою казалось такое условіе, но оно было справедливымъ дѣй-спвіемъ того несогласія, копорое Гжа Моншкаръ поселила между сыновьями. Эдуардъ долженъ былъ согласиться на все. Доведенный до такой крайности и уни-женный великодушнымъ соспраданіемъ брашьевъ, копорымъ нанесъ сполько о-горчений, долго жилъ онъ въ удаленіи отъ своего сѣмейства. Тягоспная скука, на-поминая ему худо проведенную моло-доспъ, дѣлалась съ каждымъ днемъ для

него неспоснѣе. Наконецъ ему удалось испросить позволеніе приѣхать въ Парижъ. (Сполько-по неиспощимо маперинское добродушіе!)—Юлій выхлопоталъ для него неважное мѣсто, съ 1500 франковъ жалованья, гдѣ и провелъ онъ всю свою жизнь. Сравнивая гореспный свой жребій съ судьбою брашьевъ счастливыхъ и пользующихся опличнымъ уваженіемъ, Эдуардъ перзался; онъ прожилъ весь вѣкъ холоспымъ, вовсе не имѣя друзей и былъ въ свѣспѣ по же самое, чпо въ лучшіе весенніе дни дерево въ лѣсу, безъ вѣспвей и зелени. Всякій разъ, какъ Гжа Моншкаръ, кошпору въ лучшихъ ея лѣспахъ нарушала онъ спокойспвіе, а староспъ удручила гореспями, оспанавливала на немъ взоры свой, нѣкогда споль радоспные и нѣжные—всякій разъ взоры сіи, казалось, говорили ему: “восп до чего довела насъ обоихъ слѣпая моя любовь и виновное приспраспие!,,

X.

УРОКЪ ЗАМУЖНИМЪ КОКЕТКАМЪ.

Повѣсть Адр. Саразеня.

Молодая Амалія Освиль, щедро награжденная дарами природы и счастія, въ дѣтствѣ еще была избалована своими родителями, а модными ласкашелями съ самаго юного времени, какъ вспушила въ большой свѣтъ.—(Похвалы, рано намъ разпочаемыя, дѣлають насъ легкомысленными, шщеславіе занимаетъ погда нашу голову и не оставяешь въ ней мѣста разсудку. Однакожь, надобно признаься, что шестнадцатъ лѣтъ, прекрасная фигура, милое личико и другія любезныя качества, скрываютъ иногда небольшіе наши недоспапки. Суешность въ молодой особѣ любезной, ешь не что иное, какъ невольная дань, копорой она себѣ перебуешь; и мы забываемъ, что скромность гораздо болѣе бы намъ понравилась. — Клерваль, влюбленный въ Амалію, спарался ей понравиться, и что бы успѣшь въ своемъ намѣреніи, употребилъ самое легкое и надежное средство—*лесть* *)! Онъ

---

*) Небольшая же ей честь! *Изд.*

имѣль оспрыій умъ, пыльное воображеніе и способность, копя ничпожнующ, но весьма приапнующ, сочиняпшь скоро въ компаніяхъ замысловатые спищки, копорыхъ все достоинство состоипшь въ неожиданности, копорые, подобно искрамъ, блестяпшь и умирающъ при самомъ своемъ появленіи, но иногда производяпшь поспоянное впечатлѣніе въ сердце женщины, умѣвшей внушипшь ихъ. Клерваль и Амалія были уже два года соединены, и одно дпша утвердило сей счастливый повидиму союзъ. Между темъ, Клерваль нечувствительненью перемѣнилъ свои поступки и разговоры съ Амалією. Онъ все еще любилъ жену свою съ одинакою нѣжноспію, но не сочинялъ болѣе для нея спищовъ, и спараясь всемѣрно сдѣлапшь ее счастливою, не распочалъ ей болѣе прежнихъ похвалъ. Языкъ его съ нею, былъ языкъ чистосердечія и искренности, но не вернопрашесства. Онъ думалъ, что сѣмейственненьое счастье совсемъ иначе изясняется, нежели пылкая спраспшь; что модная лестъ очень можетъ быть приапна въ больщомъ свѣшѣ, но оскорбительна и несносна для жены, съ копорою

должно проводить всю свою жизнь. До брака, хопѣль онъ казашься любезнѣйшимъ изъ любовниковъ; женившись же, думаль о томъ, какъ бы сдѣлаться лучшимъ изъ мужей. Но въ осмнадцать лѣтъ женщина не можеть любить насъ за одни только наши хорошія качества. Въ эти лѣта умъ не имѣеть еще насущной основательности. Гжа Клерваль сильно была пронута такою переменною своего мужа: во всемъ блескѣ красоты, окруженная обожателями, начала она искать въ большомъ свѣтѣ тѣхъ похвалъ, копорыхъ не получала уже болѣе у себя дома. Скоро узнали всѣ о ея шеславіи, и похвалы, мадригалы снова посыпались на нее. Клерваль замѣнила, что она безъ всякой умѣренности пользовалась въ обществѣ своимъ шріумфомъ и что нескромное желаніе нравиться всѣмъ можеть очень повредить какъ ея счастью, такъ и доброму имени.—“Ты была вчера очень весела у Графини Бельмонть, сказалъ онъ ей однажды: и я съ горесшію примѣчаю, моя милая, что тебѣ несравненно приятнѣе бытъ въ большомъ свѣтѣ, чемъ у себя дома., — Ваше

замѣчаніе справедливо, отвѣчала Гжа Клерваль съ досадою: въ свѣтѣ оказываюпъ мнѣ должное уваженіе, а дома считаюпъ меня за ничто. — “Ты худо понимаешь это, другъ мой! Въ свѣтѣ хваляпъ тебя какъ прекрасную и любезную женщину — положимъ, что это хорошо — но дома обходяпъ съ тобою какъ съ разсудительною женщиною, съ доброю машерью, съ нѣжнымъ другомъ, а это, кажется, гораздо лучше перваго. Въ свѣтѣ, самолюбіе приводитъ въ дѣйствіе всѣ пружины быстрого и суешнаго ума, что бы вскружило тебѣ голову; дома же, сердце говоритъ тебѣ со всею искренностію. Въ свѣтѣ, стараюпся обольстить тебя, а дома ты...”, — Эпоть разговоръ былъ прерванъ приѣздомъ многихъ госней. Скоро толпа молодыхъ любезниковъ окружила Гжу Клерваль; похвалы ей полетѣли изъ устъ и взоровъ всѣхъ присутствующихъ. Быстрый разговоръ, хотя и пустой самъ по себѣ, доставляетъ каждому случай показать свой умъ и любезность. Всякое слово, сказанное Гжею Клерваль, повсюрьялось всѣми съ прибавленіемъ: *какъ умна! Какая тонкость! Какія прелести!* —

Эти припорные похвалы казались ей шемъ приятиѣ, что она думала, будто дѣятельно заслуживала ихъ. Среди шолпы эшихъ поклонниковъ Гжи Клерваль, опличался болѣе всѣхъ Флорвиль: онъ былъ недурень собою, очень ловокъ и одѣвался со вкусомъ. Правда, что при всѣхъ элихъ наружныхъ преимуществахъ былъ онъ чрезвычайно разсѣянъ, въ обращеніи и, при всемъ своемъ остроуміи, не имѣлъ вовсе разсудка. Но если бы соединялъ онъ въ себѣ оба эти качества, то не имѣлъ бы, можетъ быть, шакого успѣха въ большомъ свѣтѣ, гдѣ нерѣдко наружная любезность и модное дурачество предпочитаются насмоящимъ и существеннымъ достоинствамъ. Флорвиль рѣшился обольстить щеславную Гжу Клерваль и думалъ, что сдѣлалъ уже нѣкоторыя успѣхи въ ея сердцѣ. Онъ и не со всемъ обманывался: хотя Гжа Клерваль имѣла совершенное познаніе о супружеской любви и ея обязанностяхъ; но настало время, въ которое посторонняя помощь необходима была для ея разсудка.

Однажды Клерваль входилъ въ комнату своей жены: ее не было дома, и она оставила ненарочно у себя на столикѣ

письмо, копорое начала писаць къ одной искренней своей приятельницѣ. Клерваль увидѣль это письмо и прочель въ немъ слѣдующее: “я не такъ счастлива, моя милая, какъ ты воображаешь. Правда, что мужъ мой все еще остается лучшимъ изъ мужей; я не сомнѣваюсь въ его нѣжности, но онъ теперь совсемъ не то, что былъ до женишъбы! Зачемъ прошло это счастливое время, въ копорое только и думаль онъ, какъ бы мнѣ угодишь и понравишься? Тогда говорилъ онъ мнѣ однѣ только нѣжности и ласка вельсхва. Тяжебныя дѣла его въ такомъ же точномъ положеніи, какъ и прежде; но разговоръ и обращеніе со мною совершенно переѣнились: онъ ко мнѣ теперь очень равнодушенъ, даже холоденъ! Повѣришь ли? иногда осмѣлаваясь даваль мнѣ совѣты, мнѣ, копорая была для него за два года оракуломъ! Еслибъ до свадьбы не спарался онъ угождать мнѣ и нравишься: то, безъ сомнѣнія, и я не полюбила бы его, а теперь и на умъ ему не приходишь сказанъ мнѣ что нибудь приятное, похвалить меня искуснымъ образомъ. Къ счастью около меня увиваеися шолга любезныхъ моло-

дыхъ людей, и я нахожу въ нихъ по вниманіе и по угожденія, копорыхъ мужъ мой не оказываетъ мнѣ болѣе. Между ими есть одинъ... Ахъ! моя милая! если бы ты увидѣла его, то, бьюсь объ закладъ, вѣрно бы полюбила... Она называется Флорвилемъ. Не думаю, что бы можно было найти гдѣ нибудь человѣка любезнѣе его: съ понкимъ, блестящимъ умомъ, соединяетъ онъ самую привлекательную обходительность. Правда, это модный человѣкъ: но я думаю, что на сей разъ мода очень справедлива. За секретъ скажу тебѣ: кажешься я плѣнила его, и признаюсь... „ — Гжа Клерваль остановилась на этомъ мѣстѣ. Мужъ ея смутился немного при чтеніи столь неприятнаго для него письма; но разсудивъ немного, нашелъ въ немъ нѣкоторый лучъ надежды и утѣшенія. Жена моя любитъ еще меня, сказалъ онъ самъ себѣ: она опдаетъ справедливость качества моего сердца; недовольна только переменною моего съ нею обращенія — хорошо, пусть такъ: я переменю его. Она сожалѣетъ о похвалахъ, копорыя нѣкогда расточала я ей; стану же снова осыпать ее ими: безъ сомнѣнія и во второй разъ

одержу побѣду надъ моими соперниками, упоиребивъ ихъ же собственное оружіе... а, можешь быть, и сама Амалія, копорая оиъ природы шакъ чувствившелъна и умна, вскорѣ узнаешь на опышѣ всю ничтожность эшихъ модныхъ похвалъ и комплиментовъ, увидя перемѣну моихъ съ нею поступковъ и обращенія.—Топъ же часъ ѣдешь онъ въ одно большее собраніе, гдѣ очень часто бывала жена его. Клерваль идетъ къ ней и садится среди обожашелей, копорыми она была окружена. Въ самое это время Флорваль, овладевъ искусно разговоромъ, удивлялъ всѣхъ необыкновенною своею любезностію; никогда еще умъ его не являлся въ шакомъ блескѣ. Онъ дѣлалъ Гжѣ Клерваль комплименты съ шакною ловкостію и приятиностію, что соперники его онѣмѣли оиъ изумленія и не смѣли болѣе состязаться съ нимъ на эиомъ поприщѣ. Клерваль однако между шемъ приготовилъ для всего собранія самую неожиданную сцену: сѣвъ между своею женою и ужаснымъ Флорвалемъ, началъ съ нимъ вмѣстѣ распочашъ ей похвалы и не уступалъ ему ни въ ошроуміи, ни въ любезности. Бо-

лѣ часа непрерывно продолжался съ той и съ другой стороны бѣглый огонь изъ мадригаловъ; наконецъ Флорвиль упомялся, а Клерваль оспался побѣдипелемъ. Послѣ того сѣли играть въ *маленькія, невинныя игры*, невинныя большею частью по одному только названію. Клерваль, занявши только своею женою, не упускаешь ни одного случая, что бы сказать ей какую ни будь лестную и остроумную похвалу. Гжа Клерваль очень смѣшана ролею, которую играетъ мужъ ея; она краснѣетъ, замѣчая насмѣшливую улыбку другихъ дамъ и слыша вокругъ себя глухій шепотъ. — «Не смѣшно ли это, говорятъ онѣ въ полголоса между собою, что мужъ публично осыпаетъ жену свою такими похвалами? Ра въ нѣтъ ему времени говорить такія любовныя глупости тогда, какъ бываетъ онъ съ нею одинъ. Всѣ эти супружескія нежности и дуратества могутъ быть очень къ спани дома, но надобно признаться, что въ обществѣ онѣ чрезвычайно несносны.» — Спали вынимають фанты, и назначили, что бы каждый изъ мужчинъ сдѣлалъ порицать любимой имъ женщины. Описаніе Флорвиля найдено пре-

лестнымъ. Лишь только переспаль онъ говоришь, всѣ съ лукавою улыбкою взглянули на покраснѣвшую Гжу Клерваль. Дошла очередь и до ея мужа: при описаніи наружныхъ прелестей обожаемой имъ женщины употребилъ онъ самыя опборнѣйшія выраженія: не пожалѣлъ ни лилей, ни розъ, ни коралловъ, ни жемчуговъ, ни прочихъ драгоценностей.—“О, это Гжа Клерваль, вскричали всѣ: нельзя никакъ не узнать!., Гжа Клерваль покраснѣла еще болѣе прежняго. — “Право, онъ сошелъ съ ума!., шепчущая между собою дамы. — Надобно признайся, говорили молодые вертопрахи; что Клерваль самый, любезный мужъ: не всякій могъ бы сдѣлать такой прелестный порипрепъ своей жены!., Начали развѣзжаться. Смущенная Гжа Клерваль спѣшишь домой; услужливый мужъ ея почтительно идешь за нею и съ оспорожноспію несешъ ея шаль; онъ не хочешъ, что бы другой кшо подаль ей руку, когда она садилась въ карету. — Оспавшись съ нею на единѣ, продолжаешъ онъ по же самое обращеніе и потъ же самый разговоръ. Гжа Клерваль молчишь; но приѣхавъ домой, не можешь болѣе у-

держашь себя. — “Я не понимаю, что съ вами сдѣлалось, говоритъ она своему мужу: вѣрно вы сошли съ ума!”, — Ахъ, сударыня! описываешь съ нѣжностію Клерваль: кто же можетъ сберечь его въ нашемъ присутствіи? — “Всѣ эти лестныя похвалы, которыя такъ щедро распочали вы мнѣ ..., Не значуть ничего въ сравненіи съ тѣми, которыя вы заслуживаете! — “Эпюль неожиданный еміамъ ...”, — Недостоинъ такого божества, какъ вы! — “Эпюль портретъ ..., — Самый безприсрашннй! — “Напрошивъ, самый смѣшннй!”, — Трудности въ изображеніи такихъ прелестей будутъ моимъ извиненіемъ! — “Вы заславили всѣхъ дамъ смѣяться надо мною., — Онѣ завидовали красотѣ вашей! — “Всѣ мужчины смѣялись надъ вами., — Они завидовали моему счастью! — “Вы заславили меня красотѣю безпрешанно., — Не жалуйтесь на эпю: нррно столько не придаетъ привлекательности красотѣ, какъ милый румянецъ спыдливости. — При сихъ словахъ онѣ оставляють ее и уходятъ на свою половину. Гжа Клерваль съ досады очень дурно провела ночь. — На слѣдующее утро мужъ

ея входилъ къ ней въ уборную на цыпочкахъ. — Позволено ли мнѣ, спрашиваетъ онъ нѣжнымъ голосомъ: войши въ священище Грацій?—Гжа Клерваль не отвѣчаетъ ничего и только пожимаетъ плечами. — Какая свѣжестъ! продолжаетъ онъ, какъ бы не замѣчая неудовольствія жены своей: на щекахъ вашихъ цвѣтутъ упреннія розы! — Гжа Клерваль все еще молчитъ. Приносятъ ея сына, котораго съ нѣжносною поцѣловала она. — Ахъ! говоритъ Клерваль, какая пѣнипельная картина: Амуръ въ объятіяхъ своей матери!—“Какой смѣшной образъ выраженія! сказала наконецъ Гжа Клерваль, потерявъ все свое терпѣніе. Такъ ли мужъ долженъ изъясняться со своею женою, или отецъ говоритъ о своемъ сынѣ? Переспаньте, закливаю васъ, оставьте эти надутыя и пустыя слова, или я разсержусь.,—Разсердились? говоритъ Клерваль, улыбаясь: это не возможно: какая небесная крошость въ прелестныхъ вашихъ глазкахъ!—“Я не ручаюсь за себя, прерываетъ Амаля съ досадою: если вы, сударь, будете продолжать такой разговоръ, то чувствую, что умру со скуки. Прошу оставить меня

одну: я предпочитаю уединение обществу такого человека, который говоритъ только однѣ ничтожныя и преувеличенныя похвалы., — Давно уже Клерваль имѣлъ пѣжебное дѣло, отъ котораго зависѣла судьба почти всего его имѣнія. — Это дѣло чрезвычайно занимало его и приготовлено уже было къ слушанію. Въ такое крипическое время, казалось, вовсе забылъ онъ о своемъ дѣлѣ, объ имѣніи и занимался однѣми только средствами нравиться женѣ своей. Приходящъ къ нему Спрятчій съ бумагами, просить просмотрѣть ихъ; но до бумагъ ли было влюбленному Клервалю: сидя въ кабинетѣ, передъ поршрешомъ прелестной своей Амаліи, занимался онъ гораздо важнѣйшимъ дѣломъ — сочиненіемъ новой для нея пѣсенки. Гжа Клерваль, услышавъ объ этомъ, приходилъ къ нему и просилъ его почти со слезами, что бы онъ просмотрѣлъ бумаги и сѣздилъ самъ ко всѣмъ судьямъ. — Мнѣ сударыня! говоритъ онъ ей: мнѣ удалился отъ васъ для низкаго корыстлюбія! — “Вы потеряете вашъ процессъ!”, — Лучше для меня потерять процессъ, чемъ одинъ изъ вашихъ взоровъ. — “Вы разори-

ришесь!...,—Вы останешесь у меня, а вы мнѣ дороже всего на свѣтѣ. При сихъ словахъ раздраженная Амалія хочешь уйти. Клерваль удерживаетъ ее, насильно сажаетъ на стулъ и показываетъ пѣсню, которую для нея сочинилъ. — Напрасно отказывается она выслушать ее. — Я вамъ всю ее пропою, говоритъ онъ: когда окончу; а теперь, сдѣлайте милость, выслушайте первые десять куплетовъ. Гжа Клерваль не знаетъ что ей дѣлать съ безсвязнымъ ея мужемъ: онъ падаетъ предъ нею на колѣни, цѣлуетъ ея ножки и не прежде опускаетъ ее отъ себя, какъ прочитавъ самыя лестныя похвалы ея красотѣ, которой; по словамъ его, всѣ баснословныя богини и извѣстнѣйшія по Исторіи красавицы должны уступитъ первенство. — Лишь только вошла Гжа Клерваль въ свои комнаты и успѣла опереть на глазахъ слезы, испоргнушыя гнѣвомъ и досадою, какъ докладываютъ о приѣздѣ Флорвія. Это посѣщеніе было очень къ спаси и могло развлечь нѣсколько бѣдную Гжу Клерваль. Съ ловкостію входитъ модный прелестникъ, привѣщиваетъ огорченную Амалію самымъ лю-

безнѣйшимъ образомъ, и намѣревается сообщити ей нѣкоторыя любопытныя подробности о послѣднемъ балѣ, на которомъ, ко всеобщему сожалѣнію, не была она.—“Хорошъ ли былъ балъ?”, спрашиваетъ она въ разсѣяніи.—Хорошъ!... Ахъ, сударыня! могъ-ли онъ быть хорошимъ, когда вы на немъ не были?—Тутъ начинается Флорвиль перебирать всѣхъ бывшихъ на балѣ особъ; каждый портретъ оканчиваетъ шонкою, язвительною эпиграммою, и ни одна молодая дама, которая по красотѣ, своей ловкости, или по щегольству, могла вступить въ соперничество съ Гжею Клерваль, не была имъ пощажена. Съ разсѣяніемъ слушаетъ его Амадія, и невольно приводитъ себѣ на мысль ту сцену, которую только что она имѣла со своимъ мужемъ. Флорвиль замѣчаетъ ея разсѣяніе и спрашиваетъ о причинѣ.—Ахъ! сударыня, вы вздыхаете! Не случилось ли съ вами какого несчастія?—“Признаюсь, меня очень беспокоитъ одно тяжёлое дѣло.,,—Безъ сомнѣнія, съ Граціями? Никогда не имѣли вы лучшихъ соперницъ!—“Вошь, говоритъ Гжа Клерваль сама себѣ: вошь наспоющій разговоръ моего мужа!.,,—Одна-

кожь надобно отвѣчать какъ нибудь на мадригаль Флорвиля.—“Этотъ процессъ очень важенъ, говоришь она: и, къ несчастію, я боюсь пошерять его., — Вамъ, сударыня, пошерять процессъ? . . . . Не возможно! . . Судьи ваши конечно смертные: сама всесильная любовь будетъ за васъ у нихъ ходатайствовать.—Гжа Клерваль начинаешь показывать знаки неперенѣнія; уже хотѣла она позвонить и извиниться передъ Флорвилемъ, что не можешь по причинѣ головной боли долѣе оставаться съ нимъ, какъ вдругъ являешься къ ней мужъ ея съ веселымъ лицомъ и съ бумагою въ рукахъ. — Я прибавилъ еще два куплета къ моей пѣсни, говоришь онъ женѣ своей: потомъ, примѣля Флорвиля, продолжаешь: какъ я радъ, сударь, что засталъ васъ здѣсь: вы сами пишете прекрасные стихи—опдаю вамъ на судъ мой, которые сію минушу только окончилъ — И не дождавшись отвѣта, поешь дюжину куплетовъ. При концѣ каждого оспанавливаешься нарочно, что бы получить дань похвалъ отъ Флорвиля, который прошивъ воли долженъ былъ хвалить его. Не возможно изъяснить, въ какомъ

несносномъ положеніи находилась тогда несчастная Гжа Клерваль; къ довершенію ея спраданія, возстаесть новая борьба между Флорвилемъ и ея мужемъ.—Первому хочепся показашь себя передь Амаліею любезнѣ послѣдняго, а попъ никакъ не рѣшаестья уступитъ ему первенство. Мадригалы сыплющя на бѣдную Амалію до того, что она готова упассть въ обморокъ! Наконецъ Флорвиль, видя, что репершуаръ его испоцился, спараестья скрыть свое неудовольствіе и уходитъ.—Надобно признашься, говоритъ Клерваль: что эпошь молодой человекъ очень любезень!—“Чемъ же? позволите спросить.,,—Все, что онъ говоритъ...—“Сущій вздоръ! пустыя, надутыя слова!...,—Онъ съ приятностію дѣлаесть комплименты! — “Которые выводятъ меня изъ терпѣнія., — Такъ вы не любите комплиментовъ? — “Мнѣ спанувишя пощно опъ нихъ.,,—А похвалы?... — “Такія увеличенныя и припорныя похвалы оскорбительны., — Но умъ его? — “Лестъ не означаесть еще ума.,,—Не мудро поперяшь умъ при васъ! — “Опяшь пощъ же языкъ!...Ахъ! Боже мой! когда перестанете вы говоритъ эпо, когда пе-

ремѣните ваше обращеніе со мною?,, — Когда вы сами предпишете мнѣ по, что говоришь съ вами. — “Оставьте это неприличное вамъ вершопрашесство, сказала Гжа Клерваль со слезами: заклинаю васъ, говорите со мною какъ прежде однимъ только языкомъ довѣренности и дружбы. Ахъ, Клерваль! я не узнаю болѣе васъ: нѣкогда говорили вы со мною какъ съ нѣжнымъ другомъ...уже ли переспали вы бытъ имъ для меня?,, — Я всегда такъ, говоришь Клерваль, бросаясь въ объятія своей жены. Просни мнѣ, моя милая, за маленькій урокъ, который непременно долженъ я былъ дать тебѣ. Тщеславіе заславляло тебя цѣнить выше всего эти пустыя и модныя похвалы, которыхъ ничтожество теперь только ты узнала. Я хотѣлъ доказать тебѣ на опытъ, что все по, что обольщаетъ мгновенно самолюбіе наше въ модномъ свѣтѣ, дѣлается предосудительнымъ и несноснымъ въ семейственной жизни. — “Какъ! прервала съ улыбкою Амалія: такъ ты дѣлалъ все это для моего направленія, для моей пользы? Такъ ты нарочно принялъ на себя эту смѣшную роль?..Ты не будешь больше со

мною верпопрахомъ?...Какъ счастлива я!
 ...Урокъ твой превосходенъ, и я никогда
 не забуду его.,—Пусть въ большомъ свѣ-
 тѣ поржесствуешь верпопрашество и
 модная лесть; но да процвѣщаетъ искрен-
 ность и добросердечіе въ сѣмейственной
 жизни.

И. Ермишевъ,

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Князь Вятко.

Баллада.

1.

Быстро неслися сизыя тучи;
 Въ тускломъ туманѣ мѣсяць блѣдный;
 Боръ непроходный, черный, дремучій,
 Въ хладныхъ Эстонскихъ дебряхъ шемель;
 Море клубилось, бездны кипѣли;
 Съ шрескомъ ломался ледъ у береговъ;
 Вихрь воздымаетъ вьюги, мятели;
 Путь застилаютъ груды снѣговъ;
 Въпрѣ въ запусѣлыхъ хижинахъ свещетъ;
 Въ селахъ не видно яркихъ огней;
 Волкъ, не спрашася, по полю ищетъ
 Тающихъ пруповъ; свѣжихъ костей;
 Цепль разоренныхъ хижинъ Эстонскихъ,
 Смѣшанный съ снѣгомъ, въпрѣ развѣвалъ;

Слѣдъ, обогранный кровью Ливонскихъ
 Рыцарей славныхъ, снѣгъ замешалъ;
 Робкій Эспонецъ, смерти спрашася,
 Хладъ забывая, бродишь въ лѣсахъ;
 Бѣдный изгнанникъ, голодомъ помяся,
 Съ горемъ кочуешь шамъ въ щалашахъ;
 Мракъ, запусънье въ замкахъ угрюмыхъ;
 На обгорѣлыхъ, черныхъ стѣнахъ
 Видны доспѣхи рыцарей буйныхъ,
 Славно съ оруьемъ падшихъ въ рукахъ.

2.

Тихо въ обширномъ спанѣ Алберта,
 Сонъ упоженныхъ очи смежилъ,
 И предъ восходомъ ранняго свѣша
 Юрьевъ густый туманъ обложилъ.
 Дремлющъ Тевшонцы.—Въ Юрьевѣ мрачномъ
 Съ горстью безспрашныхъ Вячко не спишь,
 И надъ стѣнами, въ полу-прозрачномъ
 Облакѣ, Ангель смерти паришь.
 Руское знамя въпръ развѣваешь;
 Грусны и смупны Россы спояшь;
 Каждый къ опчизнѣ взоръ успремляешь;
 Молча на стѣны, на знамя глядяшь.
 Мрачець, задумчивъ Вячко безспрашный,
 Дико на спанѣ Ливонцевъ взиралъ;
 Въ думѣ, казалось, спанѣ сей ужасный
 Мысленнымъ окомъ онъ измѣрялъ.

3.

Ярво во храмъ свѣчи пылали;
 Скорбны, унылы Россы спеклись
 И предъ иконою Вѣчнаго пали;
 Спoны, моленья Русскихъ слились.
 Не о пощадѣ Россы молились:
 Россамъ могучимъ смерть не спрашна;
 Россы безславья, пльна спрашились;
 Россовъ смущала дума одна:
 Какъ бы спасши имъ знамя опчизны,
 Какъ бы со славой имъ умереть —
 Грустно въ предѣлахъ хладной чужбины,
 Очи смыкая, кровныхъ не зрѣшь.

4.

Лучъ показался ясной денницы,
 Россы собрались вновь на стѣлахъ —
 Все приготоовлено: пушки, бойницы,
 Бревна и камни ужъ на врапахъ.
 Тихо, уныло въ Юрьевѣ грозномъ;
 Въ спанѣ Ливонцевъ крики и шумъ;
 Копья сверкають въ сумракѣ тѣмномъ,
 Вячко въ раздумьи—мраченъ, угрюмъ.
 Въ дѣбряхъ полночный вѣспрь ушихаетъ;
 Выюги на землю въ полѣ легли;
 Въ Русскихъ сердцахъ гроза возникаетъ;
 Блещуть спальные Россовъ мечи.
 Красно восходишь солнце въ шуманѣ;

Ярко пушистый иней блещишь;
Кликъ, ликованья слышны во снахъ;
Въ мершвомъ молчаньи Вячко сидишь.

5.

Гласъ въ опдаленнѣ шрубный раздался —
Всѣ изумились, Вячко возсталъ;
Бурь подобнымъ грозный казался;
Взоръ, какъ булашъ, княжій блиспаль.
Рыцарь Ливонскій съ знаменемъ бѣлымъ
Къ граду подѣхаль — рогъ пропрубилъ.
Сдайтесь на милость! — гласомъ надмѣн-
нымъ
Трижды Ливонецъ имъ повпорилъ. —
“Сдашься на милосшь?”, Князь разъяренный,
Мечь обнажая, громко вскричалъ.
“Сдашься лишь можешь рыцарь презрѣнный;
Кляпвамъ же Россъ когда измѣняль?...
Въ Юрьевъ по шрупамъ нашимъ войдете:
Русскимъ не нуженъ вашъ договоръ;
Хладные шрупы въ плѣнъ вы возьмете —
Слава же съ нами; съ вами — позоръ!
Мы ли измѣнимъ Богу, опчизнѣ?...
Плѣна опраднѣй люпая смершь.
Славно съ оружемъ пасшь на чужбинѣ;
Сладко со славой намъ умерешъ.
Множесшва силы мы не спрашимся:
Россъ не считаешъ въ полѣ враговъ;
Именемъ Русскихъ всѣ мы гордимся —

Мы ли измѣнимъ славу опцовъ?...
 Не малодушныхъ воиновъ зрише:
 Смерть мы привыкли въ битвахъ воспрѣ-
 чать.

Нечего медлить — бой возвѣстите:
 Въ битву оружіемъ мы отвѣчаемъ
 Вашимъ собратьямъ будемъ краснѣ!,, —
 Скаешься, Русскій! — Рыцарь сказалъ...
 Въ битвѣ кровавой будешь члнѣ —
 Рыцарь прибавилъ — и поскакалъ.

6.

“Други!,, воскликнулъ Вячко безспрашный.
 “Гордость Ливонцевъ видѣли вы!
 Вѣчный судилъ нашъ жребій ужасный;
 Сложимъ со славой наши главы.
 Съ нами воскреснетъ прадедовъ слава;
 Въ битву получимъ предковъ вѣщцы:
 Пусть изумится тѣнь Святослава;
 Пусть поржествуютъ наши опцы!
 Въ храмъ безсмертья кровью Тевтоцевъ
 Наши напишемъ мы имена;
 Гордость унижимъ буйныхъ Ливонцевъ:
 Славная доля намъ суждена.
 Смерть, или рабство? ... мнѣ отвѣчайте.
 Пльнь, или свобода? Что вамъ милѣй?
 Безъ замедленья вы избирайте:
 Выборъ неспруденъ ... други! скорѣй!,,
 — Смерть и безсмертье мы избираемъ:

Рабство постыдно Русскимъ сердцамъ!
Силу Ливонцевъ мы презираемъ!
Нѣтъ, не уступимъ въ славѣ опцамъ! —

7.

Въ тучахъ багровыхъ солнце сокрылось;
Къ граду Ливонцы съ войскомъ идушь —
Спрѣлы взвились, небо зашмылось;
Градомъ на Россовъ спрѣлы падушь.
Быспрѣ и ужасенъ присхушь Ливонцевъ:
Смерть презирали въ битвахъ они;
Сынались камни съ спѣль на Тевшонцевъ;
Плавали струны въ теплой крови.
Долго съ дружиной Князь защищался,
Долго Ливонцевъ храбрый разилъ,
Долго убитый новымъ смѣнялся ...
Тщелно — шаранъ врага сокрушилъ.
Съ воплемъ Ливонцы въ градъ успремились.
“Други! на вспрѣчу!”, — Вячко вскричалъ —
“Пасть за отчизну, други! рѣшились:
Богъ Всемогущій клятвамъ внималъ.,,
Долго сражался Вячко безспрашный;
Гробомъ Ливонцевъ спали врага;
Мечь прашупилъ княжій ужасный;
Кровь по кольгугѣ мѣдной шекла.
Силы слабѣли — онъ колебался —
Раны безчешны были его —
Пала дружина — онъ лишь оспался —
Труны друзей лежатъ вокругъ него.

Долго безспрашный Вячко рубился,
 Долго Ливонцевъ онъ поражалъ —
 Вдругъ подъ ударомъ шлемъ раздвоился—
 Брызнула кровь — безпренепный палъ.

8.

Сонъ безмятеженъ падшихъ со славой!
 Громки, завидны ваши дѣла!
 Памятникъ славы вашъ величавой:
 Грозныхъ признанье, мудрыхъ хвала!
 Въ быспромъ полешъ время рукою
 Не прикоснешся долго къ нему,
 И пронесущся вѣки рѣкою,
 Лишь придадутъ блескъ новый ему! ...
 Кто за отчизну пашъ не спрашилъ,
 Жизнью своею кто жертвовалъ ей:
 Тотъ кладнокровно въ битвы спремидлс,
 Храмовъ достойнъ шопъ, алшарей! ...

А. Шидловскій.

Я. К. Кайданову.

(Въ день его рожденія 19 Марта 1826 *)

Что, сколько? — Сорокъ семь, племянничекъ,
тебѣ?

Благодареніе Судьбѣ!...

И мнѣ чрезъ три недѣли

Тожь спукнешь! ... Вошь ужь мы довольно
посѣдѣли,

А любимъ все съ побой красавицу одну

Не меньше, чемъ законную жену ...

Да нечего краснѣшь! ... Скажешь ли кшо
пакая?

Вѣдь сора изъ избы отсель не унесушь.

Она, сударини, уже не молодая,

Не модница, бѣдна, босая и нагая,

А благородная! ... Что долго думаешь шуть?

Ее всѣ Истиной зовушь;

Ее-то любимъ мы сердечно

И наша къ ней любовь продлится вѣчно,
вѣчно! —

Вошь я хошь и поэшь

И изъ позшовъ дамскихъ главныхъ—

Случалось мнѣ писашь спишки для дамъ
пщеславныхъ:

Но льспилъ имъ когда въ стихахъ? — По-
чеспи, нѣшь!

---

*) Чипаны во время спола въ дружеской бесѣдѣ.

Не дай Богъ нравиться посредствомъ низ-
кой лестии:

Противно это чести!

И ты, племянничекъ, душою не кривишь:

Что чувствуешь, то говоришь,

А ежели чего въ глаза сказать не можно,

То дѣлать нечего — ужь промолчать шумъ
должно ...

Но противъ совѣсти хвалишь,

Избави, Господи! да лучше вѣкъ не пиши!

Вотъ вышли дочки наши:

Большія двѣ—мои,

Двѣ маленькихъ—твои:

Лизета, Энилька—лишь нѣтъ одной Наташи.

Та съ шифромъ, шакъ горда

И не пришла сюда,

А впрочемъ умница дѣвица!

Хошь ростомъ и мала,

Однако же мила,

Да и смѣла!

Припомъ она читашъ большая масперница.

Мы годика при погодимъ,

Да замужъ всѣхъ ихъ опдадимъ.

Дай Богъ, чтобъ замужемъ онѣ счастливы
были

И что бы ихъ мужья

А наши, какъ бишь? да ... зяпья

На насъ душой и нравомъ походили.

Придешъ и Олинкѣ такажъ череда!

Да гдѣ жь она? Давай ее сюда,
Давай сюда ее плушовку.

Ну, Оля! поцѣлуй ты папеньку въ головку
И въ губки и въ глазокъ,

А шамъ и дѣдушку хопя одинъ разокъ.

Да здравствуетъ новорожденный!

Да здравствуетъ хозяинъ нашъ поч-
тенный!

Дай Богъ ему и всей его сѣмьѣ добра —
Ура!

И.

~~~~~

Незабудки.

Романсѣ.

Незабудки! вы увяли,
Вы засохли, вы пропали!
Гдѣ же зелень, гдѣ ваша цвѣтъ?
Были вы—но васъ ужь нѣтъ!

Помню я, какъ собирали,
Какъ въ пучечикъ васъ вязали,
Тамъ гдѣ искрился ручей,
Я, съ Надежею моею!

“Ахъ!—сказала я ей въ печали—
Чтобъ цвѣточки не увяли,
Приколи ты ихъ на грудь!
Въ нихъ меня не позабудь? „

Небо солнышкомъ горѣло!
 Все играло, все свѣтлѣло!
 Ахъ! прошелъ шопъ ясный день!
 Счастье скрылося, какъ тѣнь!

Что же сдѣлалось съ цвѣтами?
 Всѣ поблекли и съ лиспами!
 И Надѣжею моею
 Были брошены въ ручей!

И неслись въ его стремленьи!
 Я ихъ спасъ ошъ попопленья:
 Перебралъ, пересушилъ,
 И на память сохранилъ!

Мнѣ Надѣжа измѣнила!
 Ужь другаго полюбила!
 Но цвѣпочки у меня,
 Въ память радостнаго дня!

Я емощрю на нихъ порою,
 Мою горькою слезою,
 Опираю и сушу —
 На груди своей ношу!

Красный день воспоминаю!
 Ими весель я бываю!
 Ими шолько счастливь я
 И люблюсь, какъ дитя!

Н. Скородумовъ.

СМѢСЬ.

(Изъ новѣйшихъ иностранныхъ журналовъ.)

Въ Парижѣ все начинается теперь съ нумера впрочемаго.—Балы, концерты, вечеринки въ первый разъ посѣщаются мало; со впрочемаго же разу бываетъ большое сшеченіе публики: такъ великъ мода! — *Freymüthige.*

Въ 1457 году Генрихъ VI, Король Англинскій, издалъ законъ, въ силу котораго замужнія женщины не имѣли права сходиться между собою въ обществахъ, и разговаривать о пустякахъ; мужья обязаны были держать ихъ дома за замкомъ.— *Оттуда же.*

У одного аптекаря въ Арль жаба и змѣя, посаженные въ одну клѣшку, такъ свыклись между собою, что когда Аптекарь вынулъ изъ клѣшки жабу и убилъ ее, для потребнаго составленія лѣкарствъ, то змѣя, лишенная своей подружки, околѣла съ печали (?)—*Corzaire.*

Извозчикъ наемнаго фіакра такъ близко ѣхалъ къ пропугару, что задѣлъ колесомъ одного пѣшехода; эпошь, не перенесъ равнодушно такого толчка, ударилъ палкою стоящаго за фіакромъ лакея и сказалъ ему:

“отплати, братъ, извощику мою же монѣ-
шою, я не успѣлъ перевѣдаться съ нимъ.,,
—*Abend-Zeitung*.

Парижъ. Французскій Импровизаторъ
де Прадель въ залѣ Консерваторіи импро-
визировалъ недавно въ пользу жишелей
сгорѣвшаго города Салена.—Ему заданы бы-
ли темы: смерть Бейрона и пожаръ Сале-
на. — Де Прадель, описавъ въ прекрасныхъ
стихахъ поперю знаменишаго пѣвца, и не-
счастіе погорѣвшихъ Саленцовъ, заслужилъ
всеобщее рукоплесканіе публики. *Petit Cour-
rier des dames*.

Недавно на Парижскомъ лѣшнемъ вок-
саль состязались въ фехтованьѣ при но-
выхъ Амазонки, родныя сестры: Аделъ, По-
лина и Каролина.—Это новое зрѣлище для
Парижанъ привлекло большое стеченіе пу-
блики въ воксаль.—Каролина, принадлежав-
шья дѣвица побѣдила двухъ спаршихъ
сесперь и показала большое искусство въ
фехтованьѣ.—*Wiener Moden Zeitschrift*.

Одинъ содержатель дикихъ звѣрей въ
Лионѣ, дѣлаеть всякую недѣлю справлю. —
Львы, буйволы и проч. справятся больши-
ми собаками.—Зрѣлища такого рода при-
влекають большое стеченіе публики; но
вопъ что инымъ не нравился, что содер-
жатель эту звѣриную пошѣху вздумалъ на-
звать (въ афишахъ) *великолѣпнымъ турни-*

ро.иѣ звѣрей.—Какое поношеніе для рыцарства!—*Corsaire.*

“Вѣроятно вчера было много посѣщителей въ нашемъ клубѣ, во время такой дождливой погоды?,”—спросилъ нѣкто своего приятеля.—О конечно, и очень довольно; если бы пришли въ клубъ еще два человека, то можно было бы соспавить паршию въ боспонъ. — *Abend-Zeitung.*

Послѣ сраженія при Слюисѣ, гдѣ Эдуардъ III одержалъ рѣшительную побѣду надъ Французскимъ флотомъ, никто не смѣлъ доложить Филиппу VI о семъ печальномъ происшествіи.—Наконецъ придворный шушь взялся объявить о семъ Королю.—Онъ являясь къ нему, ходилъ взадъ и впередъ большими шагами по комнатамъ и ворчалъ про себя: “пруссы Англичане!,”—Почему ты называешь ихъ пруссами? спросилъ у него Король? — “Они побоялись воды и не хотѣли послѣдовать примѣру храбрыхъ Французовъ, которые съ кораблей всѣ попрыгали въ море! — *Оттуда же.*

Нѣкто хотѣвъ сдѣлать легкій упрекъ своему племяннику, укравшему у него серебряную шарелку, пемѣспилъ въ духовномъ завѣщаніи слѣдующее: “Племяннику моему оспавляю я одиннадцать серебряныхъ шарелокъ: онъ конечно знаетъ, почему я не ошказалъ ему цѣлой дюжины!,” — *Оттуда же.*

На островѣ Гваделупѣ — родила одна Мулашка мальчика, у котораго зрачки подобны были часовому циферблашу? — Эту странную игру природы приписываютъ тому, что Мулашка во время своей беременности имѣла странное желаніе обладаться часами (?) — *Corsaire*.

Одна женщина, живущая въ Суперъ-крикѣ (въ Пенсильваніи) укушена была въ палець змѣею, скрывшеюся въ куряшникѣ. — Не зная, чѣмъ захватить вдругъ столь опасную рану, она рѣшилась отрубить палець, и симъ спасла жизнь свою отъ очевидной опасности. — *Freymüthige*.

Улетѣвшая изъ клѣтки канарейка.

Лишь только успѣлъ я обрить себѣ половину бороды, какъ услышалъ вопль жены моей; она выбѣжала изъ спальни и со слезами объявила мнѣ, что ея любимая канарейка Жюко вылетѣла изъ клѣтки на улицу. — Забывъ о недобришій бородѣ, я бросился къ окошку, и закричалъ: пожалуста, брашцы, поймайте этого бѣглеца. — Въ это самое время бѣжалъ какой-то парень по улицѣ; два разнощика, вышедшіе изъ моего дома, вообразили, что я приказалъ имъ ловить вора, побѣжали за парнемъ; но, чтобъ вывести ихъ изъ заблужденія, я указываю рукою на домъ моего сосѣда, гдѣ нашла убѣжище канарейка. — Но никшо не

примѣчалъ улещѣвшей ппички; по крику жены моей и по бришвѣ въ рукахъ моихъ, всякой предсѣпавиль себѣ какое нибудь важное происшествіе; короче въ нѣскольکو минутъ собралась на улицѣ большая толпа народа. — Наконецъ примѣшили канарейку, скрывшуюся въ окошкѣ вшораго эшажа; плопникъ подспавиль гуда лѣспницу, но такъ не ловко, что разбиль спекла у сосѣда. — Въ ту же минушу проѣхала шупъ кареша, задѣла колесомъ лѣспницу; плопникъ упаль съ нея и переломиль себѣ ноту. — Крикъ плопника увеличилъ толпу народа; бѣгушъ, чшобъ оспановишь карешу; между шемъ разнощики поймали убѣжавшаго парня и уже за мнимое воровство порядочно поколошили его на улицѣ. — Чемъ болѣе я бѣсился, шемъ менѣе понимали меня окружающіе. — Нѣскольکو человекъ, не примѣчая канарейки, думали, по движенію рукъ моихъ, что я хочу призвашь спражу, побѣжали за полиціею и чрезъ нѣскольکو минутъ явились Жандармы и Національная Гвардія. Я выщель изъ себя опъ глѣва; роковая бришва, скользнувъ изъ руки моей, попала въ лобъ одному изъ зришелей и сдѣлала рубецъ на черепѣ. — Народъ бросился на меня съ кулаками и палками. — Къ счастью моему, явился въ эпу минушу Полицейскій Комиссаръ, кропкѣй и раз-

судимельный человекъ; онъ, выслушавъ дѣло, успокоилъ народъ и присудилъ меня заплашить сосѣду за разбиныя стекла, вылѣчить на мой счетъ переломленную ногу плотника и разрѣзанный лобъ зрителья, заплашить разнощикамъ премію за преслѣдованіе мнимаго вора, а парню за напрасныя побои. — Ипакъ за улепѣвшую канарейку, которую однако и не поймали, насилу могъ я опдѣлаться нѣсколькими сопнями франковъ. — *Gesellschafter*.

Въ Германіи разыгрываютъ въ лоштерю замки, въ Венгріи винныя погреба, въ Шопландіи, женъ (?) въ Ліонѣ оленей. — *Corsaire*.

Въ рудоконьяхъ Корвалиса находилась пеперь величайшая паровая машина. — Она поднимаетъ на сто футовъ вышиною въ каждую минушу восемьдесятъ тысячъ фунтовъ. — *Einheimisches*.

Рѣдкости. Нѣмецкая Драма безъ напьяжекъ, Французская Трагедія безъ невѣроятностей; Романъ Валшера Скопша безъ лишней плодовитости, газета безъ пусто-словія. — *Pandore*.

Въ Коннектикутѣ убило недавно громомъ молодую дѣвицу. — Элекприческая сила ударила въ спальную пряжку, приспегнушую на поясъ. — Вошь какъ опасно носишь лѣпомъ нынѣшніе модные кушаки. — *Leipziger Moden Zeitung*.

Въ Зингапурѣ одинъ Китайскій купецъ давалъ недавно шаманскому Губернатору великолѣпный обѣдъ въ Азіяскомъ вкусѣ: супъ изъ пшичьихъ гнѣздъ съ лягушечьими печенками; рагу изъ слоновой спудени съ ялицами ящерицы; жареный дикообразъ съ соусомъ изъ жабъ; рыбы желудка съ морскимъ мохомъ; желе изъ кожи носорога.— Плоды изъ Малакки и Рио Жанейро, вина изъ Европы и Азіи. Эпошъ обѣдъ стоилъ 1000 фунтовъ стерлинговъ. — *Frondeur.*

Нѣкто спросилъ одного Переводчика, какъ Бонапарть называется по французски? — *Наполеонъ*, отвѣчалъ Переводчикъ. — *Оттуда же.*

Пиронъ, во время перваго представленія своей *Метроманіи* пировалъ въ шракширѣ со своими приятелями. Одинъ изъ друзей Поэша, бывъ въ пошъ вечеръ въ теашрѣ, прибѣгаетъ въ шракширъ и съ восхищеніемъ объявляетъ Пирону, что піэса его принята съ большимъ одобреніемъ публикою. — «Скажи лучше объ эпошъ шракширцику (которому Пиронъ былъ много долженъ): онъ болѣе порадуется успѣху моей піэсы.—*Frondeur.*

Въ сраженіи при Иври Французскій авангардъ хотѣлъ обратиться въ бѣгство. Тогда Генрихъ IVъ закричалъ воинамъ: *tournez la tête, et si vous ne voulez pas combat-*

Деятелилѣпная опышность удосшовѣрила его въ слѣдующемъ: *теми кто бѣдѣе и тешнѣе, теми скролинѣе и застѣнтивѣе*. Любительницы кофею и другихъ напитковъ смѣлы, краснорѣчивы, низкопоклонны, умѣють кспати заплакашь; но ихъ весьма легко узнать по симъ признакамъ. Наспоющія же бѣдныя всегда скромны; мало говорятъ; приходящъ просятъ въ самой шолько крайности; въ случаѣ опказа не дѣлають никакихъ усилій и ждуть шерпѣливо, пока небольшое пособіе прислано будетъ въ ихъ жилище. Пособія симъ несчастнымъ обыкновенно доставляються на ихъ кварширу или самимъ Издашедемъ, или чрезъ самыхъ вѣрныхъ людей.

Случалось Издашелю не одинъ разъ видѣть на высокихъ чердакахъ и въ сырыхъ подземельяхъ ужаснѣйшую каршану нищепы — видѣть людей, жившихъ нѣкогда въ великолѣпныхъ палатахъ, дававшихъ богатые пиры; а шеперь, подъ спароспъ и дряхлоспъ, помнящихся въ шемномъ углу, немѣющихъ у себя не шолько прислуги, но даже необходимо пужной одежды и обуви — иногда же и ... куска насущнаго хлѣба. — Но въ одиночествѣ нищета все еще не такъ ужасна. — А видѣть несчастную мать, окруженную босыми и едва покрытыми рубищемъ малюшками, которыя шщепно

просить отъ нея *кусочка хлѣба* — видѣть бѣдную молодую дѣвицу, лишенную всѣхъ невинныхъ удовольствій своего возраста, просиживающую въ слезахъ цѣлые дни и ночи за рукодѣльемъ у болѣзненнаго одроща, или машери, чпо бы выработать имъ не на лѣкарства, но хотя на необходимую пищу — несравненно еще ужаснѣе!

Иногда и самое малое пособіе можешь водворить на нѣсколько дней радость въ жилищѣ нищеты и скорби. *Дорого и легко къ велику дню!* Съ какою благодарностію, съ какимъ возпоргомъ принимала отъ Издашеля не только красненькую, но и сиенькую бумажку, несчастная, большая женщина, которая лѣтъ за десять до своей кончины не знала у себя счета деньгамъ, а послѣ дни по два иногда лежала въ пусной компаніи безъ всякаго призора, безъ нищи и перпѣла часто не только голодь, но и самую жажду. — Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ самый первый день Свѣшлаго Праздника, послѣ обѣдни, Издашель получилъ отъ одной благошворительной особы чепыре полуимперіала. Немедленно послалъ онъ одинъ изъ нихъ къ *N. N.*, несчастному отцу семейства, который будучи долго боленъ и безъ мѣста, дошелъ до послѣдней крайности. Эпощъ Гль *N. N.* не былъ еще тогда лично извѣстенъ Издашелю *Благонимбрен-*

наго. Чшо же? Дѣйствительнo нечемъ было разговѣшься. Отець и мать, скрѣпя сердце, сидѣли подгорюнившись, а бѣдныя дѣти плакали. Невозможно изъяснишь благодарности и радости, съ какою принято было такое неожиданное пособіе: оно, по собственнымъ словамъ сихъ несчастныхъ, *воскресило ихъ въ день Свѣтлаго Воскресенія*. Вскорѣ послѣ того добрые люди, узнавъ о бѣдственномъ положеніи этого сѣмейства, помогли, чемъ могли: приспроили бѣднаго *N. N.* къ мѣспу; начальство весьма доволно усердіемъ его и честнымъ поведеніемъ; теперь онъ не терпитъ нужды, воспитывается сообразно своему состоянію въ спрахъ Божіемъ дѣшей, и старшій его сыгъ поспунилъ уже на службу. — Вотъ что иногда можетъ сдѣлать одинъ *полцилперіалъ*.

Но Издапель *Благонамѣреннаго* принимаетъ пособія для бѣдныхъ не одною только золотою монешою, но и серебряною и ассигнаціями — даже плашье и бѣлье, хощя и не новое,

Издапель.

Извѣстiе о бѣдномъ сѣмействѣ.

Письмо къ Издателю.

Издавая *Благонадежденный*, вы имѣете цѣлю—благошворенiе: основываясь на семь, я рѣшился писать къ вамъ объ несчастной вдовѣ *Елисаветѣ Сисенани*, живущей въ Московской части 3го квартала, въ Щербаконной улицѣ, въ домѣ купца Крашенинникова подь No 159, съ четырьмя малюшками. Она не имѣетъ ничего—кромя надежды на Всевышняго и на пѣхъ, которые рождены съ чувствительнымъ и пѣжнымъ сердцемъ (разумѣется въ числѣ оныхъ и вы Александръ Ефимовичъ *). Меня чрезвычайно пропущь видѣ бѣдной хижины, блѣдныя лица малютокъ и опчаянiе несчастной матери. Прошу васъ, сдѣлайте одолженiе извѣстите о семь несчастномъ сѣмействѣ почтенную Публику; надѣюсь, что найдутся добродѣтельные люди, и подадутъ руку помощи — убитой нищетою. Помогать несчастному — есть лучшая черта великодушнаго человека.

Имѣю честь быть и проч.

29 Марта. Читатель *Благонадежденнаго*.
1826.

~~~~~

*) Покорнѣйше благодарю. Точно у меня чувствительное, мѣжное сердце, можешь быть уже и слишкомъ! Изд.

ОГЛАВЛЕНІЕ XXXIII ЧАСТИ.

Стихотворенія.

Баллады, Душны и т. п.

Стран.

Георгій	79.
Димитрій Тверскій	227.
Сонъ	292.
Князь Вячко	361.

Пѣсни, Романсы и пр.

Снаршанки	87.
Прощальная пѣснь	225.
Незабудки	370.

Посланія:

Къ П—ну	48.
Б—му	85.
Н. Ѳ. Остолопову	255.
Е. Г. М—ой	259.
Т. Н. О—вой	295.
Н. Ѳ. О., почтеннѣйшему моему учи- телю стиховорства	296.
Женѣ моей, при подаркѣ <i>Календара</i> <i>Музб</i>	297.
Я. К. Кайдапову, въ день его рожде- нія	388.
Одинокство. <i>Элегія</i>	83.

Басни и Сказки:

Дура Пахомовна	44.
Пчела и Овца	90.

Чай и Шалфей	162.
Вѣдная Лилей	—

Слѣвь:

Въ альбомѣ М. П. Ж.	46.
Клятва оскорбленнаго Поэма	89.
Бейронъ	160.
Алиѣ, по случаю пропажи ея портре- та	—
Князю Н. А. Церетелеву	164.
М. В. В. на присланную ошь нея вы- шитую бабочку	234.
Предчувствіе	—
Смерть чижика и рожденіе страсти къ стихотворству	288.
На заданныя слова . . . . . 164 и	236.
<i>Эпиграмы</i>	91.
<i>Омонимъ</i>	64.

Проза.

Речь, говоренная по опиравленіи на- нихиды по Е. И. В. ГОСУДАРЬ ИМ- ПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛО- ВИЧЪ, Павломъ Епископомъ Виш- скимъ, 12 Декабря 1825	113.

Повѣсти и Анекдоты.

Мячь	4 и 67.
Арабъ, или гостепріимство	131.
Кашемировое плашье	241.
Присшраспная любовь . . . . . 271 и	323.
Урокъ замужнимъ кокешкамъ	343.

III

Отрывки изъ живописныхъ путешествій:

Стран.

Письма изъ Ревеля . . . . . 25, 53 и 99.

II. ЛИТТЕРАТУРА, НАУКИ И ИСКУССТВА.

Отрывки изъ Путешествій:

Письма Начальника Миссии изъ Мезени . . . . . 106 и 306.

Неаполь . . . . . 195.

Гжа де Вильешъ, или воспоминаніе о Вольшерфъ . . . . . 259.

О Нѣмецкомъ языкѣ, въ отношеніи склонности его къ разговору . . . 95.

III. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Нѣчто о *Драматическомъ Альбомѣ* . . . 298.

О новыхъ книгахъ . . . 56, 125, 167 и 312.

IV. СМѢСЬ.

Разныя мысли и замѣчанія . . . . . 49.

Выписки изъ иностранныхъ журналовъ . . . . . 372.

Собака и Кошка . . . . . 187.

Анекдоты . . . . . 121, 189 и 256.

Благотворенія . . . . . 320.

Извѣстія о бѣдныхъ . . . . . 383 и 322.

Къ чинашелямъ *Благонаименнаго* . . . 379.

